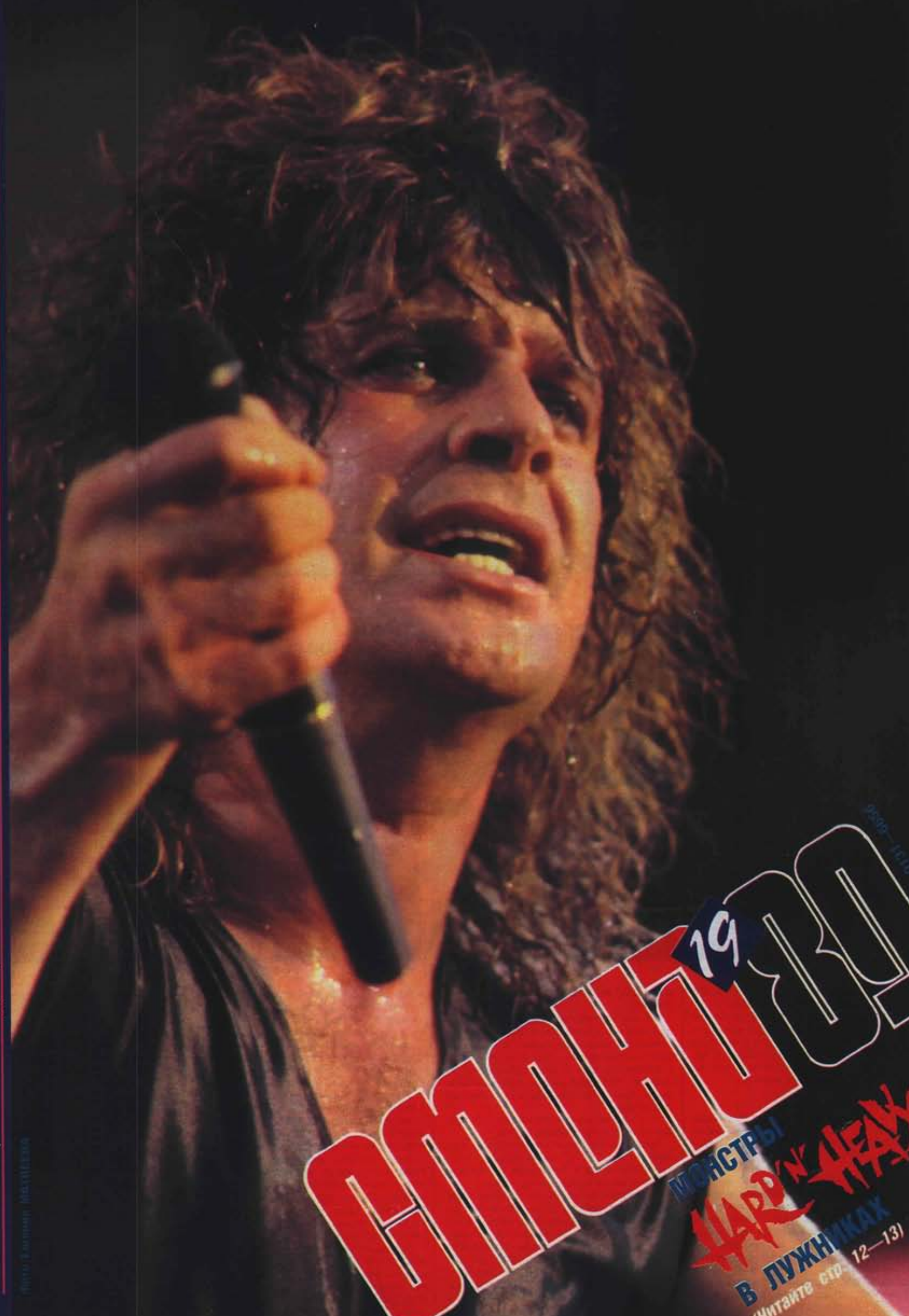

- Не дать погибнуть Эвенкии. фотоочерк ▪ Дмитрий Юрасов. «Меня считают архивным вором...»
- Рассказ Лестера дель Рея «Конец света» ▪ Новый взгляд на проблему рака. Гипотеза
- Ванга. Отрывок из документальной повести ▪ Григорий Глазов «Ночной пасьянс»

Фото: Евгений Мазурков

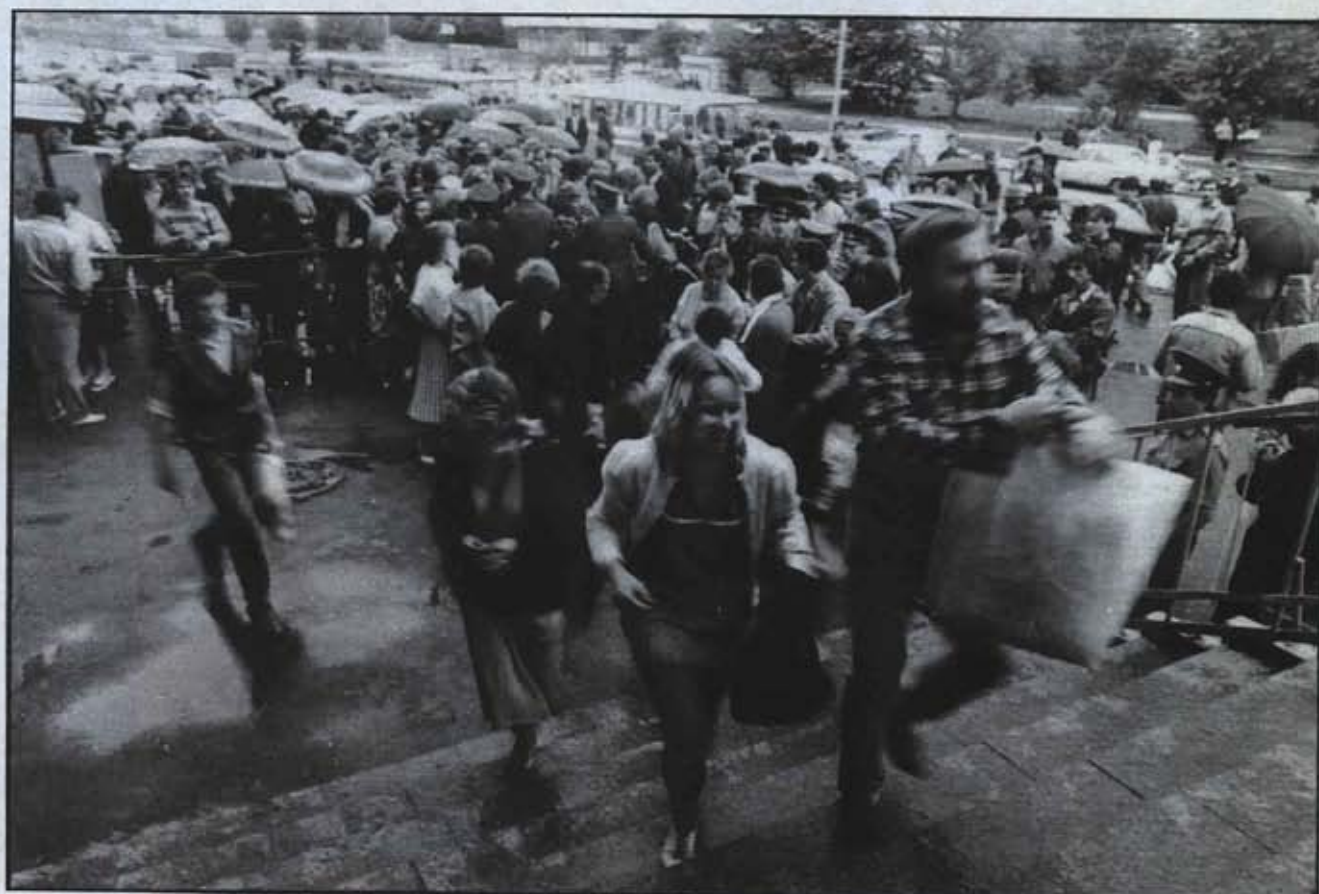
СМЯТЫ

19

МОНСТРЫ

ХАРД'Н'ХЕАУ

В ЛУЖНИКАХ
(Читайте стр. 12—13)

ЖИЗНЬ ТАЛОНЧИКАМ

Сергей
ЛИТВИНОВ
Фото Эдуарда
КУДРЯВИЦКОГО

— Толпа все наседала. Кричал ребенок: одна станочница привела с собой — не с кем оставить. Друзинники стали от дверей отшвыривать всех, кто попадет под руку. Выкинули и меня на лестницу. Тут я кошелек бросила и так разревелась! Когда сын болел, так не плакала. Настоящая истерика...

Что это? Где? Когда?

1989 год. Рассказ современницы о том, как проходила распродажа на их предприятии: французские тушь, дезодоранты, колготки...

СПРАВКА: Распродажа — форма торговли в условиях дефицита товаров. Получила широкое распространение в восьмидесятые годы: магазин привозит товары на предприятие, в учреждение и продает их только членам трудового коллектива («выездная торговля»). Или профком распределяет талоны-приглашения, по которым в магазине,

для других закрытом, продают дефицит...

Готовя эту статью, я не только читал документы и справки — беседовал со специалистами, с друзьями, знакомыми, просто прохожими: как они относятся к распродажам? И вот любопытно: их мнения подтверждались документами: сухой язык справок говорил о тех же проблемах.

— Пока мы на работе сидим, эти приезжие все в магазинах скупают...

Такое услышишь и от москвича, и от прибалтийца, и от ленинградца, и от киевлянина. Да и, наверное, от жителя любого областного центра тоже.

Неприятнь к «чужакам» кое-где подогревают. Например, один из руководителей московской торговли сетует в интервью «Вечерней Москве»: «До 40 процентов покупок в городе совершают приезжие», поэтому «...снижается уровень культуры обслуживания. Посудите сами, нагрузка на нашего продавца в полтора раза превышает ту, которую

испытывают его коллеги в других регионах. Можно ли ожидать в такой ситуации от женщин, стоящих за прилавком, улыбки, доброжелательности?..» Значит, если тебе, москвичу, нахамила продавщица, виноват приезжий?

Выездная торговля есть во многих крупных городах. А в Латвии, например, с 1 сентября нынешнего года введены «визитные карточки», по которым ряд товаров продается только жителям республики. По решению исполкома Моссовета и МГСПС фонды промышленных товаров, выделяемые для продажи в трудовых коллективах, составят в нынешнем году 1,5 миллиарда рублей. (Всего три года назад на распродажах было реализовано товаров на 83 миллиона рублей: почти в 20 раз увеличилась такая торговля!)

Торговый работник, просивший не называть его имени, сказал мне, что расширять распродажи стали после того, как весьма высокопоставленный руководитель категорично указал: «Чтоб

я больше очередей не видел! Срок — месяц!..» Слух? Злая сплетня? Но она, как увидит читатель в дальнейшем, многое объясняет. В частности, почему распродаж — несмотря на то, что не любят их многие покупатели, торговые работники, профсоюзные лидеры — становится все больше.

Кстати, почему мы стали очередью бояться? Перед иностранцами стыдно? Полно!.. Недавно в редакцию «Смены» приезжала бельгийская фотожурналистка. Говорили о том, что ей отснять у нас. Кто-то предложил: «Сходи в ГУМ, сфотографируй очереди». Она только рукой махнула: «А, отыгранная тема. Об этом у нас уже сто раз писали».

Или очереди оскверняют взоры тех, кто ездит в длинных черных автомобилях?

Замечательная форма борьбы с очередями: загнать их на предприятия, в спецмагазины — с глаз долой. А может, все решается проще?

СПРАВКА: Розничный товароборот

в расчете на одного жителя Москвы был в 1988 году в 2,3 раза больше, чем в целом по стране. Выделяемые на одного жителя столицы фонды холодильников, телевизоров, магнитофонов в 1,4—1,5 раза превышают общесоюзные, а одежды, обуви, мебели, парфюмерии — в 2,2—4,3 раза.

Я, конечно, понимаю, что звание «москвич» звучит гордо, но надо ли эту гордость постоянно подпитывать колготками и лезвиями для бритвы? Может, если фонды распределять справедливее, то и не будет нужды ехать в столицу за покупками?

Были мы с фотокопом у магазина «Белград» в день, когда шла торговля для предприятия. Все, как раньше: и очереди, и милиция, и слезы, и ругань, и спекулянты. Правда, появилась новинка: продают с рук входные талоны. Когда в магазине торгуют чем-то «монументальным» (вроде шуб), талон стоит 100—150 рублей. К концу дня (вещи уже кончатся) цена на пропуск падает до десяти рублей. Люди обижаются: кому-то дали талон на 9 утра, когда много (по нашим меркам) в магазине есть, а кому-то — на 5 вечера: ничего уже не купишь.

ЗАПИСЬ РАЗГОВОРОВ В ОЧЕРЕДИ:

— Распродажа — раз в год. Разве можно купить все, что надо?

— На работе из-за талона переругались все, передрались...

— Мы пойдем жаловаться!

— Идите! Идите, жалуйтесь!

— Я с ребенком, мне бы только посмотреть...

Информация: обмен дефектных изделий после восемнадцати часов. Не имеет смысла ждать.

— Нравится такая торговля? Нет. Почему? Талоны начальство себе берет. Нам — остатки.

— Нам талон на восемь человек дали. Жребий тянули...

— Вдвоем по одному талону идем. Ей сапоги нужны, мне — сумка. Не знаю, пустят?.. Нужен плащ, а в магазине — обои, нужна обувь — покупаешь сумку...

— Дали талоны, а у нас рабочий день. Половина не смогла прийти.

— Из Дагестана мы. Все равно домой подарки везти — у спекулянтов покупаем.

— Невозможно семейный бюджет планировать. Все считаешь, а тут распродажа. Вещь не нужна, а покупаешь...

— Леш, десять человек давай запускай!

Провел мини-опрос: выборка была небольшая — двадцать человек. Зато только те, кому повезло (талон достался!). Лишь пятеро сказали: «Да, нравится». Непонятно, откуда в решении исполкома Моссовета и МГСПС взялась строка о том, что подобная торговля получила одобрение трудящихся и жителей города? Общественного референдума вроде не проводили.

...Милиционеры пригласили фотокара снять, как будут брать спекулянта. Он побежал с ними, отцелкал. Через пять минут сержант подошел к нам: «Ребята, их здесь целая группа. Вас засекли. Могут разбить фотоаппарат. Когда будете уходить, подкину до метро на машине». В «газике» милиционер сказал: «Человек тридцать задерживаем каждый день — за спекуляцию и торговлю с рук. Как появились талоны — спекулянтов еще больше стало».

У кого есть деньги и надо отовариться — тому никакие талоны не помеха. Везут товар на какое-нибудь предприятие, а сзади уже пристраиваются машины перекупщиков. Откуда узнают?..

Во ВНИИКСе (Всесоюзном НИИ конъюнктуры торговли и спроса населения) мне сказали: талон на портативный цветной телевизор стоит на «черном рынке» 200 рублей, талон на мебельный гарнитур — 2 тысячи. Около 250 тысяч наборов мебели продается в столице ежегодно (только москвичам, только по талонам!), из них 30 тысяч отправляется каждый год в другие города. Ладно, если кто-то отправляет гарнитур теще в Бердянск или сестре в Орел. А сколько перепродается? Думаю, не будет преувеличением сказать, что только на мебели спекулянты зарабатывают миллионы.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (суд пока не состоялся, поэтому не называю фамилии и места работы подсудимых): «Директор магазина «Галантерея» Б. договорился с председателем профкома С-ой фабрики М., что привезет на распродажу пятьсот упаковок французской туши, а М. распишет, что он якобы получил тысячу. Оставшуюся тушь Б. продавала вдвое дороже. При обыске в ее квартире обнаружено 225 упаковок туши, 94 набора лезвий «Шик», 10 пар импортных сапог».

Подобных дел не одно и не два... Не хочется обижать честных профсоюзных лидеров, которых, конечно, большинство, но распродажи, согласитесь, искушают если не нажиться, то порадовать родному человеку.

— На соседнюю фабрику чего только не возят! Да так часто! А нам раз в год косметику привезут — и будь доволен...

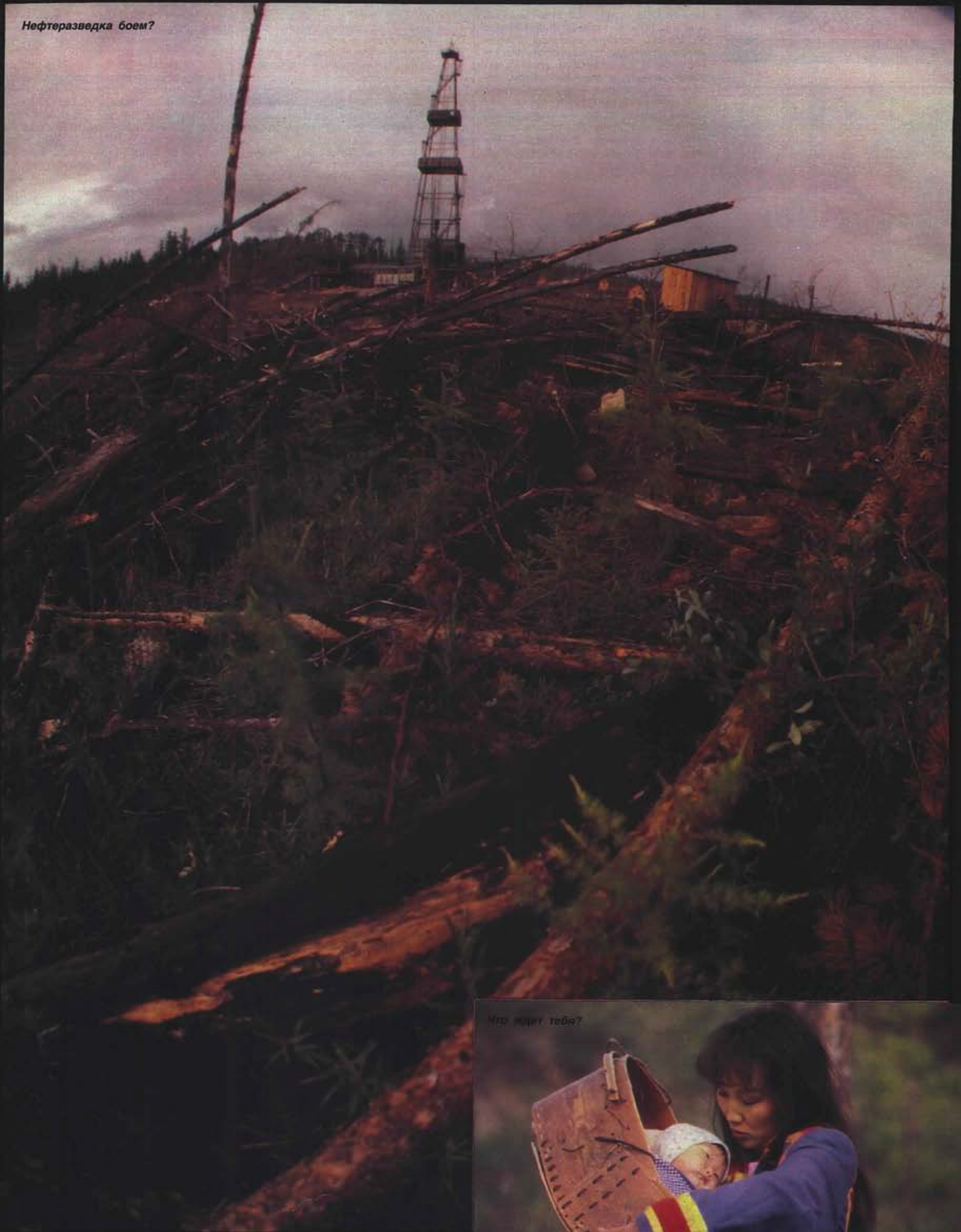
СПРАВКА: Универмаг «Краснопресненский» предлагал таким предприятиям, как комбинат «Трехгорная мануфактура», ПШО «Москва», ЦНИ «Монолит», Всероссийское общество глухонемых, крайне ограниченный ассортимент товаров — от 2 до 4 наименований, в то время как Господнадзору, исполкому — по 25 наименований, Росвнешторгу — 19. Так, Господнадзору на 100 человек было завезено товаров на сумму более 133 тысяч рублей, в том числе 800 пар обуви производства капстран, то есть по 8 пар на работающего. Универмаг провел в течение прошлого года 3 выездные торговли для своих работников: на 740 человек продано товаров на 1,5 миллиона рублей... Для работников «Трехгорки» сумма реализованных товаров составила на человека 37 руб. 75 коп., в том числе обуви — на 28 руб. 65 коп., парфюмерии — на 1 руб. 07 коп.

Единичный случай? Не уверен... Скорее напротив: думаю, что торговля всегда будет делить предприятия на богатые — бедные, выгодные — невыгодные. Не знаю, как в других городах, а в решении исполкома Моссовета и МГСПС (упоминавшемся уже) записано: «Установить, что приоритет в торговом обслуживании товарами повышенного спроса имеют производственные коллективы, успешно выполняющие государственный заказ на производство товаров народного потребления...» Что же, яслям или школе надо «варенки» шить, чтобы до них торговля снизошла?.. Приоритетом в распродажах, оказывается, пользуются и те, кто оказывает «содействие предприятиям торговли в их техническом перевооружении и решении социальных вопросов». Вот это да!.. Товарищи продавцы! Какой социальный вопрос вам поможет решить, скажем, редакция? Написать о вас хвалебный очерк?..

Читаю дальше сей плод совместного творчества: «Поручить хозяйственным руководителям и профсоюзным комитетам предприятий и организаций... предоставлять для проведения выездной торговли помещения, условия для работы кассовых аппаратов, транспорт, подсобных рабочих, обеспечивать сохранность товаров и пропускной режим». Ну, а где взять, к примеру, сберкассы транспорт и подсобных рабочих?..

Нефтеразведка боем?

Что ждет тебя?

У оленеводов...

ЭВЕНКИЯ БЕЗ ЭВЕНКОВ?

Владимир АНИСИМОВ
Фото Альберта ЛЕХМУСА

...Был у меня и личный интерес в этой командировке. Почти двадцать лет назад работал корреспондентом Эвенкийского окружного радио — и с тех пор, увы, не выпадала сюда дорога.

«Только самолетом можно долететь» — это в точности про Эвенкию. Округ напоминает гигантский тысячекилометровый остров в море Красноярской тайги. Бесчисленные солки, реки, озера прочно отделяют его от Большой земли. Лишь когда весной сходит лед на Нижней и Подкаменной Тунгусках, по большой воде поднимаются в Эвенкию караваны судов с продовольствием, строима-

териалами, техникой — событие года! (Кстати, мало кто знает, что главная река округа имеет и другое название. Помните роман В. Шшкова? Да-да, Нижняя Тунгуска — «прообраз» Угрюм-реки.)

В центральной печати округ появлялся крайне редко. Наверное, потому, что не разворачивали здесь «громких» строек, крупной индустрии. Правда, уже тогда работали нефтеразведчики, но без особенных успехов. А в основном жила Эвенкия охотой, оленеводством, звероводством — исконными своими промыслами.

Как живет она сегодня?

Начну с темы, которую все равно не обойти.

Когда-то бывший шеф наставлял меня, начинающего сотрудника, как брать интервью у оленевода: «Едешь в стадо — возьми бутылку. Утром он в чуме проснется с похмелья — ты ему полстакана. Но не больше, а то снова свалится! Сто грамм в самый раз. Без этого их трудно разговаривать».

Сразу скажу, советом шефа я так ни разу и не воспользовался... Но и без меня «доброжелателей» хватало. Особенно пышно расцветало застолье в период весенних и осенних сугланов (раньше сугланом называ-

лось родовое собрание, в наши дни — собрание рабочих совхоза). Съезжались на фактории оленеводы, прилетало районное, окружное начальство. После деловой части — докладов и прений — начиналось... Нередко с беспощадной малоприцельной стрельбой — благо нарезного и гладкоствольного оружия у оленеводов и охотников достаточно.

В литературе о народах Севера, юбилейных статьях, печатавшихся в те годы, можно найти немало гневных слов о дореволюционных купцах — грабителях, менявших огненную воду на соболя, спаивавших тунгусов. Ну, а мы-то чем лучше?

Я присутствовал в суде, когда объявляли смертный приговор молодому мотористу. Не помню уж, зачем он отправился на своем катере в эвенкийское стойбище — за мясом ли, рыбой или камусом. Но водки и самогона прихватил немало.

Выпили. Поссорились. Моторист схватился за карабин... На всех патронов не хватило. Последнего из этой эвенкийской семьи, старика, он добивал из ракетницы. «Подсудимый, вам приговор ясен?» — спросил судья. «Ясен», — отрывисто бросил парень. Ни единый мускул на лице не дрогнул.

Но то рецидивист. А дрогнуло ли что-то в сердцах ответственных районных работников, когда они узнали о несчастье Валентина К. из Чемдальска?

Как-то во время суглана я жил у него. Крепкий, молодой мужик, один из лучших охотников Эвенкии. И дом, хозяйство — все под стать хозяину: справное, крепкое. Несмотря на сугланное веселье, Валентин спиртным не увлекался.

Через несколько лет дошли до меня странные, видимо, искаженные обстоятельства слухи. А недавно узнал подробности.

Весной нагрянули к Валентину гости — те самые ответработники. Хозяйна дома не оказалось — рыбачил где-то на боковой речке. Жена объяснила, как его найти и попросила: только, пожалуйста, спиртного не везите. Но у гостей «с собой было»... После дружеского ужина они погрузились в моторку и отчалили, бросив К. одного, спящего у костра. Огонь подобрался к ноге, загорелся сапог... Охотник нашел силы добраться до поселка. Но ногу пришлось отнять. Участие районщиков в этой трагедии вскрылось, однако дело приглушили, замкнули.

Что же, спросите, стало с охотником? Выдюжил, не сломался мужик. Приспособился на коне соболя промышлять, а недавно «Буран» приобрел. И двое сыновей с ним. Владимир — лучший молодой охотник Эвенкии по итогам прошедшего сезона. А имя отца, гремевшее по всему округу, вспоминают реже, не все теперь его и знают.

А Указ помог ли? Тут тоже наэспериментировали, наломали дров. Планная система породила самогонщиков и бешеную спекуляцию. Бутылка водки — 50 рублей, спирта — 100! Перед нашим приездом в столице Эвенкии Туре возобновили свободную продажу — милиции работы прибавилось вдвое.

Возможно, мы всегда невольно приукрашиваем прошлое (и трава зеленее была!), но, ей-богу, не припомню такого ажиотажа вокруг спиртного. Особенно по пятницам: в преддверии двух «сухих» дней тянется от магазина вереница людей с охалками водки и портвейна. По-прежнему попадает спиртное и в оленеводческие бригады, отделенные от магазинов десятками километров тайги — сам видел пустые бутылки из-под «Русской» около чумов.

...Купцы, кстати, привозили огненную воду раз в год, когда скупали пушнину. Как и везде, больше всего страдают от пьянства взрослых их дети.

Тунгусы никогда не знали сиротства. Если умирал глава семьи, его брат или другой родственник принимали на себя обязанность содержать вдову и детей. В наше время появились сироты и при живых родителях. Окружной дом ребенка — это тоже следствие изменения нравов и обычаев на Севере. Неологизм «отказные дети» добрался и до Эвенкии.

...Обыкновенный с виду - ребенок. Спрашиваю:

— Как тебя зовут?

— Молчит. Стесняется.

— Он еще не говорит. Ни одного слова, — тихо объясняет воспитатель Ольга Петровна Сихарулидзе.

— Совсем? Сколько ж ему?

— Скоро три года...

Вывели детей на прогулку. Вокруг дома пыльные дороги, в нескольких

метрах от входа — стройка. Есть под окнами крошечный зеленый пятачок с березками, но и тот заболочен, «обрамлен» ручьями из-под частного свинарника.

Лужу перед крыльцом шефы из ПМК-607 (мощной строительной организации) засыпали щебенкой, водрузили страшноватые железные качели — играйте, детки! Возьматся они в пыли, камнях...

— Ждем «рафик» от Детского фонда, — говорит Ольга Петровна. — Девятые на очереди. Сможем тогда вывезти детишек в лес, на травку. Построить бы для них дом на окраине, за поселком. Видно, никому это не надо. Да что говорить, если самой малости не добьешься — чтоб забор нам поставили. Сами видите — проходной двор.

— А шефы, комсомольцы?

Ольга Петровна только машет рукой. Мы не поверили, что вбить пяток столбов перед крыльцом — проблема. Ну, думаем, окружком комсомола в два счета поможет. Но второй секретарь Марина Старогорцева надежды развеяла:

— У нас нет средств.

— А организовать шефов — комсомольцев из ПМК вы сможете?

Нет, ничего определенного мы так и не добились.

Сдается, «отказные» дети не нужны не только их бывшим родителям...

Есть в Эвенкии и дети-полусироты при нормальных родителях. Мы еще много лет назад об этом говорили, но альтернатива интернатам так и не найдена.

Когда-то они представлялись несомненным благом, скачком в социализм и цивилизацию. В самом деле, разве сравнишь воспитание детей в чуме и окружном, районных центрах? Здесь и средняя школа, и библиотеки, медобслуживание, кинотеатры и вообще почти европейски культурная жизнь. Но потом стали замечать, что после интерната молодежь не очень-то охотно возвращается к исконным занятиям предков — оленеводству, охоте. А если возвращается, то, как правило, утратив навыки жизни и работы в тайге, забыв родной язык. Еще бы: годы в отрыве от семьи (за исключением летних каникул) не проходят бесследно. Как для детей, так и для родителей. Вот недавняя история — забавная и грустная.

Чтобы не отвлекать на много лет детей от дома, местные власти решили построить школу-восьмилетку в Эконде. Но, как повелось в нашу эпоху плюрализма, решили сначала посоветоваться с жителями поселка. Собрали сход. Родители послушали и спрашивают:

— А где дети жить будут?

— Как где? У вас дома.

— А кто их кормить станет?

— Как кто? Вы, конечно.

— Э-э, нет, не нужна нам школа!

...Прилетаем в оленеводческую бригаду на речку Сунгмоно. Бригадир — эвенк из Амурской области Семен Дьячковский. Зоотехник — из Оренбурга. Молодой оленевод Юра Алкин приехал из Иркутской области. («В Катанге, — говорит, — оленеводство извели. Искал, где еще олени остались, так и попал в Эвенкию».)

— Где же местные кадры? — спросили директора совхоза Александра Бобовикова, здешнего уроженца.

— Да вот пришло человек двадцать из интерната. А делать ничего не умеют. Научились в Туре курить, выпивать. Даже девушки... Надо поднимать оленеводство, но не с кем — все упирается в нехватку кадров. Крайне нужны свои специалисты! На приезжих надежды мало. Я тут послал одного, не из местных, в бригаду, так вскоре бригадир по рации требует: «Заберите его от нас скорее!». «А что такое?» — «Он пошел в туалет и заблудился».

— Забрали?

— А кто работать будет?..

Значит, закрыть интернаты? Нет, без них уже не обойдешься. Но в каждом

поселке можно было бы построить школу — пусть восьмилетку, — если б не наробразовские инструкции. Так, почти обезлюдел Чемдальск: семьи снимаются с родных мест и переезжают в центр Тунгусско-Чунского района — Ванавару — только из-за того, что в поселке нельзя открыть школу: мало детей (а не все еще горят желанием сбить ребенка в интернат). Кто-нибудь считал, сколько мы приобретаем и сколько теряем на такой вот экономии? Экономят и на учителях: здесь, как и в Москве, их заработок зависит от количества часов. Но попробуй набери часы на приличную зарплату в школе, где два десятка учащихся! Один учитель ведет несколько предметов (часы нужны!), что не может не отразиться на качестве обучения. Думаю, округ должен иметь право самостоятельно определять, сколько и каких школ ему требуется, сколько и за что платить учителям.

— Ладно, — скажет пессимист, — выучим молодого человека всем наукам — и назад, в тайгу, в первобытные условия?

Пессимист, говорят, — это хорошо информированный оптимист. И он будет прав почти на все сто процентов.

...Хорошо прокатится на вертолете в гости к оленеводам! Отведать ухи из ленка, копченого хариуса, шашлыка из оленины. Побаловаться с удочкой или спиннингом (есть еще речки, где не всю рыбу потравили, но об этом позже). Но попробуйте пожить в тайге безвыездно круглый год!

Тщетно искал я изменений в быте оленеводов.

Тот же чум, где волосы примерзают к подушке, несмотря на круглосуточно горящую железную печку-буржуйку...

Те же свечки, сжигающие ползарплаты...

Когда-то восторгался — эвенк в чуме слушает по радио весь мир! А сегодня Семен Дьячковский лишен и этого: не достать батареек к приемнику. На базе у него стоит давно сломавшаяся рация. Не дай бог, что случится в бригаде, — до Кислокана по прямой 160 километров.

Может, ради заработка терпят люди неудобства? Вряд ли. По словам Юры Алкина, выходит в месяц рублей сто двадцать без коэффициента.

Еще новость: чай по спискам стали продавать (это вроде наших талонов). Оленевод берет продукты сразу на полгода-год. Как рассказали в бригаде Виктора Мирошко, нормы хватает едва на треть срока. Да сколько помню, у оленевода в чуме чай постоянно греется — это первое дело для северянина! Как же вы теперь, спрашиваю? Конечно, выкручиваются — заваривают листья, ягоды. Но без натурального чая, ясное дело, невесело...

Поразительно — и при этом нигде ни одной жалобы! На редкость терпеливый народ — эвенки. Один лишь раз при мне — делали посадку в Нидыме — старушка спросила у районного руководителя:

— Что ж так мало чаю дают? Всего две пачки на месяц?

— Плохо, значит, работаем, — бодро ответил руководитель. — Мало продукции даем государству...

И бабушка покорно кивнула: ну, раз так... тогда чего же... А проработала она всю жизнь чумработницей в бригаде, то есть кормила, обстирывала и обшивала оленеводов. Заработала пенсию — 88 руб. 50 коп., на которую не распространяется северный коэффициент. Вдохновляющий пример для молодых?

В округе большие надежды возлагают на олени фермы. Это, представьте себе, современный комплекс в тайге: жилой дом со всеми удобствами, электростанция, баня, гараж, телевидение. А рядом — гигантский, в десятки квадратных километров, загон для оленей. Помимо социальной, решается также производственная проблема: за забором легче сохранить стадо, чем в воль-

ной тайге. Но олень очень быстро съедает и вытаптывает ягель — единственный свой корм (это и определяло кочевой образ жизни северных народов). Значит, придется строить все новые и новые загородки, переносить жилую базу. А строительство одного километра забора в тайге — от восьмисот до тысячи рублей только на зарплату... (Правда, эвенки издавна сооружали изгороди для оленей, но лишь на время гона и отела.)

Боюсь: не устанет ли молодежь ждать лучших времен? Для осуществления проекта потребуются миллионы и годы. Сотой части средств хватило бы, чтоб уже сегодня, сейчас обеспечить оленеводов предметами самой первой необходимости.

Обедали как-то в столовой с первым секретарем Тунгусско-Чунского райкома партии В. Н. Выродовым. Принесли вторые.

— Это оленина? — спросил мой коллега.

— Наши олени хрюкают, — усмехнулся Валентин Николаевич.

Да, нынче экзотика — увидеть на улицах Ванавары оленей. Старая часть райцентра ничем не отличается от какого-нибудь среднерусского села. Бродят по улицам коровы, хрюкают за загородками свиньи. Рубленые избы, огороды — ни намека на эвенкийскую специфику.

Зашел в гости к старейшему охотнику Николаю Алексеевичу Пикунову, одному из немногих оставшихся свидетелей здешней коллективизации конца тридцатых годов.

— Бывает ли оленина в магазине? Что ты, забыли и вкус. Мясо свиное и скотское. А до коллективизации были в районе личные стада по сто, триста голов. Согнали их насильно в одно общее стадо, не послушали стариков. Заставили эвенков переселиться в поселки...

Так он начинался, развал оленеводства. Как он продолжался в годы застоя — тому сам свидетель. Сколько приписок совершалось — и богу неизвестно. Обычно на переучет оленей посылали ответственных работников из районов. Давали установку: «Там, в стаде, должна быть тысяча оленей». И попробуй тот работник «привези» 999!

— Да, были липовые отчеты, — соглашается Пикунов. — А лет шесть назад уже и приписывать нечего стало, почти всех оленей растеряли...

Не так давно новый, выборный директор совхоза «Ванаварский» Валерий Качаев передал последнее стадо в другое хозяйство и с облегчением вздохнул — каждый олень принесил две тысячи рублей убытка. Непостижимо: высоко rentабельная когда-то отрасль (олень — самый неприхотливый зверь) стала убыточной!

Вопрос не столько экономический, сколько социальный. Ибо оленеводство — это не одна из отраслей хозяйства. Это образ жизни северного народа, его традиции и обычаи, искусство, язык, наконец. Качаев и сам отлично понимает:

— Не будет оленей — не будет эвенков! Как произошло в Куомбе: не стало оленей — поселок превратился в чисто русский.

Но с Качаева, как директора, спрашивают за экономику, а не социальную политику... Последние две пятилетки округ работает лишь на поддержание оставшегося поголовья. Мне дали цифры в сельхозотделе окружкома, но не знаю, насколько им можно верить.

А вот цифры более-менее точные. Из 6,5 тысячи населения Тунгусско-Чунского района эвенков — 370... Пикунов помнит время, когда они составляли половину.

Идеологический отдел окружкома провел попытку социологического исследования среди коренного населения района. На анкету ответили жители Ванавары, Мутора и Стрелки. Всего 99 человек, то есть более четверти эвен-

ков. Вот выборочно некоторые данные.

Изготовлением национальной одежды занимаются 24 человека, и то нерегулярно. Нет сырья — оленьего камуса!

13 человек не знают родного языка (об этом мы с Пикуновым говорили. Сам он язык не забыл, но сыновья владеют им плохо, а внучка совсем не знает. В семье — чисто эвенкийской! — говорят только по-русски. «Моя ошибка», — сокрушается Пикунов. Только ли его?).

Далее. 54 человека хотели бы завести оленей. Проблема — негде их купить!

Какие пожелания у эвенков — это окружком интересуется — в адрес партийных, советских, хозяйственных органов?

«Обратить внимание на интересы детей; учить навыкам ведения домашнего хозяйства; следить за их судьбой после окончания школы; наладить изучение родного языка в школах; создать национальный музей; дать возможность коренным жителям заниматься оленеводством и охотой...»

Не знаю, ощутили ли вы за сухими строчками отчеты боль и надежды живых людей?

Еще цифра. 42 человека из 99 страдают легочными заболеваниями. Начинается, как правило, с простуды — заканчивается нередко туберкулезом. Народный депутат от Эвенкии М. И. Монго впервые обнаружил на Съезде тщательно скрываемые ранее факты: коренное население северных регионов живет на 16—18 лет меньше, чем в среднем по стране; детская смертность превышает общесоюзную в 2—3 раза; заболеваемость туберкулезом выше в 5—6 раз! В чем причины?

Очень поздно выявляются болезни. Какая там профилактика! В прошлом году медики обследовали всего 56 процентов населения, из них 41 процент — взрослые. Большая часть детей, значит, вообще вне медицинского контроля. Малыша в люльке, которого вы видите на снимке, врач не смотрел еще ни разу. Но как врачи доберутся до каждого, если в огромном округе нет санитарной авиации, ни одного специально оборудованного вертолета? Учтите, железные и автодороги в Эвенкии отсутствуют.

Если в окружной больнице нет необходимой диагностической аппаратуры — стоит ли говорить об участковых? Да что аппаратура, если сами условия жизни в медучреждениях не каждый здоровый выдержит! Например, в больнице Ессеев зимой минусовая температура. Случайно ли именно в этом поселке самая высокая смертность?

Нищенское состояние медицины во многом отражает общее состояние округа.

Однажды, будучи корреспондентом эвенкийского радио, беседовал с молодым главным архитектором Туры. Он был полон идей и планов. Нарисовал передо мной картину будущей столицы округа: поселок под одной прозрачной крышей, оранжереи, теннисные корты, торговые и культурные центры и т. д. По молодости лет идеи не выглядели слишком утопическими, и беседа, кажется, даже вышла в эфир. Не знаю уж, с каким чувством слушали ее жители Туры, лишенные в то время элементарных удобств — водопровода, канализации, телевидения... А дороги Туры! Летом сапог не снимали. Как сейчас вижу анекдотическую картину: в луже на одной из центральных улиц увязли два трелевочных трактора...

Осуществилось ли что-нибудь из тех давних фантазий?

Улицы отсыпали, положили бетонные плиты. Но... забыли про дренаж. Прекратился естественный сток воды, многие дворы (в том числе и мой бывший) превратились в настоящие болота. И на каждом шагу, как прежде — обширные помойки, дощатые будки известного назначения, достойные царя Авгия. За-

гажены все ручьи, сбегаящие к Кочечу-му, — притоку Нижней Тунгуски, берега этих рек превращаются в свалки. Люди давно уже не пьют сырую воду...

Водопровод и канализацию подвели в первую очередь к новому, резко выделяющемуся на фоне лачуг трехэтажному зданию окружкома и еще одному соседнему, симпатичному кирпичному дому.

— Чей дом-то? — поинтересовались у работника окружкома.

— Окружкомовский. — И зачем-то уточнил: — Построен на партийные средства.

Уж не на взносы ли оленевода, мерзнувшего в первобытном чуме? Но это к слову. Все равно водопровод, спешно пущенный к празднику, не работает: сразу же поломались насосы.

Столичная «культура» распознала по округу. Во всех поселках, где мы были — та же картина, только в меньшей степени. Исключение, пожалуй, составляет Ванавара, где каким-то образом умудряются поддерживать сносный порядок.

Сейчас я бы не стал всерьез рассуждать о городе-саде под стеклянной крышей. Нужна программа-минимум: очистные сооружения, водопровод, инженерные сети, современное жилье. Но и такая программа требует средств, которыми местные Советы не располагают. В столице округа три Совета — поселковый, районный, окружной. Вместе взятые, они не имеют денег даже для наведения элементарного порядка.

Как и в начале семидесятых, округ считается учебным — вроде на хлебника у государства. Сколько Эвенкия получает дотаций, узнать в точности не удалось. Назывались цифры от миллиона до трех в год. Сами по себе цифры незначительные. Но попробуем разобраться, кто в действительности кому должен.

За один год звероферма совхоза «Кислоканский» принесла сто тысяч убытка, которые «раскидали» по другим отраслям и таким образом ухудшили общее экономическое положение хозяйства. Простите, но поверить не могу, что разведение лисиц, стоящих на мировом рынке бешеные деньги, — нерентабельно! Вопрос в том, кому идет прибыль? Рубли — Минлегпрому, валюта — государству. Округ не то, что валюты — даже в рублях не получает настоящей цены ни за лисицу, ни за соболя, ни за песца.

На территории округа разрабатываются уникальные месторождения исландского шлата. Геологоразведочная экспедиция «Шпат» построила в Туре цех и отправляет потребителям готовую продукцию. Грамм стоит 70 и больше рублей. Что имеет округ за ценнейшие изделия? За карьеры, оставленные добытчиками шлата? Ни копейки.

Была у нас такая рубрика на радио: «Будущее Эвенкии — в промышленном развитии». Тогда мы еще не знали, как развитие индустрии скажется на судьбе соседей из Тюменской области. А то, наверное, поостереглись бы уповать на то, что промышленность введет Эвенкию в светлое будущее.

Нефть и газ здесь наконец нашли в промышленных масштабах. Резко возрос объем разведочных работ, бурения. Первый результат: в магазинах Туры продают теперь «сорную» рыбу — окуня, сорогоу, щуку. Исчезают таймень, сиг, ленок, хариус. Не везде, правда, а там, где на берегах речек стояли буровые. Ценные породы рыб чувствительны к малейшему загрязнению и уж совсем непривычны к глинистому раствору, солянке, бензину. Там, где стояла буровая, не остается ни рыбы, ни зверя.

С вертолета хорошо видно: тайга под Ванаварой расчленена частой сеткой профилей — просек. Молодой охотник Володя Карнаухов рассказал:

— Геофизики рубили профили — вышли на наши путики. На охотушке вырезают кедровники бульдозером — аж смотреть страшно. Переправы на

речках наводят тоже бульдозером. Запруживают речку — гибнет ондатра, рыба. Мы по окончании сезона разбираем приваду — геофизики настаивают наши же капканы. Собак в тайге развели! А собаки выедают утят, зайцев, разоряют соболиные семейства.

Николай Алексеевич Пикунов подтвердил:

— Экспедиции оставляют после себя пустое место. Раньше я добывал за сезон по сорок соболей. А в прошлом году геофизики поработали на моем участке. После них мы втроем с сыновьями взяли всего двадцать соболей. А у одного из геофизиков конфисковали двадцать.

Браконьерство становится повсеместным бедствием. Вот и директор Александр Бобовиков о том же:

— В марте, когда сезон кончился, мы обнаружили в тайге порядка трехсот настроженных капканов. Грабят наших охотников.

Часто экспедициям сопутствуют лесные пожары. Ягель вспыхивает, как порох, — достаточно малейшей искры. Выгорают ягельники — уходит олень...

В этом году округ впервые оштрафовал геофизиков на 3,5 миллиона рублей. Но, во-первых, деньги, как нам сказали в окружком, еще не поступили в бюджет округа — предстоит разбирательство в арбитраже. Во-вторых, это штраф за явные, установленные нарушения. А где плата за землепользование, за антропогенное загрязнение природы, наконец, где компенсация охотникам и оленеводам? Увы, риторические все вопросы. У нас прав тот, у кого техника мощнее. Убежден, если ведомству придется платить за свою деятельность, рассчитываться за убытки и делиться доходами — то в условиях хозрасчета нарушений и вреда земле станет куда меньше. Экспансия ведомств разительно напоминает колониальную политику. Скупая пушнину за бесценок; разоряя безнаказанно земельные угодья; вывози за бесплатно ценное сырье, жги тайгу, трави рыбу. И никто не скажет, сколько убытков и упущенной выгоды несет якобы убыточный округ!

— Валентин Николаевич, — спрашивал я Выродова, — а что район имеет от геофизиков, геологов, буровиков?

— Небольшой процент от построенного ими жилья. Что еще? Плавкраны, транспорт... Строят дороги в Ванаваре. Но в принципе хозяева — они, а мы — просители... Причем с переходом на хозрасчет и самофинансирование просить стало труднее. У нас хлебопекарня в аварийном состоянии — а СТК нефте-разведки выделили на ремонт всего десять тысяч... А вообще, у нас как бы три государства в государстве: те, кто плавают, летают и ездят по железной дороге. У каждого свой устав, свои правила, свои тарифы и расценки. Как вы знаете, округ почти полностью зависит от речников. Весенний караван должен завозить нам все материалы и продукты на целый год. Но еще не было случая, чтобы было завезено все, что мы заказывали. Причем Красноярское речное пароходство не несет никакой ответственности за доставку грузов. Бывают случаи, не доходят баржи с продуктами. Бывает, терпят аварии нефтеналивные самоходки, и бензин выливается в реку. При этом речное пароходство не возмещает никаких убытков и даже не компенсирует недостачу продуктов.

Возможности ведомств и района несоразмерны. Ведомства строят для своих работников благоустроенные дома с водопроводом и канализацией. Райсовет — бараки.

Последние годы Эвенкии приходится держать буквально круговую оборону. Главная опасность пришла с севера: там, у Большого Порога на Нижней Тунгуске, «Ленгидропроект» решил «посадить» стройку века — Туруханскую ГЭС. По сравнению с этим проектом

нарушения нефтегазодобывателей — детские шалости. Гидропроектанты придумали, как разом покончить с Эвенкией: возвести двухсотметровую плотину. Раскинувшись широко, тысячекилометровое море зальет эвенкийские поселки, благодатные речные долины, леса, охотничьи угодья, большую часть лучших пастбищ. Эвенкам же, охотникам и оленеводам, предлагалось переселиться на вершины сопкок... и заняться изготовлением сувениров.

С помощью ученых Сибирского отделения АН СССР, проводивших эколого-экономическую экспертизу ТЭО Туруханской ГЭС, округу вроде бы удалось отбиться от губительного замысла. Пишу «вроде бы», поскольку официального постановления на сей счет не публиковалось. Хотя, полагаю, в сегодняшних условиях и Совмин вряд ли пойдет против воли целого народа.

Пока Эвенкия боролась за свое существование, с юго-запада подкралась новая угроза. Минсредмаш вознамерился завладеть лесными деланками в Байкитском районе. При этом действовал на законных основаниях: один из бывших руководителей окрисполкома бездумно подмахнул бумагу, разрешающую отвод участков. Уникальная тайга, в том числе северные кедровники, вот-вот должны были пасть под бензопилой, которую кто-то идиотски окрестил «Дружкой» (Дружба с кем? С «зеленым другом»?).

По последним сведениям, и эта атака отбита. Но теперь уже минлеспромовские лесорубы подбираются — с юго-восточной стороны, в Тунгусско-Чунском районе.

— Минлеспром ссылается на давнее постановление Совмина, — говорил нам В. Н. Выродов. — Утверждает, будто в нашем районе — резервные участки Братского и Усть-Илимского ЛПК. У себя они лес свели, теперь такая же участь готовится эвенкийским лесам. Но мы в глаза не видели постановления Совмина, которым нас пугают! В любом случае отдавать тайгу под топор не собираемся.

Кто победит в этом споре?

Снова сошлюсь на мнение народного депутата М. И. Монго: разрушается среда обитания северных народов. Главная причина — они давно перестали быть хозяевами на своей земле. Предоставленный Эвенкии статус автономного округа является пустой декларацией в смысле самостоятельности. Для спасения малочисленных народов нужна общегосударственная защита их прав и интересов; следует создать в Верховном Совете Постоянную комиссию по делам народов Севера и национальных групп. Необходимо возродить Госкомитет, аналогичный Комитету содействия народностям Севера, который был упразднен в 1935 году. — сталинское правительство, видимо, решило, что все проблемы северян решены...

Я бы добавил: необходим новый Закон об автономном округе. Чтобы Эвенкии не приходилось и впредь искать справедливости за тридевять земель. В Москве, чтобы жизненно важные вопросы она могла решать сама.

Один мой товарищ высказал опасение: а если все регионы запретят строить ГЭС и АЭС, рубить лес, добывать нефть и газ? Не приведет ли полная самостоятельность к расцвету «территориального эгоизма»? Думаю, не приведет. Какой хозяин — если он действительно хозяин в своем доме — захочет жить при лучине? Какой хозяин не постарается иметь прибыль со своей земли? С ним всегда можно заключить разумный, взаимовыгодный договор. Подчеркиваю: **взаимовыгодный!** А то ведомства привыкли, как те купцы, за ворох соболей совать бутылку. Или вовсе голый кукиш.

Хотелось бы закончить на мажорной ноте. Но, право, пока не вижу повода для оптимизма...

Лестер дель РЕЙ

Пробуждение было наполнено страхом, но попытки вернуться в прежнее полное небытие оказались тщетными. Мерцающее сознание непокорно рвалось из глубины сна. Это сопровождалось болью, но смутное воспоминание о ней было еще болезненнее. Он задерживал дыхание, сколько мог, затем потихоньку вздохнул.

Все было тихо, только рядом что-то пощелкивало — для часов это тиканье было слишком редким. Станция безмолвствовала...

Он, казалось, ухватился за ниточку, но она тут же оборвалась. Станция! Этот странный, призрачный край, в котором даже веса не чувствуешь. Ощущение такое, будто паришь в пустоте, и только легкий ветерок обдувает половину лица, да что-то теплое обволакивает тело и голову.

Потом он уловил слабый запах и понял, что находится в больничной палате. Теплота исходила от повязок. Ощущение легкости создавалось, должно быть, наркотиками. Под действием наркотиков могли возникнуть и глубокий сон, и неопределенный страх. В таком случае ожидание насилия — всего лишь следствие катастрофы, которая...

Память отказала. Страшное слово амнезия промелькнуло в голове, но мгновенно исчезло. Он — Пол Фентон, готовящийся после окончания Калифорнийского технологического института заняться ракетами, которые проложат людям путь к звездам. А сейчас — первый из своей группы, временно прикомандированный к военно-воздушным силам. Как только он поможет избавить мир от насилия, снова вернется к занятиям...

Здесь опять был провал в памяти, но это уже не имело значения. Он знал, что здоров, голоден и испытывает жажду. Боль еще не совсем прошла, но обязательно пройдет.

Открыв наконец глаза, Пол увидел, что весь как бы спеленут. Четыре тонких эластичных шнура тянулись от этого кокона к стенам — металлическим стенам маленькой комнатки, в которой, очевидно, все было к чему-то привязано. К потолку — стул, к двум стенам — аппараты, а ветерок от маленького вентилятора раскачивал бутылку, которая, ничем не поддерживаемая, просто болталась в воздухе!

Космос! Это была не догадка, а уверенность. Пол находился на космическом корабле. Первая дикая мысль об инопланетянах исчезла, не успев даже оформиться. Его окружали изделия человеческих рук, и почему-то он знал, что так и должно быть.

От укрепленной на его руке манжетки к тикающему аппарату у стены вела трубка, а счетчик аппарата стоял на нуле. Видимо, наркотик поступал оттуда, пока полностью не иссяк.

— Сестра! — Голос его гулко разнесся между металлических стен. — Сестра! Доктор! Кто-нибудь!

За исключением тиканья аппарата и слабого жужжания вентилятора на корабле не раздавалось ни звука. Пол выдернул из-под повязки иглу и начал выбираться из спеленывавших его пут. Теперь двигаться стало легко и удобно. На одной из стен был пластиковый мешок со странной зеленой формой, которая пришла ему в голову. Застегнув на куртке «молнию», он автоматически достал сигарету и закурил, что несколько сняло напряжение. Заметив инициалы «П. Ф.», выгравированные на зажигалке с затейливым узором: космический корабль устремляется с Земли к чему-то, что, очевидно, должно изображать космическую станцию, — затянулся глубже, размышляя, как попали сюда его инициалы и почему эта форма оказалась сшитой по его мерке.

Увидев свое отражение на гладкой поверхности одного из аппаратов, Пол перенес новое потрясение. На него смотрело его собственное лицо, но постаревшее, с морщинками у глаз, лицо тридцатипятилетнего мужчины; а ведь он помнил себя восемнадцатилетним!

Этот удар — потерянные для памяти годы — оказался самым сильным из всех. Фентон с криком бросился к двери:

— Сестра! Эй! Помогите!

Дверь открылась, за ней показался туннель, и эхо от его металлических стен было единственным ответом Фентону. Напрасно он надрылся от криков. Корабль, или что там было такое, безмолвствовал.

Спокойно, не волноваться! Пустые слова! Они не умеряли бешеного стука сердца, не мешали коже зудеть под повязкой от липкого пота. Пробравшись по туннелю, Фентон на миг остановился у дальней двери. Здесь он начал чувствовать свой вес. Ну да, по мере удаления от центра вращающейся Станции вес прибывает — у Фентона не было времени задумываться, откуда ему это известно.

Открыв дверь, он заглянул внутрь. В помещении стояли резервуары с растениями. Пол снова крикнул, чувствуя, как эхо, разносимое металлическими стенами, сводит его с ума.

Станция была нема, как эти растения, пополнявшие в ней запас воздуха. Ни одного человеческого звука! Ноги сами переступили через порог, и Фентон, увле-

каемый псевдогравитацией, пролетел вперед, ткнувшись во что-то руками и коленями.

Это был труп. На плече сохранилась эмблема лейтенанта из Отдела гидропоники, но половина головы отсутствовала. Фентон отпрянул и увидел забрызганный кровью угол одного из резервуаров. Очевидно, человек ударился головой об этот угол, и резервуар оказался прочнее черепа.

Борясь с подступающей дурнотой, Фентон толкнул следующую дверь, за которой ему открылось еще более жуткое зрелище: разможенный труп девушки, лежавший здесь не первый день. В этой комнате сильнее ощущался тошнотворный запах разложения, так как в первой его забивал аромат растений.

Дальше шла спальня. Фентон промчался через эту комнату и через следующие. На космическую станцию — он знал уже точно, что это именно Станция — обрушился удар невероятной силы, выдержать который можно было, лишь имея специальную защиту. Фентону повезло. Эластичная колыбель, смягчив удар, спасла ему жизнь. К тому же, центр Станции не сильно пострадал от катастрофы. Могло быть только одно объяснение: здесь произошел взрыв.

Фентон взглянул на свои плечи, и внезапно эмблема лейтенанта определила смысл. Он признал свою форму лейтенанта и пилота, доставляющего грузы с больших транспортных кораблей на Станцию.

Это воспоминание было для него еще непосильным. Пол застыл, стараясь понять, где он и почему мать бросила его здесь одного. Однако это состояние быстро прошло, рассудок вернулся, принесся с собой еще какие-то факты из прошлого.

Пол Фентон служил в военно-воздушных силах, и несколько лет, пока строилась Станция, водил космические корабли. Когда Станция была построена, он попросился сюда на постоянную работу. Огромная, мощная Станция стала его жизнью. В этом не было ничего удивительного. Она должна была навсегда покончить с угрозой войны. Благодаря ей люди получали возмож-

откуда раздался крик. Сердце бешено колотилось, и в душу закрадывался страх перед возможностью наскочить на человека с автоматом.

Крик повторился. Он доносился с центра Станции и был мало похож на человеческий, скорее крик раненого или умирающего животного.

Фентон добежал до комнаты, бывшей крохотным лазаретом, и осторожно вошел в палату. Спеленутая так же, как он, и с такой же трубкой на руке, корчилась в агонии девушка. Лицо ее было перекошено, из открытого рта вырывался непрерывный стон.

— Марта! — Фентон подался вперед и замер. Когда это была Марта Грейвз, теперь же от нее осталась лишь оболочка. Слишком долгая работа в радиоактивной лаборатории вызвала злокачественную опухоль, растущую невероятно быстро. Доктору пришлось оперировать прямо здесь и вместе с опухолью удалить почти весь мозг гениального физика, сохранив низшие отделы, регулирующие чисто физиологические функции организма. С ближайшим кораблем Марта должна была покинуть Станцию.

Фентон бросился в камбуз. Глотая слюну, он схватил что попало под руку из непортящихся продуктов и тубу с водой.

От запаха пищи изо рта несчастного создания потекла слюна. Захлебываясь, Марта жадно высосала воду и проглотила немного пищи. Стоны умолкли, и через несколько минут она спокойно спала.

Пол осторожно выдернул иглу из ее руки и немного постоял в нерешительности. Затем, разыскав в аптеке спирт, он наполнил им тубу и бережно протер тело Марты губкой. Дважды, пока он перепеленывал ее, Марта просыпалась, но тут же засыпала снова.

Когда он вышел из палаты, его стошнило. Теперь до него окончательно дошел весь ужас положения. Он остался один. Кроме него и существа, которое нельзя было назвать человеком, не было ни одной живой души — возможно, во всем мире. Иначе грузовым судам давно пора быть здесь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ность направить свои силы на покорение космоса, вместо того, чтобы воевать друг с другом. Она открывала путь к полному торжеству человеческого разума — к тому идеалу, за который боролся Фентон и все его поколение.

Отсек за отсеком прошел Пол по примолкшей Станции, но всюду было одно и то же. Дверь в большой приборный отсек была закрыта, и он решил попасть сюда кружным путем, тем более что зрелище смерти больше не вызывало в нем дурноты.

Теперь его страшила мысль о полном одиночестве и необходимости удерживать себя от анализа причин катастрофы. Он был не в силах думать об этом.

В противоположном конце Станции разрушения были малозаметны: дальность расстояния, очевидно, смягчила удар. Появилась надежда найти здесь людей. Но Фентону никто не попадался, видимо, их отвлекло что-то еще до катастрофы.

Вдруг он наткнулся на мертвеца. Пуля, пробившая голову, валялась в шести дюймах от трупа. Это не было самоубийством — оружие отсутствовало.

Несколько дальше Фентону попались еще два трупа — мужской, в рабочем кресле, и женский — в цистерне с какой-то жидкостью. Оба покойника были застрелены.

Пол толкнул дверь в приборный отсек.

— Капитан Эллистер! Лейтенант Морган!

Они сидели на своих местах, но ответить не могли, так как пули застигли их за работой. Были здесь и трупы, все изрешеченные автоматной очередью.

Фентон вновь почувствовал, что теряет рассудок; повязка больно стиснула голову, и он, тихонько всхлипывая, поднял руку.

— Сюю! Сюю! Сюю, прогони их...

Сюю ушла — сегодня она была свободна от работы. А соседские мальчишки швыряли в него камнями. Скверные были мальчишки...

Он пришел в себя резко, сразу. Одна рука царапала дверь, другая сжимала сорванную с головы повязку. Фентон получил контузию, когда возвращался на Станцию с последней партией бомб и в спешке не рассчитал скорость. Должно быть, он стукнулся головой, но ничего страшного не случилось, хотя, помнится, он орал от боли, пока ему не сделали инъекцию успокоительного. Те бомбы...

Он был близок к тому, чтобы вспомнить остальное, но тут до него донесся крик, совсем слабый, но отчаянный.

Крикнув в ответ, Фентон побежал по туннелю, опоясавшему гигантскую Станцию, в том направлении,

Мысль о гибели мира подсознательно зародилась в нем еще тогда, когда он выполнял обязанности сиделки по отношению к несчастной девушке. Сейчас его поразило, что он так спокойно подумал о конце мира и почти смирился с этой мыслью.

Одним прыжком Фентон достиг наружного шлюза. До сих пор он не собирался проверить его. Красный сигнал у люка показывал, что воздух наполовину вышел. Должно быть, люк пострадал во время катастрофы, но сработавший автоматически аварийный клапан приостановил утечку воздуха.

Фентон разыскал скафандр и выбрался наверх, переведя управление с автоматического на ручное. Здесь было хуже, чем внизу. Очевидно, лопнул весь наружный шов Станции. Пол выбрался в большую бухту, рассчитанную на хранение пятисот водородных бомб, которые, однако, никогда не должны были пускаться в ход, а предназначались лишь для того, чтобы препятствовать возникновению новых войн самим своим существованием. Здесь, видимо, сложены и те бомбы, которые он доставил с грузового корабля. Сколько их было? Он не знал. Однако от всего запаса остались лишь последние крохи. Рука одного из мертвецов сжимала чеку, так и не успев сбросить на Землю новую бомбу.

А внизу размеренно вращался голубовато-зеленый гигантский шар. Фентон не знал, остался ли прежним, равным двум часам, период вращения Станции вокруг этого шара? Вероятно, если и изменился, то незначительно. При всех обстоятельствах ничто и никогда не остановит Станцию, которая вечно будет продолжать свой путь по орбите.

Взгляд его задержался на светлом пятнышке, выделявшемся на темной половине Земли. Оно казалось малюсеньким, но было крупнее и ярче всего, что виделось на таком расстоянии. Так мог выглядеть только объятый пламенем город.

Фентон стоял и смотрел, не желая примириться с единственным логическим объяснением. Все-таки невозможное случилось! Война, так долго висевшая угрозой над человечеством, в конце концов разразилась! Люди пошли против людей, государство с ядерными бомбами — против государства с бактериологическим оружием! А чтобы Станция не могла этому помешать, Земля прежде всего напала на Станцию. Вот и объяснение всему происходящему. Даже здесь, внутри Станции, нашелся истребитель, расстреливающий сотрудников из автомата. Фентон вспомнил Питера Олину, главного механика, десять лет проработавшего на Станции. Он, должно быть, давно готовил свое

предательство. Сначала он напал на командиров, используя элемент внезапности, затем стал уходить, убивая всех, кто попадался на его пути. В грохоте стрельбы Питер не услышал нового грозного шума. Огромный, управляемый снаряд, выпущенный, возможно, хозяевами изменника, поразил его одновременно с теми, кого он предал.

— Почему? — заорал Фентон. — Почему?

Он разрыдался, и собственные рыдания звучали в его ушах, пока он возвращался в приборный отсек. Вера и надежда не оправдались — вера в спасение мира и надежда на это сооружение из металла.

Мысли были горькие и все время путались, но Фентон сумел взглянуть фактам в лицо. Станция погибла, а человечество вернулось назад в джунгли, вместо того чтобы лететь к звездам.

Медленно, но без страха перед тем, что придется увидеть, Пол подошел к экрану, позволявшему рассмотреть место, на которое направлен телескоп. Некоторое время он возился с ручками, настраивая прибор, потом постоял минуту, глядя на плывущую высоко над ним Луну.

Люди были близки к тому, чтобы освоить ее. И он надеялся участвовать в этом деле. Теперь оно стало невозможным.

Он посмотрел вниз, на город, скрытый тонкой дымкой облаков. Кое-что все же можно было разглядеть. Но это кое-что оказалось огромной грудой пепла. На пятьдесят миль вокруг простиралась опустошенная, ставшая непригодной для жизни земля.

По мере движения Станции он переводил телескоп с одного города на другой, и наконец ему попалось несколько городов, разрушенных не столь основательно. Должно быть, здесь применили старомодные атомные бомбы, но и их оказалось достаточно...

Он опустил ручки телескопа, и им овладело вдруг тупое безразличие, которому Пол был даже рад. В аптеке найдется какой-нибудь яд...

Медленно поднявшись, Фентон приготовился выключить экран и замер. Он увидел движущиеся точки. Бросившись в кресло, он постарался увеличить масштабность изображения. Станция была как раз над Африкой, следовательно, движущиеся точки были какими-то крупными животными. Но...

На экране появилась еще точка, движущаяся более быстро. Самолет! Вглядевшись внимательнее, Фентон убедился, что точки внизу движутся по прямым. Скорее всего это автомобили! Жизнь продолжалась.

Дрожащими пальцами Фентон потянулся к радиопередатчику и стал наугад менять диапазоны. С минуту царил тишина. Потом появились слабые потрескивания, он услышал азбуку Морзе и схватил микрофон. Передатчик не включался, а сигнал был на незнакомом языке. «Давно пора установить понятный для всех способ общения», — подумал Фентон, раскрыл передатчик и потряс его. Тщетно. Одна электронная лампочка не светилась. Он пошарил в ящике под столом, надеясь найти сохранившиеся запасные детали. Ему повезло: он нашел нужную лампочку, заменил перегоревшую, и передатчик заработал. Теперь пропала морзянка. Видимо, Станция вышла из зоны приема. Но это уже не имело значения. Главное, на Земле остались живые люди. Погибли города, наука, цивилизация, но человечество живет и будет жить. И он, Фентон, как всякий, знающий хорошо свое ремесло, понадобится Земле.

Может быть, это поколение мало что успеет сделать. Но оно окажет помощь в восстановлении разрушенного мира, и будущие возрожденные поколения устремятся все-таки к звездам. После столь горького урока, едва не окончившегося гибелью всего живого на Земле, войн, конечно, никогда больше не будет.

Фентон понимал, что у него реакция после перенесенной депрессии, но его рассуждения не были лишены смысла. Он ведь мог вернуться. На станции сохранился небольшой спасательный корабль, заправленный горючим. И места на корабле могло хватить для многих вещей — неизвестно ведь, в чем испытывают особую нужду на Земле. Контейнеры с кислородом погибли. Зато осталось вдоволь растений, выращенных на гидропонической основе. Они даже надежнее. С их помощью человек может долгое время жить в герметически закрытом корабле.

Фентон встал и направился в грузовой отсек.

За то время, пока он нагружал корабль до предела, реальность понемногу стала вытеснять его неоправданный оптимизм. Факт, что часть людей осталась жива, не уменьшал их вины за страшные злодеяния и, конечно, не приближал их к звездам. Мало-помалу отвращение и ужас вновь начали овладевать Фентоном. Сможет ли человек забыть столь жестокий урок, о котором ему очень долго будут напоминать руины городов? В таком мире жизнь будет горькой, полной кошмаров. Но когда-нибудь, в далеком будущем, потомки Фентона смогут с гордой улыбкой взирать на Землю с Луны.

Фентон закончил погрузку и прошел назад по разрушенной Станции. Воздух с каждой минутой становился все тяжелее от запаха разложения. Поравнявшись с трупом Питера Олина, Фентон отвел глаза. Когда-нибудь придется отдать себе отчет, что его раса породила и такого предателя, когда-нибудь, но не сейчас...

В последний раз память попыталась увлечь его назад, к детству, но он не поддавался и решительно прошел мимо трупа. Это было прошлое. А жить отныне надо только для будущего!

Он опять зашел в приборный отсек: внезапно появилась потребность услышать человеческий голос. Станция за это время совершила виток вокруг Земли и прошла немного дальше. Сейчас она находилась над Америкой, значит, он услышит родной язык. Фентон вытер вспотевшие руки и взял микрофон.

— Вызываю Землю! Вызываю Землю! Говорит Космическая Станция! Отвечайте, Земля! Я в этом деле новичок, поэтому повторяйте ответ, пока настроюсь на вашу волну. Космическая Станция вызывает Землю.

Прошло несколько секунд, и в наушниках раздался ответ:

—...не понимали. Проклятие! Некоторые бомбы прошли мимо цели! Мы потеряли девяносто пять процентов! Дела плохи. Но этим подонкам пришлось еще хуже. Лучше, если вы приземлитесь возле меня... я укажу место. Кое-кто очень зол на вас, ребята, за то, что вы все это затеяли. Если у вас остались бомбы, прежде чем покинуть Станцию, задайте им перцу! Космическая Станция, задайте им...

Фентон повернул настройку, и в уши ворвалась серия воплей. Из всей этой истерической чепухи он понял, что от него требуют захватить все культуры, имеющиеся в биологической лаборатории.

— Хотя по одному микробу! У вас там много нераспознанных, — неистово повторял голос. — Захватите их, а мы разберемся, что может пригодиться. Мы должны напасть первыми! Мы должны...

Пальцы Фентона отчаянно вертели настройку по всем диапазонам. Спасения не было. Наконец он услышал резкий щелчок мощного пеленгатора. Это могла быть только официальная радиостанция.

—...Временный главный штаб Космической Станции. Отвечайте! Отвечайте! — кричал ослепший голос человека, бесшумно работающего на протяжении суток.

— Я понял вас, генеральный штаб, — откликнулся Фентон, испытывая облегчение от того, что там, внизу, еще существует какая-то организация.

Голос заговорил быстро и четко:

— Хорошо. Мы вызываем вас уже несколько суток. Думали, что эти проклятые ракеты прикончили всех. Вы можете управлять... нет, не надо. У меня для вас приказ. По нашим расчетам, девятнадцать бомб у вас еще осталось. Передаю цели... и, бога ради, не мажьте, как в прошлый раз! Итак, первая цель... слушайте внимательно, повторять не буду... первая цель...

Фентон выключил радио и медленно поднялся. Он вышел из приборного отсека, прошел мимо покойников, погибших от пуль Олина, и мимо самого Олина, мимо трупов тех, кто погиб при взрыве. Вид смерти больше не волновал его. По сравнению с тем, что сохранилось на Земле, смерть ничего не стоила.

Пол уверенно повторил прежний путь, нашел скафандр и, надев его, вышел через наружный шлюз. Бомбы были на прежнем месте, и не девятнадцать, а двадцать. Рядом с бомбами лежали трупы людей, которые прибыли сюда, чтобы повести человечество к звездам, а умерли из-за того, что Землей продолжала править ненависть.

На Земле были только враги, ничему не научившиеся и желающие завершить бактериологическим оружием то, чего не сумели сделать бомбами.

Фентон наткнулся на труп старого ученого, которого хорошо знал. Этот человек работал над проблемой лечения рака и был уже близок к успеху. Фентон перекрестил каждую из двадцати бомб и одну за другой сбросил на Землю. Где-нибудь они взорвутся. Все равно где. Люди отправили в космос своих посланцев смерти, теперь послы возвратятся домой... Пройдет время, человечество вновь двинется вперед. А сейчас люди скорее всего начнут объединяться против Станции, которую сочтут общим врагом.

Пола Фентона это уже не волновало.

Он спустился в лазарет, чтобы выполнить свой долг по отношению к тому, что осталось от Марты Грейвз, постоял возле нее, держа в руках шприц, затем пожал плечами, отложил шприц и поднял Марту на руки.

У причала Станции стоял наготове космический корабль, способный доставить их в далекую гавань. С их гидропонической фермой и запасами провианта они смогут прожить еще очень долго. А их корабль останется на скрытой от Земли стороне ее спутника вечным памятником погибшей земной цивилизации. Люди, мечтавшие о Луне и построившие Станцию, заслужили памятник.

Пол Фентон остановился внутри корабля, ожидая, пока закроются все люки, и сплюнул себе под ноги.

— Идеалист! — с горечью выбранил он себя.

Когда он включил двигатели и оторвался от Станции, глаза его были обращены к Луне. Земля уходила все дальше, но Фентон на нее не оглянулся...

Перевод с английского
Татьяны ГИНЗБУРГ.

МОЖЕТ ПЯТИТЬСЯ РАК

Николай ЛЕЛИКОВ

Публикуя этот материал, мы меньше всего хотели бы, чтобы читатели восприняли его как очередную сенсацию. Все, конечно, не так просто, как резюмирует журналист. Предстоит кропотливое, всестороннее и, уж конечно, не скоротечные опыты, лабораторные и стационарные исследования, после которых только и можно будет получить достоверные данные о пользе или, напротив, бесполезности метода Ярослава Яворского.

Рассказывая об этом человеке и его работе по лечению болезней века, мы хотим только одного — чтобы ему не ставили рога, не возводили перед ним непреодолимых преград. Чтобы в данном случае к Яворскому подошли так же, как к изобретателю другого нетрадиционного метода в борьбе с раком — Александру Гачечиладзе, которому предоставлена возможность совершенствовать и углублять методику применения катрикса.

Еще раз обращаемся к нашим читателям с просьбой: не надо бросать все свои дела и срочно ехать в Киев. Давайте будем мудры, терпеливы и благоразумны, а мы обещаем, что будем вас информировать о всех этапах проверки метода Яворского.

«Лечить рак так же просто, как ожирение. Достаточно изменить взгляд на его природу — и становится ясно, что он имеет обратный ход», — утверждает Ярослав Яворский.

«Раковый процесс необратим». (Из официального ответа Яворскому АМН СССР.)

Арамис умер. Это известие оглушило меня, как снег среди лета. Я был уверен, что из нашей школьной мушкетерской четверки Арамис — Игорь Гурельцев — переживет нас всех. В пятьдесят лет он был стройным и сильным. Ежедневно играл в теннис, для чего сам во дворе оборудовал корт. Незадолго до смерти звонил мне:

— Лежал в больнице с воспалением легких. Представляешь, воспаление легких у меня! Сейчас все нормально.

Через неделю позвонила его жена. Оказалось, Игорь лежал вовсе не с воспалением легких. Его убила рак. Последний год он работал одним из руководителей строительства Славутича — нового города энергетиков Чернобыльской АЭС.

Я едва не взвыл от горя и обиды. Если бы я знал, чем он болен, если бы он знал то, что знаю я, он мог бы еще жить!

Уже год я был знаком с Ярославом Яворским, убедился, что он может помогать больным раком, поверил в его метод. Но с публикацией очерка о нем не торопился. Тщательно проверял истории болезней всех его пациентов, просил прокомментировать их специалистов, лечащих врачей и все подвергал сомнению. Знал, что ежегодно сотни тысяч людей умирают от рака, но эти абстрактные для меня смерти, сознаюсь честно, задевали только ум, но не сердце. Утрата близкого человека обожгла душу, мое знание стало для меня нестерпимым. Я понял, что молчать больше не могу. Пусть далеко не все еще доказано в методе Яворского и утверждено официально. Но, может, сейчас, сегодня мое молчание перечеркивает чью-то надежду на жизнь?

С Ярославом Яворским я познакомился, когда искал для сценария документального фильма людей, кому ведомственный бюрократизм не дает реализовать интересные идеи. Сценарий так и не был написан, а к Ярославу я зачастил и незаметно для себя стал энтузиастом его дела. В ту пору он являл собою образец классического неудачника. В 47 лет всего лишь старший инженер Института ботаники АН УССР, без степени, зарплата 165 рублей. С женой, дочкой, но без квар-

тиры и даже прописки. Мрачной стороной повернулась жизнь к бывшему комсомольскому активисту, комиссару студенческого стройотряда, одному из самых способных студентов химического факультета Киевского университета. Ему предрекали большое будущее. И вот... Впрочем, ничего еще не потеряно, кроме лет.

В студенческие годы Ярослав начал работать над синтезом противораковых препаратов. Взялся за проблему основательно. Прочитал труды отечественных ученых. Чтобы ознакомиться с трудами зарубежных, специально выучил

английский язык. Для опыта базы не было: после окончания университета работал в институте, далеком от проблем онкологии. Размышлял над опытом других ученых, достаточно подробно описанными в литературе. И родилась догадка.

Нетрудно было заметить, что при злокачественном перерождении клетки обязательно присутствуют холестерин. Наверняка не случайно — природа вообще не любит случайностей. Значит, он играет в этом перерождении определенную роль? Какую? Может быть, все зависит от количества холестерина в мембранах клеток?

Последняя московский профессор Андрей Маленков, ничего не зная о поисках Яворского, установил, что устойчивость организма к злокачественным образованиям зависит от силы сцепления клеток, а значит, и от прочности мембран.

В специальной да и популярной литературе неоднократно отмечалось, что канцерогенез (злокачественное перерождение клеток) обычно возникает в плохо вентилируемых участках организма, то есть непосредственно связан с недостатком кислорода (гипоксией).

Итак, избыток холестерина в мембранах и гипоксия — ялицо были два атрибута злокачественных образований. А что, если эти атрибуты являются определяющими? Если все обстоит так, то изменяя кислородно-холестериновый режим раковым опухолям можно двать обратный ход!

Я привел лишь грубую модель поисков ученого. В действительности его мысль шла куда более запутанным и сложным путем. Но конкретных научных тонкостей касаться не буду, — они представляют интерес только для специалистов.

Наиболее общие принципы кислородно-холестериновой теории злокачественного перерождения клетки Яворский изложил в статье, которая была опубликована в томе 77 журнала АН СССР «Успехи современной биологии» в 1974 году.

Первая удача окрылила. Но вторую статью не удастся опубликовать до сих пор. Статьи и письма Яворского, в которых он утверждал, что канцерогенез обратим, в конечном итоге пересылались в онкологические заведения. Специалисты, с молоком альяма-матер усвоившие невозможность обратного хода рака, утвердившиеся в этом мнении во время практики, защиты диссертаций и написания монографий, лишь плечами пожимали: очередной изобретатель вечного двигателя. И изобретатель этот не медик, а химик, к тому же без ученой степени.

К тому же в своих статьях он опирается на чужой, уже описанный опыт. По сути, его статьи — это обзор специальной медицинской литературы. Вот если бы в них описывался собственный опыт... Рецензенты не замечали, что в этом «обзоре» содержатся принци-

ально новые выводы, и вместе с водой выплескивали ребенка.

Упрек в отсутствии экспериментальных данных между тем несостоятелен в принципе. Теоретические размышления на определенных этапах развития двигают науку вперед так же успешно, как и эксперимент. Разве Эйнштейн вывел свою теорию относительности из лабораторного опыта? Разве Маркс в конце концов, работая над «Капиталом», ставил эксперименты?

К великому сожалению, Яворский не умел вести полемику. Отстаивая свои теоретические положения, он руководствуется нормальной логикой и не стесняется в выражениях. Ему ничего не стоит отписать рецензенту, например, так: «Ваше заключение — чушь несусветная». По существу это, возможно, и верно. Но форма делает крайне уязвимым и существо. В полемике мало одной логики, нужна еще дипломатия.

Его одноклассники защищали диссертации, становились доцентами, профессорами, членкорами, а он так и оставался неостепененным. Более того, «по собственному желанию» вынужден был уйти из двух институтов, поскольку чрезмерно увлеклся работой не по профилю. В общем, к возрасту, когда большинство ученых достигает зенита карьеры, оказался у разбитого корыта.

Однако своих научных исследований Яворский не бросил. Мозг постоянно работал в запрограммированном направлении. Если рак обратил, рассуждал он, задача в том, чтобы научиться его поворачивать вспять. Для этого лучше всего воздействовать на организм химическими соединениями. Какими? Да, конечно же, выделяющими большое количество кислорода и не содержащими холестерина, более того, способствующими его «сгоранию». Воздействовать надо на весь организм, бороться не с болезнью, а с ее причинами.

Какие препараты для этого подходят? Химические реактивы в чистом виде могут оказывать на организм и вредное влияние. Надо использовать природные органические соединения, прежде всего растительного происхождения. Значит — фитотерапия.

Стал изучать тибетскую и китайскую медицину, новейшие достижения фитотерапии и древний опыт народных лекарей-травников. Накапливая данные о действии на организм различных растительных настоев и отваров, исследовал не только то, как они действуют, но прежде всего старался выяснить, почему действуют именно так. Подходил к вопросу в соответствии со своим образованием не с позиций медика, а с позиций химика-биолога. И создал свою фитотерапию. Не эмпирическую, какой она является на протяжении нескольких тысяч лет, а теоретическую. Появилось знание не только того, как действует на организм то или иное средство, но и как должно действовать. Это был новый виток в спирали фитотерапевтической науки.

Однако дальше развивать свою теорию без эмпирических данных не мог. Срочно требовалась лечебная практика. А откуда ей взяться у сотрудника Института ботаники? И все же в 1985 году он практику начал. Никаких специальных объявлений не давал. Но живем мы среди людей и с чужой бедой сталкиваемся не так уж редко. Предлагал помощь знакомым, знакомым знакомых. За четыре года пациентов у него было немного и проверить результаты его лечения мне не составляло большого труда.

Одним из первых прошел курс лечения у Яворского учитель с Волыни. Рак предстательной железы за три месяца рассосался полностью.

У Ярослава Матюляка из Закарпатья была саркома кости ноги травматического происхождения. Полное излечение. Визуальная разница ног исчезла, рентгеновский снимок показывает упрочнение кости.

Матюляка хорошо знают в Киевском онкологическом институте. Он получал и облучение, и уколы. Можно ли утверждать, что это не помогло ему? Конечно, нет. Эксперимент должен быть чистым.

Яворский считает, что хирургическое вмешательство, облучение и химиотерапия в принципе не излечивают рак. Они оказывают лишь местное воздействие, удаляют или разрушают опухоль. Но одновременно нередко поражают здоровые ткани, способствуют метастазированию. Последнего сегодня не отрицают и специалисты. Отнюдь не случайно среди пациентов Яворского немало работников онкологических заведений. Значит ли это, что они безоглядно поверили в его метод лечения? Думаю, нет.

В отдельных конкретных случаях и операция, и облучение, и уколы дают положительные результаты. Но это не закономерность. Система Яворского такую закономерность устанавливает. Этим она отличается от всех других. Вот еще пример.

Случай Ивана К. наиболее сложный. Рак печени третьей степени. Была попытка операции. Сделав разрез, профессор тут же зашил его, поскольку увидел, что операция бессмысленна.

ВТК онкологического диспансера признала Ивана К. инвалидом. Ему назначили пенсию. Считали, что получать ее он будет не дольше полугода, — с таким диагнозом люди долго не живут.

Жена Ивана обратилась к Яворскому. Прошло больше двух лет. Сейчас Иван чувствует себя неплохо. Полного выздоровления, правда, нет, но лечение продолжается.

В онкологическом диспансере мое общение о том, что Иван со своей болезнью до сих пор живет, вызвало удивление.

— Ошибка, — сказал мне врач диспансера. — Таких больных не спасают. Наверное, неточный диагноз.

— Но черным по белому написано, — возразил я.

— Ну и что? Этот диагноз не имеет юридической силы. Где здесь цитология?

Не буду углубляться в специфику. Но как без «юридической силы» могли назначить пенсию?

Даже такие разрозненные факты наводят на мысль, что онкологи неохотно пускают «чужака» Яворского в свое ведомство. Но как же тогда ему пробыть с идеей?

Добрые отзывы об его работах у меня имеются, но сделаны они в частном порядке и в большинстве не специалистами-онкологами. Интересными признали мысли Яворского академик из Грузии Э. Л. Андроникашвили, профессор из Новосибирска Л. Л. Ванников и Е. В. Грунтенко, заведующий кафедрой онкологии кемеровского медицинского института Б. М. Клячкин. Высокую оценку дал работе Яворского и создатель известного читателям «Смены» катрэкса А. Гаччиладзе.

Я прекрасно сознаю, что от добрых отзывов отдельных ученых до официального признания путь далекий. И осторожное отношение редакций к публикации моей статьи, в которой я приводил несколько неординарных примеров из практики Яворского, понятно. Наконец журнал «Украина» решил рискнуть...

И начался бум, которого вполне следовало ожидать. Как больному человеку не воспрянуть духом, не ухватиться за надежду, которая нежданно перед ним засветилась? Тысячи писем и тысячи посетителей. В первую очередь из западных областей Украины, где расходится большая часть тиража журнала. Позже стали приезжать из других областей и даже республик. Возле дома, где снимает квартиру Яворский, института, где он работает, образовалась громадная очередь. По несколько суток люди коротали ночи возле дверей на скамей-

ках или просто прогуливаясь по тротуару, лишь бы попасть к доктору. Руководители института закрыли глаза на то, что их сотрудник не занимается своим прямым делом, а в течение всего рабочего дня во дворе, сидя на ящике под пожарной лестницей, принимает посетителей. Более того, директор института академик АН УССР К. М. Сытник не раз присылал к Яворскому людей с записками: «Ярослав Захарович! Прими-те, пожалуйста, имярек...»

Яворский — человек мягкий и добрый, отказывать людям, если они настаивают, не умеет. Прием вел до трех-четырёх часов ночи, случалось, засыпал за столом. Плохо, что обратной информации Яворский почти не получает — некогда. А она сейчас едва ли не главное. Я попытался заняться этим, удалось узнать адреса людей, консультировавшихся у Яворского и получивших у него рекомендации и травы. Сведения разные. Честно скажу, что некоторым его лекарства не помогли. Но значит ли это, что метод неверен? Скорее, это говорит о том, что применен он с опозданием и, возможно, недостаточно квалифицированно. Яворский неоднократно говорил, что ошибок при использовании его метода совершается множество. Следить же за всем он просто не в силах.

Сейчас речь идет не о подтверждении универсальности метода, хотя сам Яворский считает его таковым, а хотя бы о частичной его эффективности. Если даже одному человеку он спасет жизнь, его нельзя отбрасывать.

Мне удалось собрать несколько новых обнадеживающих примеров. Приведу два.

У семидесятилетней Ирины К. опухоль кости с патологическим переломом. Лечилась в онкологических заведениях, у народных лекарей. Ездил в Донбасс к известному врачу-онкологу Н. П. Шматкову. Не помогло. Болезнь прогрессировала, на ноге появилось коричневое пятно. После месяца лечения по методу Яворского парализованная стопа стала двигаться, пятно исчезло.

Ирина С. пять лет назад перенесла операцию. Снова почувствовала себя плохо. Пришла к врачу. Тот поразился запущенности заболевания, рекомендовал немедленно повторную операцию. Обратилась к Яворскому. Через месяц тот же врач сказал, что операция не нужна.

Оба случая похожи на чудо. И оба не позволяют делать далеко идущих выводов. Излечения пока нет. Может, развитие болезни временно приостановилось?

До окончательных выводов еще далеко. Сам Яворский уверен в себе, считает, что в понимании лечения онкологических образований дошел до степени, которую американцы определяют словами: «Знаю Как».

Я верю ему. Но вынужден признать, что так может говорить не только величайшее знание, но и величайшее заблуждение.

Когда число очередников к Яворскому перевалило за две тысячи, сама очередь стала бессмысленной. Она растянулась больше, чем на год, а многим, записанным в нее, нужна срочная помощь. Но нет худа без добра.

При очереди образовалась инициативная группа, которая стала атаковать различные республиканские медицинские и немедицинские учреждения. В результате с 1 сентября Яворский получил в больнице Киевского онкологического института группу из 10 стационарных и 50 амбулаторных больных. Первые итоги будут подведены через семь месяцев. Они во многом определят судьбу метода.

Это сдвиг в работе Яворского. Сегодня официальная медицина уже не отталкивает его, а протягивает руку.

Но что делать людям, которые прочитают о Яворском и которым нельзя ждать семи месяцев? Не могу дать конструктивного ответа на этот вопрос. Знаю лишь точно одно — ехать к Яворскому бессмысленно. У него нет физической возможности принять даже тех, кто уже

больше месяца пробивается к нему. С началом практики в онкоинституте времени на прием стало еще меньше.

Единственный выход — сделать метод Яворского достоянием всех онкологических заведений страны. Но как этого добиться без апробирования? К тому же при многих общих чертах его метод лечения индивидуален. Яворский не диагностик. На основании точно поставленного другими врачами диагноза и данных о состоянии здоровья пациента он рекомендует состав отваров трав и настоек, время их приема и дозировку. Образно говоря, он видит каждый канцерогенный процесс и тут же как химик-биолог разрабатывает стратегию борьбы с ним. Как будто просто. Но чтобы достичь этой простоты, надо обладать его знаниями.

Хочу очертить лишь общие основы лечебного метода Яворского. Прежде всего это сочетание диеты с растительными настоями и отварами. Диета, в общем, обычная для многих заболеваний: нежирное мясо, каши, овощи, фрукты, соки, растительное масло, лук и особенно чеснок. В ограниченном количестве сливочное масло, сметана, картофель, помидоры, виноград и виноградный сок. Из сладкого — только мед. Исключается жирная пища, желтки яиц, мясные отвары, соленое, копченое, острое, минеральные воды. Специально предупреждает Яворский против употребления черной и красной икры, хотя ее рекомендуют онкологи после облучения и уколов. По его мнению, икра — дрожжи для опухоли. Разумеется, я не берусь быть судьей в этом вопросе, просто привожу мнение ученого, о котором пишу. В качестве витаминов рекомендует прежде всего сок моркови и красной свеклы. Но тоже в ограниченном количестве — не больше стакана в день.

Среди настоек и отваров трав большинство давно применяются в медицине. Экстракт элеутерококка, настойки лабазника, пиона, золотого корня, сафоры японской, соки подорожника и чистотела, отвары календулы, тысячелистника, иван-чая, листа брусники, омелы, зверобоя, корней одуванчика, лопуха, солодки, лапчатки и других растений. Но дело в том, что знать даже все ингредиенты его лечебного метода — это еще ничего не знать. Главное — уметь составлять из них комбинации применительно к каждому конкретному больному. Яворский признает и возможность составления типовых лекарственных блоков для разного рода заболеваний, но при этом обязательно надо учитывать и индивидуальное состояние организма пациента. При неправильном применении хотя бы одного компонента можно и повредить (например, гипертоникам нельзя давать настойку сафоры). Поэтому ни в коем случае не следует пользоваться его методом на свой страх и риск. В крайнем случае необходимо посоветоваться с опытным фитотерапевтом.

Диета в методе Яворского играет очень важную роль. Поэтому он считает, что успешнее поддаются лечению больные, которые знают, что у них рак. Представляя размеры опасности, они строже соблюдают диету. С другой стороны, зная, что рак излечим, они не испытывают страха.

В заключение хочу привести слова доктора технических наук профессора И. Д. Конозенко, который недавно стал внимательно следить за работой Яворского.

— Меня восхищает в Яворском глубочайшее знание предмета. Мне кажется, его счастье, что он химик. Медик с традиционным образованием не мог бы так неожиданно взглянуть на проблему. Открытие Яворского я бы сравнил с открытием холодного синтеза в ядерной физике. Для того, чтобы добиться реакции превращения одних элементов в другие, которая происходит на солнце и звездах, ученые создавали дорогостоящие установки для получения сверхвысоких температур. А оказывается, эта реакция может происходить при комнатной температуре. Так и в теории Яворского поражает прежде всего простота.

Евгений ФЕДОРОВ
 Фото
 Евгения МАТВЕЕВА

...что такое возможно? Крупнейший за всю историю рок-н-ролла концерт асов хард'н'хэви на Большой спортивной арене в Лужниках! Даже по нынешним временам, когда в любой театральной кассе свободно продавались билеты на Сюзи Кватро, а концерты Пола Саймона проходили в неполном зале, сама идея рок-марафона казалась фантастической. И даже сейчас, после того как Московский музыкальный фестиваль мира завершился, впечатления не выстраиваются в ясную картину случившегося, носят обрывочный характер. Так что же все-таки произошло?

...два десятичасовых концерта нон-стоп...

...поле стадиона превратилось в «стоячий» партер, где зрители могли танцевать, прыгать, сидеть и даже лежать...

...семьдесят пять тысяч любителей хард'н'хэви каждый день...

...продажа маек с символикой фестиваля до концерта, и грандиозный фейерверк по его окончании...

...прямая трансляция на весь мир (кроме Советского Союза) телекомпаниями «Эм-Ти-Ви», «Уэствуд-уан», «Шоу Тайм Ивен Телевижн»...

...рядом со сценой — огромный телеэкран, позволяющий видеть все происходящее «крупным планом»...

...тысячи огоньков — спички, зажигалки, бенгальские огни, — вспыхнувшие в руках зрителей на любовных балладах «Скорпионс»...

...образцовый для такого грандиозного мероприятия порядок...

Но самое главное, на мой взгляд, — атмосфера. Ее не передаст никакое телевидение. Ее надо было чувствовать, в ней нужно было купаться... Атмосфера праздника, всеобщего единения и понимания... Видимо, этим же запомнился и легендарный Вудстокский фестиваль, 20-летие которого отмечается в этом году. Что ж, лучшие традиции рок-н-ролла не гаснут. И замечательно, что все средства, полученные от Московского фестиваля, а также гонорары «звезд» были переданы ассоциации «Здоровье мира» и фонду «Мэйк э Дифференс», чья деятельность направлена на борьбу с наркоманией и алкоголизмом.

...Два слова о тех, кто принимал участие в этом празднике рок-н-ролла. Со стороны хозяев — группы Центра Стаса Намина: «Бригада С», «Нюанс» и «Парк Горького». Со стороны гостей — лучшие из лучших в «металле»: экспрессивные «Мотли Крю», демократичные, веселые и доступные «Синдерелла», талантливые новички «харда» «Скид Роу», педантичные даже в лирике «Скорпионс», искренние и мягкие «Бон Джови» и легенда хард'н'хэви Оззи Осборн. Не хочется кого-то выделять из этого венца «звезд» — все они замечательные профессионалы в своем жанре, все они пользуются популярностью в мире любителей «тяжелой» музыки. И будет замечательно, если сбудутся обещания Стаса Намина устроить сольные гастроли каждой из выступавших групп в Советском Союзе, выпустить их пластинки... Что ж, будем ждать. И, может быть, центральный стадион страны будет чаще открывать свои двери перед рок-музыкантами — начин уже есть. Кто будет следующим — посмотрим, но я уже не удивлюсь ничему на отечественном рок-фронте...

Кто бы подумал...

РОКОВСКАЯ
ФЕСТИВАЛЬНАЯ
РЕСТАВРАЦИЯ
МИРА

Михаил МИХАЙЛОВ

Если вам удастся «раскрыть» в разговоре посла, считайте себя профессиональным разведчиком. Такой вот улыбочивый вывод я сделал после беседы с Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Королевстве Бельгия Феликсом Петровичем БОГДАНОВЫМ. Словом, посол есть посол... Собственно, мысль эта появилась в момент, когда Богданов ответил на первый же вопрос. Надо сказать, что нам приходилось встречаться и раньше. А кое-что я узнал от его коллег и в Москве, и в Брюсселе. Потому и привез «ехидную заготовку» — серию вопросов, с помощью которых надеялся пробить «брешь» в его должностной защите.

Итак, я спросил:
— Феликс Петрович, помните ли вы слова, которые произносили, когда делали предложение вашей супруге?

Богданов невозмутимо ответил:
— Родился я в Москве. После школы выбрал гуманитарный вуз, хотя преуспевал и в технических дисциплинах. Очень любил географию, даже в олимпиадах участвовал, в детстве часто рисовал географические карты. Поступил в МГИМО — хотел увидеть и узнать другие страны. После института в 57-м году уехал на работу в Венгрию. Очень интересное было время. Там начинались новые веяния. Как, впрочем, и у нас в стране — ведь прошел XX съезд партии... Горы хотелось свернуть. Молод был, всего 24 года, жизнь впереди... Работать было и интересно, и трудно. С 58-го по 63-й год сменилось четыре посла: с Венгрией никто не мог ужиться. Да и выбор послов был, откровенно говоря, неважный. Вернулся в Москву, работал в Отделе европейских стран МИДа. Затем мне предложили поехать в Африку, так как моим вторым языком в институте был французский. В Верхней Вольте открывалось в то время посольство. Начинать новое дело «с нуля». Африка стала интересной школой дипломатической работы...

— Почему вас назначили послом именно в Бельгию? Какое вы находите этому объяснение? Ведь, что и говорить, место, с одной стороны, интересное: здесь штаб-квартиры НАТО, ЕЭС, Совета таможенного сотрудничества, с другой — престижная страна, прекрасные условия, то есть «лакомый кусочек», и вдруг посол... профессиональный дипломат, а не политический деятель.

— Для меня это было полной неожиданностью. После работы в Африке я окончил Дипломатическую академию, отправился в Венгрию, снова оказался в Москве, опять в Африке и вдруг — именно вдруг — назначение в Бельгию. Я думаю, это уже результат новых подходов в нашей дипломатии.

— Ваш первый, так сказать, посольский шаг?

— Перечитал в который раз «Легенду об Уленшпигеле» Шарля де Костера.

— Феликс Петрович, насколько самостоятелен посол от согласований с вышестоящими инстанциями в выборе стратегии и тактики своих действий?

— Сейчас мы получили карт-бланш. Если я уверен, что мои действия вписываются в общую линию внешней политики государства, я действую. В посольстве много отличных специалистов, с которыми и можно, и нужно советоваться. Мои действия — творчество коллективное, говоря образно. Но если возникают очень сложные вопросы, то мы, естественно, согласовываем наши выводы с центром. А вообще мы не стремимся прикрываться от самостоя-

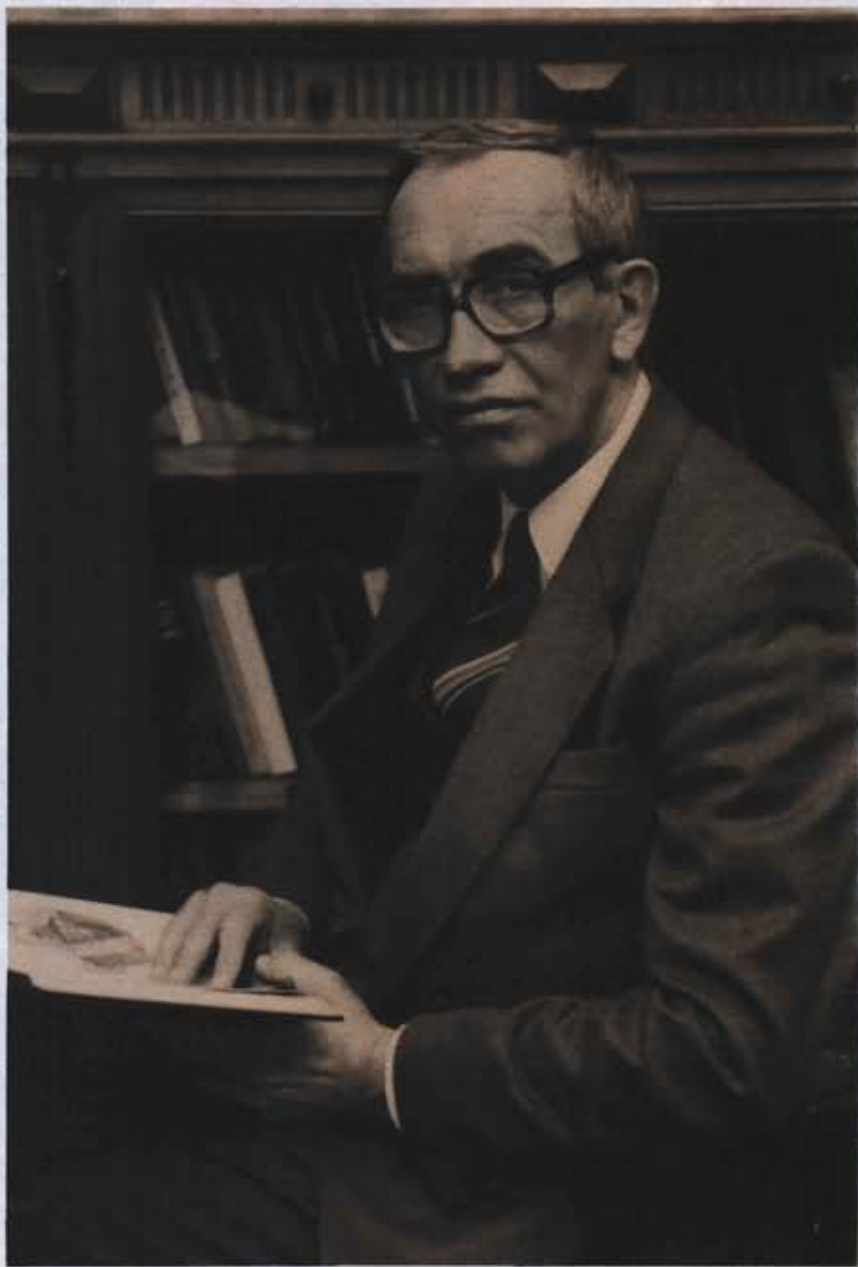

Фото Леонида СОКОЛЬНИКОВА

ДИПЛОМАТ

тельности многочисленными согласованиями.

Мне приходилось работать с архивами. Довелось познакомиться и с телеграммами наших крупнейших дипломатов: Крестинского, Иоффе, Карахана. Так вот, они позволяли себе спорить с центром. К ним поступали указания, а они в ответ писали: я считаю, что это неправильно... Нужно делать так-то и так. Позже послы уже не спорили... И вот сейчас — если честно — я не могу сказать, смог бы я ответить так, как они. Правда, у меня и таких обстоятельств вроде бы еще не было. Нынче другая ситуация. Раньше дипломаты стремились как-то сгладить наши неудачные шаги: взять хотя бы ситуацию с корейским самолетом, проблему Афганистана и так далее...

А сейчас наша работа — в полной гармонии с развитием внешней политики страны. Не случайно Запад сразу же поверил в то, что из Афганистана наши войска будут выведены в указанные нами сроки. Поэтому вы, наверное, за-

метили, что только журналисты иногда пытались муссировать эти вещи, а политики были уверены в верности нашего слова. Интересное сейчас время. Очень интересное.

— Что вам мешает в вашей работе больше всего: какие-то черты характера или, быть может, обстоятельства, которые от вас не зависят?

— Человеку, как правило, мешает сам человек. Конечно же, хочется в основном преодолеть самого себя. Иногда сказывается недостаточность каких-то знаний. Многого не успеваю: читать, смотреть, изучать, анализировать. Сейчас действительно дают право на инициативу, самостоятельность, а это требует колоссальной компетентности, профессионализма. Вот, кстати, когда я говорил о Венгрии и о том, что многие из назначенных туда послов оказывались не на высоте, я прежде всего имел в виду их профессиональную некомпетентность. Быть может, это шло и от того, что до недавнего времени почему-то считалось, что социалистическими

странами можно заниматься не на уровне профессиональной дипломатии. И главным недостатком у тех, кто зачастую оказывался во главе посольства, было нежелание учиться. Но при этом я знаю послов, назначенных с партийной или государственной работы, которые приезжали в страну и не стыдились учиться и у самых младших сотрудников посольств. Я часто вспоминаю одного из них, Владимира Яковлевича Павлова, удивительно жадный до знаний человек. Так вот, он начал с того, что буквально на следующий день после приезда отправился в поездку по стране и в последующем побывал во всех ее уголках. Казалось бы, естественно для дипломата, но, увы, так поступает далеко не каждый даже сегодня...

— Как складывается ваш рабочий день?

— Встаю в семь утра. Завтракаю, слушаю радио. Затем у нас совещания типа летучек — обмен информацией, определение задач. А потом встречи с самыми разными людьми, и, как правило, таких встреч очень много.

— Что в вашей работе видится вам лишним? От чего можно было бы отказаться?

— Слишком много бумаг. Хотя рационального решения «бумажной проблемы» я пока что не вижу. Поскольку все, что происходит, необходимо фиксировать. Надо, наверное, серьезно думать о научной организации труда на более высоком уровне.

— А что вам больше всего нравится в вашей работе?

— Встречи с людьми. В этих встречах — богатейшая сторона нашей деятельности, ее отдача. Открытие новых людей и идей очень обогащает и позволяет взглянуть на проблемы с разных точек зрения. Я люблю аналитическую работу. А вот выступать не очень люблю. У меня, признаюсь, нет выдающихся ораторских способностей. Хотя часто попросту не хватает времени подготовиться к выступлениям как следует.

— Вопрос из серии наивных: вам приходилось сталкиваться с разведчиками спецслужб? Ведь нередко в нашей прессе пишут о шпионах, которые без усталости отслеживают советских послов и дипломатов...

— Этот наивный вопрос мне недавно задавали репортеры бельгийского радио. Здесь есть такая форма интервью — «Завтрак». Это прямая передача, которая ведется из моего дома в тот момент, когда я сажусь завтракать. Напротив сидит репортер и ставит микрофон, а его коллега находится в радицентре, и они оба задают вопросы...

— Так что вы сказали про шпионов?

— Лично я шпионских глаз не чувствую и никогда их не видел. — Потом помолчал и добавил: — Может быть, просто бельгийские спецслужбы очень хорошо работают?

— Часто ли вам приходится идти на компромиссы с совестью в вашей деятельности, совершать поступки или говорить какие-то слова вопреки вашему личному мнению, убеждениям, жизненной и дипломатической, если так можно выразиться, позиции?

— Да, приходилось. Особенно в пе-

риод, называемый застойным. Мы получали какие-то указания из центра и понимали душой, что они просто глупые, и при этом, как официальные представители страны, должны были их выполнять: с каменными лицами что-то доказывать, хотя эти доказательства были слабыми, поскольку у нас не было внутренней убежденности в правоте. Все это очень тяжело. Очень тяжело. Зато сейчас работать одно удовольствие. Интерес к Союзу огромен. Каждый день поступают приглашения где-либо выступить. И когда я выступаю, то чувствую себя уверенно, потому что свободно могу ответить на любой вопрос. Я даже иногда, к сожалению, сам себя сдерживаю, когда хочется сказать острее, — это опять-таки к вопросу о том, что мне мешает в работе. Сам себе мешаю...

— **Каким советским газетам и журналам вы отдаете предпочтение? Я знаю, что вы очень много читаете...**

— Всегда стремлюсь к тому, чтобы информация была разнообразной и отражала самые различные тенденции жизни общества. Я, например, всегда покупал «Огонек», еще до смены главных редакторов. Потому что журнал и тогда был выразителем интересов, только других слоев нашего общества, и эти интересы необходимо было знать. Люблю «Новый мир», «Дружбу народов», «Юность», «Знамя», «Московские новости». Но не забываю читать и «Москву», и «Наш современник». Все тенденции нужно изучать самостоятельно, а не судить с чьих-то слов. «Смену» выписываю лет двадцать.

— **Ну и как «Смена»?**

— Сейчас, конечно, намного интереснее стала, но рубрику «Силуэты» всегда с удовольствием читал. Одно вот только плохо — объем мал.

— **Говорят, лицом к лицу лица не увидеть... Если допустить, что это так, какие проблемы нашей страны видятся вам из «бельгийского далека» наиболее важными и сложными?**

— Отсутствует культура ведения споров. Неумение выслушать оппонентов и по-настоящему, со знанием дела обсудить какую-то проблему. Налицо какой-то уход в групповые интересы, а это означает и уход от настоящего дела. Часто не хватает компетентности в суждениях, а эмоций и амбиций многовато. Еще, мне кажется, недостает искусства выдвигать талантливых руководителей. Сказывается отсутствие опыта демократического выдвижения лидеров. Есть, на мой взгляд, и некоторая поспешность в отдельных решениях. Конечно, время диктует, и немного его отпущено, но все же часто мы принимаем решения, не представляя точно состояния общества. Та же борьба с пьянством. Можно было бы понять, что такие решения не принимаются с наскаком, что мы не готовы к этому. Если закрыть глаза на то, в каком состоянии мы были, тогда, конечно, — решим, и все тут. Но переломить скопившееся десятилетиями одним махом невозможно. Да, решения должны опережать, но обязательно надо учитывать реальное состояние дел в обществе. Можно ведь поставить и такие задачи, которые по идеям будут очень правильными, а на деле дадут обратный результат.

— **Вы верите в будущее кооперативного движения?**

— Да, верю.

— **Как складываются взаимоотношения с представителями нашей эмиграции? Удастся ли вам наладить контакты с теми, кто давно уже живет в Бельгии?**

— Стремимся наладить эти контакты. Создали здесь группу людей, которые пытаются разискать культурные ценности, имеющие отношение к нашей стране. Конечно, это не Франция, куда поток эмигрантов был огромным, но и у нас интересные люди есть. К сожалению, по большому счету руки не доходят заниматься этой работой всерьез. Ведь и опыта никакого — мы никогда не думали о том, что это будет не только важным, но и возможным. Многие

эмигранты тянутся к нам, хотят установить дружеские связи. И с каждым из этих людей необходимо, по моему, встречаться, не отрезываясь от них, как от «обязательных» врагов. Ведь бывало, что человека незаслуженно обижали в стране, и он был просто вынужден уехать. Словом, работа с эмигрантами — вопрос для нас большой и важный.

— **В Бельгии живет около четырех тысяч советских женщин. Из тех, кого насильно вывезли в Германию в годы войны, кто вышел замуж за бельгийцев. Мне приходилось встречаться с ними. Раскрою вам маленький секрет: они очень тепло говорят о посольстве и особенно о после. Рассказывают о том, как было трудно раньше, как они боялись прийти в консульство, как вызывали врачей после встреч с консулом, которого «выдворили» отсюда пару лет назад. Как лично вы относитесь к этим людям?**

— В большинстве это наши люди. Они любят Родину, радуются каждой доброй вести, часто бьются в Союзе. Мы регулярно встречаемся с ними не только в посольстве, не только на официальных приемах, но и приглашаем просто так посидеть, попить чайку, поговорить, пошепаться, пошутить. Вера Александровна Кушнарева — председатель Союза советских граждан, и ее коллеги очень часто бывают в посольстве. Конечно же, в последнее время стараемся помогать и нашим молодым женщинам, кто недавно приехал сюда после замужества. Любовь есть любовь.

— **Феликс Петрович, какие, по-вашему, преимущества капитализма на примере Бельгии можно было бы использовать для нашего социалистического строительства?**

— Прежде всего организацию экономики. Ее можно осуждать, потому что в чем-то она жестока и подчас сурово расправляется с человеком. И тем не менее очень впечатляет заинтересованность здешних людей в результатах дела и зависимость этих результатов именно от их работы. То, что здесь называется мотивацией. У нас же такая заинтересованность обзывается погоней за рублем. Только в последнее время мы начали всерьез задумываться о принципах западной экономики. И я считаю, надо еще пристальнее изучать ее механизмы и перенимать рациональное и лучшее, что в ней есть.

— **Что вы вкладываете в понятие «советский человек» и чем он отличается от западного?**

— Многим. С одной стороны, нам присуща обостренная близость боли и судеб других людей. А эти качества я, например, не часто наблюдал у людей Запада. Но в то же время на трагические события в Армении откликнулся весь мир. С другой стороны, советский человек — если говорить обобщенно — страдает и от отсутствия деловой хватки, и излишней пассивностью. Вот, к примеру, приехал к нам молодежный поезд, человек триста. Отработали, провели конкурсы, познакомились с представителями делового, творческого мира Бельгии. Завязались какие-то контакты... Потом наши ребята уехали. Мы дали положительную оценку подобной практике сотрудничества. Попросили дать оценку и КМО СССР и продолжить развитие подобных контактов дальше, чтобы они не заглохли. И до сих пор никакого ответа. Разве западный человек может так поступить? Нет, конечно... Правда, я слышал, что КМО расформировывали, затем опять создавали. Быть может, причина молчания в этом, но дело-то страдает...

— **Феликс Петрович, рядом с вами работают в Брюсселе представители многих наших компаний, совместных предприятий, фирм. Как строятся ваши взаимоотношения? Вот, скажем, региональный представитель Аэрофлота в странах Бенилюкса Вячеслав Захаров. Его высоко ценят и бельгийцы и искренне уважают сотрудники посольства. Достаточно**

сказать, что, когда он сюда приехал, из Москвы в Брюссель летали Ту-134, а нынче не только «Аэробусы», но и «Руслан» садится. Я уж не говорю о новых линиях на Ленинград и Киев... А спросить хочу вот о чем: не идут ли иногда вразрез интересы сотрудников посольства с интересами представителей делового мира, не наступают ли дипломаты на «горло» коммерсантам?

— Всю жизнь я стою на позиции: убеждать человека следует не своей должностью, но логикой и знаниями и в равной степени уметь выслушать доводы собеседника. У Вячеслава Николаевича Захарова, да и многих наших «фирмачей», убеждения аналогичные, поэтому конфликтов, как правило, не бывает. Конечно, намного проще надавить человека «интересами Советского Союза», раньше мы этим часто грешили и к чему пришли, известно. Главное, чтобы сюда приезжали работать умные и образованные люди.

— **А что, и в заграницу «блатные» прорываются?**

— В последнее время намного меньше.

— **Согласны ли вы с тем, что экологическая проблема — проблема номер один для нашей страны?**

— Конечно. И не только для нашей страны. Это одна из самых серьезных проблем в мире. Можно договориться по разоруженческому делу, но если мы не займемся экологией, то и разоружение не поможет. Но сейчас экологическое движение очень сильное. Об экологии заговорили очень авторитетные люди. Но есть большие трудности, потому что далеко зашло развитие таких отраслей, как атомная энергетика или, например, та же химия. Конечно, решение о закрытии в Армении атомной станции правильное, но оно же и отражает огромные проблемы. Сегодня невозможно быстро повернуть все назад. Но когда промышленность наносит колоссальный урон природе и людям, то такие решения необходимо принимать. На Западе борьба за экологию затрудняется интересами промышленных монополий. А у нас эта борьба затрудняется интересами и противостоянием министерств и ведомств.

— **Довольны ли вы коллективом, с которым работаете?**

— В общем, доволен. Иногда меня расстраивает наша общая неготовность, и молодежи в частности, проявить инициативу. Неготовность к той свободе, которая открылась. Часто многое остается на словах, и когда дело доходит до решения конкретного вопроса, вдруг мне говорят, что все... должен решить я сам. Опять ждуть решения сверху. И меня это очень расстраивает. А я считаю, что наш маленький коллектив — отражение всего общества, его состояния.

— **С кем вам интереснее работать, с молодыми сотрудниками или с «аксакалами»?**

— Безусловно, все зависит от человека. Не в возрасте дело. Умные, толковые люди есть и среди молодых, и среди ветеранов.

— **Феликс Петрович, а ваша заработная плата соизмерима с зарплатой послов других стран? Например, европейских?**

— Наша — одна из самых низких в мире. Я приведу случайный пример. Недавно была поднята шумная кампания по поводу того, сколько стоит содержание заключенного. В этой связи газеты опубликовали данные о заработной плате тюремщиков. Так вот я узнал, что начинающий тюремщик в свои восемнадцать лет получает чуть меньше меня. Но все же надо прежде всего соизмерять зарплату дипломата с уровнем заработной платы той страны, которую он представляет. И исходя из этого, мне вполне хватает для безбедного существования.

— **Если бы вам пришлось оставить свой пост, что бы вы передали своему преемнику?**

— А что, в Москве поговаривают о моем снятии?

— ?!

— Я бы посоветовал ему продолжить все то, что пытаюсь здесь сделать. В отношении политических контактов все более или менее на надлежащем уровне. Но мы еще мало занимаемся культурой и экономикой. А ведь это огромные и важнейшие сферы нашей деятельности, которыми нужно заниматься постоянно, повседневно. Мне хочется, чтобы деятели искусства приезжали к нам на долгие, например, на год. Чтобы работали не спеша, вдумчиво, основательно. Например, у меня не всегда хватает компетентности профессионально оценивать то или иное произведение — спектакль, фильм, живописную работу, — которое было бы интересно советским людям. А если бы свое слово сказал профессиональный критик, театровед, литературовед, это было бы важно и интересно для всех. Нам немного удалось «закрыть» с театрами. Сюда уже приезжал спектакль «Серсо» Анатолия Васильева, в Антверпене проведены Неделя советского театра и выставка молодых архитекторов, а в Союз выезжали театральные режиссеры, писатели, поэты, музыканты, но это только первые шаги.

— **Какое место в вашей жизни занимает спорт?**

— Огромное. В детстве играл в футбол. В школе и в институте серьезно увлекся баскетболом. Сейчас два раза в неделю стараюсь выходить на теннисный корт.

— **Вы любите отдыхать в веселой компании?**

— Конечно.

— **А как вы относитесь к детективам, кинокомедиям?**

— Как к детективам. Очень люблю фантастику, но не техническую, а образную к человеку, например, Брэдли Стругацких. Кинокомедии радуют изысканным юмором, как, впрочем, и резкой сатирой, если она не навязчива и не топорна. Но для души требуется и другое — не только сюжет, но и слово, литература.

— **Пугает ли вас жизненная непредсказуемость? Или же, наоборот, заставляет концентрировать внимание, анализировать нестандартные ситуации?**

— Для дипломата быстрая реакция необходима, поэтому жизненную непредсказуемость не любить просто нельзя.

— **Что вы можете сказать о своей жене?**

— Она мой большой помощник. И это очень важно. Я знал много случаев, когда жены начинают вмешиваться в дела, и это создавало большие трудности в коллективе... У моей же супруги очень много своей работы. Очень важно, чтобы посольство было привлекательным. И жена в этом большой помощник. Сейчас люди тянутся к нам, а когда-то это было очень трудно.

— **Если позволите, я продолжу: об Антонине Николаевне говорят, что она не только изящная и красивая женщина, но и понимающая своего мужа. А это бывает не так уж часто. Помните, даже песня есть такая: «И жены не всегда нас понимают...» Чем же вы можете объяснить понимание и поддержку вашей супруги?**

— Ну, во-первых, тем, что я прекрасно помню, когда и как предложил ей сердце и руку. И что при этом говорил. Помнит это и жена.

Во-вторых, она ведь мой коллега, мы вместе учились. В свое время Антонина Николаевна работала в издательстве «Прогресс», много переводила и редактировала. Нынче же со мной по миру ездит. Помогает. Во всех странах, где довелось работать, она обязательно учила язык и сегодня владеет несколькими.

— **А сын?**

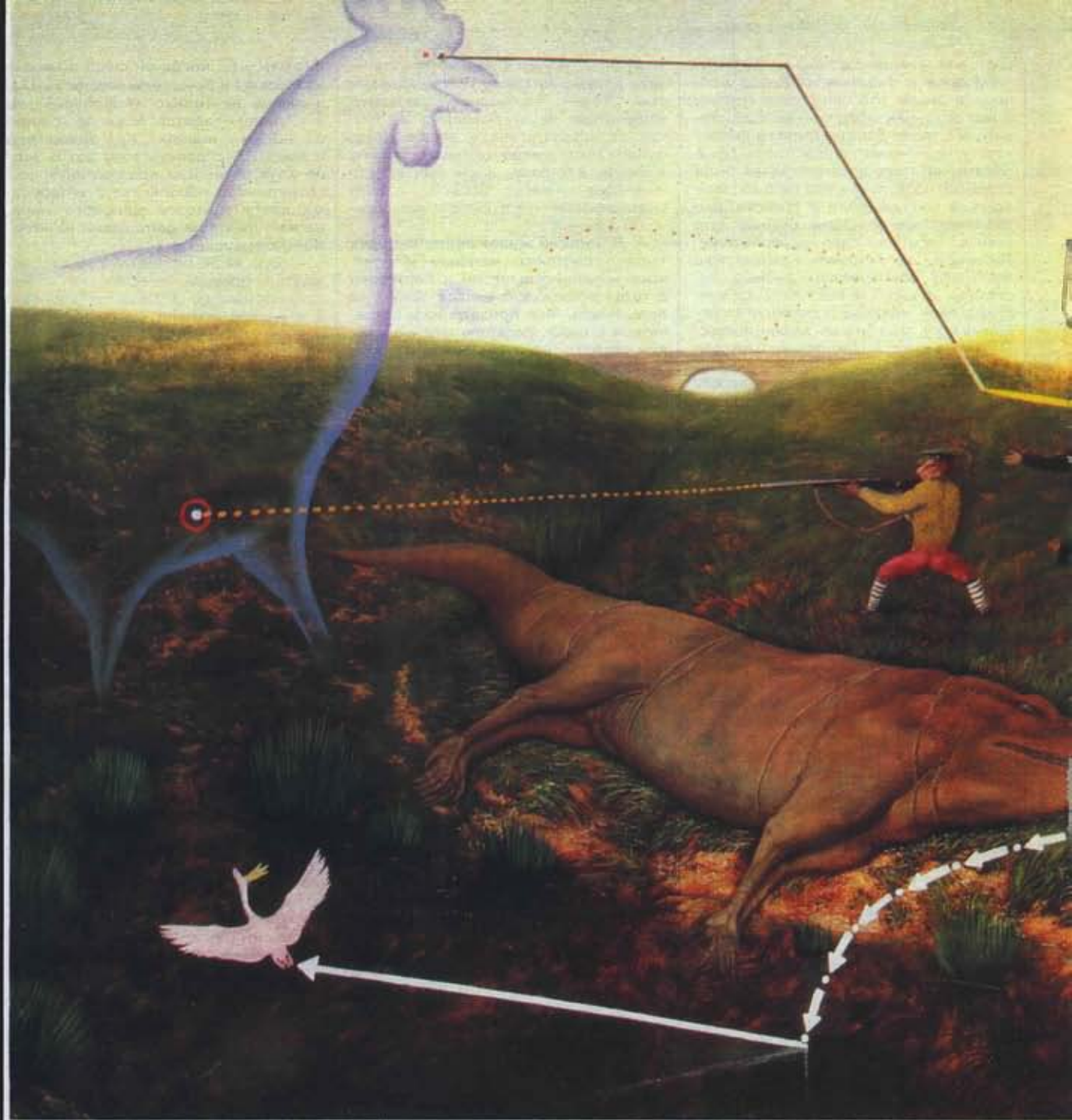
— Он уже взрослый. Журналист, работает в ТАСС.

— **О чем у вас больше всего «болит» голова сегодня?**

— О матери, которой сейчас 85 лет.

Миф — обязательно что-то величественное. Грандиозное, серьезное, монументальное и глубоко загадочное. В общем, нешутливое. Так принято думать, и так думают все, пока не приходит веселый человек и... пририсовывает усы Моне Лизе. И называет это «Автопортрет». Какое хулиганство! Ужас! Что за мальчишеские выходки! Кричат, кричат возмущенные ценители, приученные к Высоким Образцам, не понимающие, что над их напыщенностью и высокомерием смеется с картины веселая Мона Лиза, ибо Высокий Образец — это Жизнь, а Смех — чуть ли не самое живое, что есть на свете. Одураченные своими стереотипными реакциями, они попались на удочку одному из грандиознейших выдумщиков — художнику Сальваторе Дали.

Эта история вспоминается, когда разглядываешь картины Александра Захарова. Первое, что бросается в глаза, — сочные, живые краски, прекрасные пейзажи и ...полная несусветица происходящих на фоне изумрудных морей и золотых полей событий. Мужики в ватниках, матросы в бушлатах, охотники, солдаты деловито бьют, режут, стреляют, кого-то убивают. Как заведенные или обуянные какими-то бесами, идеями, приказами, в радостном ажиотаже они очень заняты, ну просто страшно заняты нелепыми делами. С кем они там сражаются — с природой: с классовыми врагами или сами

ШУТЛИВЫЕ МИ

с собой, — не важно, важно, что они всю душу вкладывают в свои несуразные подвиги. Этим бестолковым и бесконечно активным копошением они напоминают... животных.

Захаров дает полную свободу фантазии зрителя, свободу додумывать, догадываться. Его картины можно разглядывать долго, находить в них все новые шутки, хохмы, подробности. Благодаря такому построению картины напоминают многослойный пирог, воссоздают целый мир, художественную вселенную. И эта веселая вселенная открыта для зрителя, она контактна, в нее легко войти — надо только вначале улыбнуться. Жизнь без шутки становится невыносимой, искусство без юмора — тягостным и напыщенным. Воспитанный человек не будет навязывать вам свои трудности без известной доли облегчающего восприятия юмора.

То современное искусство, которое получило название «постмодернизм», не ставит своей целью следование определенным правилам, в нем все разрешено — совмещение самых разных художественных сти-

лей, использование разных языков, разработанных за многовековую историю развития искусств. Важно лишь, чтобы достигался художественный эффект, картины были органичны, живо написаны... Это искусство демократично — оно допускает соседство Брейгеля и Босха с детскими рисунками. Художник пользуется как готовыми блоками стилями разных изобразительных школ — восточных и западных, древних и современных. Потому что настоящее искусство стремится к целостности, оно живуче и уживчиво.

Сопоставление разных манер связано с характерным для художника приемом — сталкиванием разных исторических пластов. Это дает возможность провести неожиданные параллели между современностью и мифами. Творчество Саши Захарова позволяет глубже понять и старые сказки, и новое время.

Александру Захарову нет еще и тридцати, а уже большая часть его картин закуплена галереями и частными собраниями Австрии, Швеции и ФРГ. Сам он много размышляет над проблемами современного

С охоты.

Царевна-лебедь.

Соловей и разбойник.

Сказка о рыбаке и рыбке.

Царевна-лягушка.

МФЫ

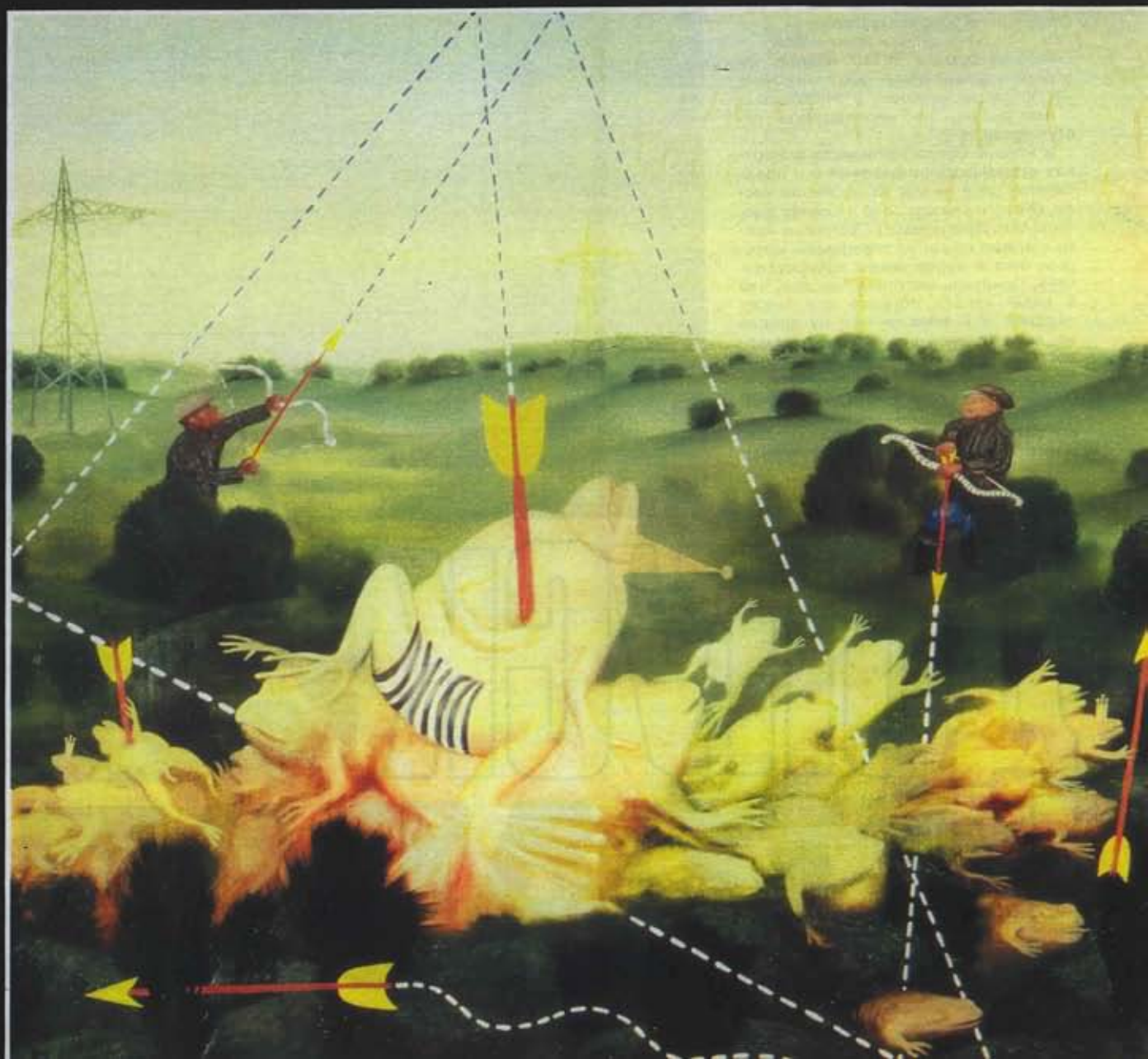
искусства, пишет статьи, организывает выставки.

Приведу отрывок из небольшой сопроводительной статьи, предназначенной для каталога выставки, в котором он пишет о своем творчестве.

«Все, что я делаю, я не считаю картинами в полном смысле этого слова. Скорее это иллюстрации моего в большей степени литературного, чем художественного, мышления.

С детства я очень любил изображать зверей и исторические сцены. И сейчас я не изменяю своему пристрастию. Правда, на протяжении многих лет мои темы были сродни разговорам на кухне — тем, которые не слышит никто, кроме друзей и близких, но на которые люди охотно тратят время.

У меня сложился свой взгляд на историческую тематику: некоторая сюрреализация истории, мне кажется, ближе к истине, чем академические прописи, которые нередко искажают историю до неузнаваемости. Меня привлекает возможность в одном времени видеть множество времен и сопоставлять различные исторические версии».

Началось все с мальчишеского любопытства. Случайно наткнулся на изданную еще в «хрущевско-оттепельные» годы «Историческую Энциклопедию». Листая том за томом, я обнаруживал ужасные биографические справки на наших государственных и партийных деятелей. Некоторые из них обрывались глухими, рублеными фразами: «незаконно репрессирован», «репрессирован в условиях культа личности Сталина», «пал жертвой незаконных обвинений»... Мне тогда показалось, что фразы подобраны таким образом, чтобы по возможности упрятать, скрыть некоторые «шероховатости», «криминал», что ли, в судьбе того или иного человека.

Для меня, мальчишки, все это было тревожной загадкой. Сам себе я не мог даже объяснить такого слова — «репрессированный». Что это значит, думал я, расстрелян, повешен или убит еще каким-то неизвестным мне способом? То была поистине святая детская наивность и неосведомленность. А что такое «посмертно реабилитирован»? — этого я тоже не знал. Вот если бы у кого-нибудь спросить! Но интуиция подсказывала мне, что, коль скоро обо всем этом не пишут, не говорят, то, наверное, и спрашивать никого об этом не стоит.

В обычную «общую» тетрадку за 44 копейки я начал выписывать всех репрессированных из 16 томов «Советской Исторической Энциклопедии». Получил алфавитный список примерно из 400 фамилий... Оборачиваясь назад, не без улыбки пытаюсь понять желание двенадцатилетнего мальчишки «дойти до сути»...

Прошло некоторое время.

За «Исторической» настала очередь другой энциклопедии — «Литературной». В восьми ее томах обрыв дат следовал на роковой цифре — 37. Сказать, что меня данный факт удивил, — ничего не сказать. Я был испуган: думал-то, что «вычерпал» все из «Исторической Энциклопедии», а оказалось...

Небольшое, но необходимое отступление.

В начале сбора материала о жертвах сталинских беззаконий я и представить себе не мог их истинное число. (Кстати сказать, это и сейчас сделать затруднительно.) Поспорил как-то с одним из своих товарищей, который был в курсе моего собирательства. Приятель настаивал на том, что в годы культа погибло сто тысяч человек. Я с этим не мог, ну просто не мог согласиться. Не укладывалось это в моей голове — и все тут! Подошли к учительнице истории. (Уточню: это было в 1979 году.) Выслушав мнения «сторон», она отвечала: репрессированных было больше, много больше, ребята. И потом еще

Дмитрий ЮРАСОВ

ДОПУСК К ПРАВДЕ

добавила, посоветовала с подобными вопросами ни к кому не обращаться.

Домой я пришел совершенно разбитый, подавленный обрушившейся на меня информацией. Как быть теперь? Что делать? Бросить все то, над чем корпел уже не один год, ведь не по силам мне совладать с таким объемом — более ста тысяч! Продолжать? Но как? Разве мыслимое это дело?! Решил тем не менее продолжить начатое. Сколько смогу, говорил я себе, столько и сделаю. Успокаивал себя латынью: «Я сделал все, что мог, и пусть, кто может, сделает больше и лучше».

...Кем только я не мечтал стать, учась в школе! Зоологом, ботаником, философом, дипломатом и даже — партийным работником! Но дело, захватившее и мысли, и сердце, привело меня, конечно, в архив. Помог случай.

У нас в школе проводилась олимпиа-

Фото Сергея ВЕТРОВА

да по истории ВЛКСМ. Из огромного списка вопросов я постарался ответить на 15 — 20, а когда возникли затруднения с выполнением задания, отправился в Архив Октябрьской революции, что на Большой Пироговской. В приемной со мной любезно поговорила молодая уже женщина. Она попросила меня оставить интересующие вопросы, заверив их справкой за подписью директора: мол, действительно в такой-то школе проводится такая-то олимпиада. Я не удивился (к справкам у нас привыкаешь чуть ли не с пеленок) и пообещал справку предоставить. А вместе со справкой этой любезной женщине подсунул и список в два десятка фамилий, тех, кто, по моим сведениям, был репрессирован при Сталине.

— Кто эти люди? — пробежав глазами список, спросила консультант при новой встрече.

— Репрессированные.

— А зачем тебе нужны о них сведения?

— Для реферата. — соврал я.

— Какого реферата?!

Одним словом, списка того я больше не увидел, он исчез в ящике стола...

Даже сегодня, когда моя потаенная работа в наших государственных архивах вроде бы легализована, практически все представители «архивного мира» считают, что работать, как работал я (выполняя, кроме основных обязанностей, еще и «запретные»), нельзя. «Для него не существовало никаких запретов, он же нарушал все инструкции!» — передали мне недавно слова одного высокого архивного начальника.

Инструкции я действительно нарушал. И шел на эти нарушения абсолютно сознательно, потому что другого выхода, попросту говоря, не видел. Помнился тот давний разговор с «консультанткой»... Правда, и сейчас не понимаю, почему, за что, на каком основании у меня отобрали злополучный список?!

...На дворе стоял 1980 год.

Мне повезло. Сразу после окончания школы взяли на работу в Центральный государственный архив Октябрьской революции. Итак, мне удалось то, о чем я мечтал.

В архивохранилище секретных документов меня посадили за обычный двухтумбовый стол, присвоив категорию палеографа 2-й категории (специалист по письмам): на «делах», принесенных из хранилища, ставил цифры валовой нумерации. Так продолжалось довольно долго, а я, простите за нескромность, был на редкость любознательным: улучив свободные минуты, в глубокой тайне от начальства, я пробирался в ветхое заветное архивохранилище, листал дела НКВД, судов, рассмотрение дел Военными трибуналами Военных округов... Вскоре стал делать выписки. Меня заметили, предупредили строго-настрого: в хранилище — ни ногой!

И «в наказание» перевели в соседнее — административно-контрольных и судебно-политических органов. Бывает же такое!

В этом архивохранилище я проработал до призыва в армию. (Перед этим поступил на вечернее отделение Московского историко-архивного института.) А в моей картотеке насчитывалось уже 20 000 карточек...

В армии я больше всего боялся... отупить. И чтобы этого не произошло, записывал в тетради данные своих карточек по памяти. На втором году службы, ближе к «дембелю», начал писать роман (как мне тогда казалось) «Братья Кагановичи». Ребятам своего призыва читал отдельные главы, они хвалили, подбадривали: пиши, мол, Димка, дальше! Но нашелся среди них какой-то «сверхбдительный», донес. И моя рукопись оказалась у «особиста».

Разбирательство было тоскливым, заставляли отказываться от написанного

(«скажи, что писал по недомыслию»), грозили Военным трибуналом. Но и здесь, можно сказать, обошлось. Из армии привез несколько сотен новых карточек. Откуда? Это были выписки из книг, журналов, газет, которые брал в библиотеке воинской части.

После демобилизации на прежнюю работу не взял.

И опять помог случай. Коллеги-архивисты посоветовали предложить свои услуги Архиву Верховного суда и Военной коллегии СССР. Со мной вежливо поговорили по телефону и назначили время собеседования. Начальник архива, майор, кадровый работник Военной коллегии, посмотрел мои документы, предложил заполнить анкеты, опросные листы на родственников — чтобы получить допуск к работе.

(Неужто по бумагам можно угадать, честен ли, профессионален, порядочен кандидат на должность?... Два месяца ушло на оформление допуска...) Я и не надеялся, что получу его — хотя бы по «армейским» причинам. Но, к счастью, повороты судьбы непредсказуемы. Я был допущен!

Архив поразил меня. 2,5 миллиона дел, являющихся результатом работы ВК и ВС СССР, за более чем 60-летнюю историю. Такое количество документов «обрабатывало» всего 4 человека. Я среди них самый молодой. И это тоже было удачей: в случае необходимости в подвальное помещение отправляли именно меня... Сколько необходимо времени, чтобы по шифру отыскать нужную папку? Три минуты, пять? У меня на руке часы, все время контролировал себя, подгонял. Найди то, за чем посылали, принимался лихорадочно работать на «свою» картотеку. Выписывал фамилии репрессированных, их биографии, приговор, состав обвинения, имена судей. Все это переносилось в записные книжки, которые я носил в правом кармане. И так каждый день... Иной раз возвращаюсь наверх — майор-начальник: «Что-то ты долго искал». Да шифр, оправдываюсь, не мог найти... «Ориентироваться надо шустрее!» Знал бы он тогда, как «шустро» я ориентировался!

Не знаю, что это было — суеверие, интуиция или еще что-то, но все это время меня не покидало тревожное чувство: добром все это не кончится. В конце концов получилось как в известной песне: сколь веревочка ни вейся... Когда меня не было, заместитель начальника Архива Верховного суда З. И. Шорина обыскала ящик моего письменного стола и извлекла оттуда записную книжку с пометками из дел Военной коллегии. Таким образом закончилась моя архивная «карьеря». «По совокупности» меня отчислили со второго курса Историко-архивного института. Но и результат был — 100 000 карточек с данными о репрессированных, которые я собрал в архивах.

Меня иногда спрашивают: зачем нужно то, что я делаю? Ответ тут может быть такой: чтобы избежать страшных ошибок в будущем, надо как минимум знать их, изучить причины, их породившие. Казалось бы, прописная истина. Но вот невыгодно кому-то до сих пор наше «прозрение». Кому-то на руку то, что мы по-прежнему остаемся слепыми. Приходит иногда слышать и такое: не надо, мол, рассказывать людям про эти ужасы, пытки ни в чем не виновных людей, про ночные аресты, разбитые семьи, судьбы — страшно все это. Да, страшно. Очень страшно. И именно поэтому надо. Этот тяжкий путь мы все должны пройти. Путь очищения. И тогда не оборвется ниточка родства: от отца — к сыну, от деда — к внуку...

В моей картотеке — судьбы людей. Неприукрашенные, безжалостно надломленные...

...Антон Степанович Булин — партизек с дореволюционным стажем, ар-

мейский комиссар 2 ранга, заместитель начальника Политуправления Красной Армии. Был арестован в поезде, в 1937 году. Жена обивала пороги в надежде попасть на прием к Ворошилову — бесполезно, не принял Ворошилов. Как родственница «врага народа» она получила 8 лет. Антон Степанович в 38-м был расстрелян. Жив его сын, но об отце знает мало, очень мало.

...Григорию Ивановичу Кулику в 1940 году присвоили звание Маршала Советского Союза. Это было второе присвоение маршалских званий. Кавалерист, прошедший гражданскую войну. За финскую кампанию получил звание Героя Советского Союза. В годы Великой Отечественной — командующий 54-й армии на Ленинградском фронте. После разгрома армии был разжалован в генерал-лейтенанты, до конца войны находился в резерве Ставки. В 1946 году — арест. Обвинение в подготовке террористического акта против Сталина. Приговорили к расстрелу, но поскольку в то время смертная казнь была отменена, «подождали» до введения: расстреляли в 1950 году. В 1957 году реабилитировали, восстановили в звании Маршала Советского Союза.

...В руководстве звеном троцкистско-зиновьевского заговора в комсомоле был обвинен первый секретарь Московского горкома комсомола Михаил Сидоров. В декабре 37-го поставлен к стенке, жене дали 5 лет. Реабилитировали посмертно в 1956 году.

И так на каждой карточке. Каждая из них как кирпичик в бесконечной стене скорби... Казалось бы, я, занимаясь репрессированными уже более 10 лет, ко всему должен был привыкнуть. Признаться, и привыкаешь... Но бывают такие случаи, когда просто не знаешь, куда деваться, как это понять.

...В 1943 году были арестованы саратовские школьники Сигизмунд Шварц, Гелий Павлов, Герман Куликов, Борис Анохин, Святослав Ильин. В чем же обвинили 12 — 13-летних мальчишек? В проведении антисоветских сборищ с критикой существующего строя. Особое совещание при НКВД 3 мая 1944 года приговорило мальчишек к срокам от 3 до 6 лет. Отсидели они от звонка до звонка, а реабилитированы были лишь в 1956 году...

Правда меняет людей... Заинтересовавшись судьбами репрессированных еще с мальчишеских лет, я не знал, как сложится моя жизнь, чем я буду заниматься. Но я хорошо знал, чем заниматься не буду. Имею в виду сверстников, которые порой до тридцати лет сидят на шею у родителей или «мучительно» ищут себя в пустопорожных разговорах. Более чем уверен: если бы кто-нибудь рассказал нынешним рокерам, панкам, «люберам» всю правду о тех страшных годах — при условии, что сделано это было бы квалифицированно, — многие бы задумались и о себе, и о времени, о народе нашем. У многих бы заполнился некий душевный вакуум...

Конец 1986 года. Я — грузчик в типографии газеты «Известия». Работа в основном ночная, непривычная. В печати появляются первые робкие публикации о незаконно репрессированных во времена культа личности. В «Знамени» — «Новое назначение» А. Бека, люди начинают свободнее общаться между собою.

На одном из вечеров в Центральном Доме литераторов я послал записку в президиум и попросил слова. Рассказал о своей немудреной истории, о картотеке и... был встречен овацией. Появилась возможность

выступать на встречах, вечерах, не опасаясь окрика сверху.

В июле 1987 года написал статью об уничтожении архивов Верховного суда СССР (был тому свидетелем: сам, как техник-исполнитель, принимал участие). Ни «Известия», ни «Литературная газета», куда я обращался, не сочли возможным опубликовать «жареный» материал. Тогда я отдал статью в бюллетень «Гласность». Там она и появилась в августе 1987 года. (Мне неприятно описывать последующие за этим вызовы в КГБ, беседы ни о чем, ни о ком, а так — «для информации из первых рук».) Скажу, что результатом этой публикации явился незаконный взлом квартиры 7 сентября, где я жил, и похищение ряда книг 20 — 30-х годов издания, части картотеки и абсолютно всех (150!) книжек, заведенных мною по ходу работы в Особом архиве Верховного суда.

Я написал два письма на имя тогдашнего председателя КГБ В. М. Чебрикова с просьбой разобраться, что же произошло. Ответа не получил...

Тем временем Председатель Верховного суда СССР В. И. Теребилов распространял обо мне информацию: дескать, меня выгнали из архива за воровство совершенно секретных дел, передачу их на Запад. За это якобы я получил от западных «покупателей» наркотики и валюту. Так он заявил испанским парламентариям во время своего визита в Испанию, когда всплыл вопрос обо мне и моей картотеке. Мне передали текст испанской газеты «Эль Паис» с полным изложением ответов Теребилова. Можно представить мое возмущение! Я стал ждать подходящего случая, чтобы опровергнуть эти измышления. Случай представился в декабре, опять же в ЦДЛ, писатели пригласили Теребилова с целью узнать о работе Верховного суда по реабилитации советских граждан.

Все шло своим чередом: вопросы, гладкие ответы и вдруг... Я услышал вопрос одного литератора о моей судьбе. Заминка... И Теребилов слово в слово повторил то, что сказал в Испании. Молчать я не мог... Меня вывели из зала, многие были шокированы... (Больше всех кричал на меня А. Борин из «Литературной газеты». Называл сопляком, мальчишкой, лгуном... Да, Александр Константинович, все так и было. Только Теребилов нынче на персональной пенсии.)

...И еще полгода неизвестности. Ни доказать не могут, ни опровергнуть не хотят. Зато в редакциях, которые я обошел (например, в «Собеседнике»), мне довольно ясно дали понять о гневе и недовольстве мной «большими людьми». Вот так это и висело на мне полгода. Но я не сдавался, опровергал, как мог, небылицы, взывая к логике, к здравому смыслу. Ведь если бы действительно было то, о чем вещал Теребилов, меня бы сразу арестовали. Тут никакая перестройка не спасет. Самые понимающие и сочувствующие советовали повременить.

Завесу молчания прорвала передача «Взгляд» в июне 1988 года.

...Часто думаю о том, что моя деятельность, моя работа по сбору данных о репрессированных соотечественниках была бы совсем не нужна, если бы в один прекрасный день распахнулись двери архивов. Надежда, что это когда-нибудь случится, не покидает меня. И тогда никому не придется работать, как мне, чувствуя себя при этом то разведчиком, то шпионом, то похитителем. Но несмотря на многочисленные обращения, требования общественности, раздающиеся и с высоких трибун,

ЗАЩИТНИК

ном участии, понимании. Школа жизни не обрывается за порогом казармы. Каждый прожитый день учит чему-то всех нас. Но как трудно усваиваются уроки терпимости и взаимодоверия!

Ежегодно 2 августа, словно эпидемия, вспыхивает в городах и весях страны злость, настоящая на водке и амбициях. «Защитники» кулаком вколачивают в сограждан уважение к себе. Кровь, пьяный смех и пьяные слезы — это праздник?!

И нынче, как в прошлогодье, в Ярославле и Москве, в Кишиневе и Гомеле люди боялись вас. Речь, конечно, не о всех. Но и малая часть носит те же тельники, те же береты...

Нет, не мажем ВДВ черной краской, не выискиваем «жареное». Еще на памяти, как народный депутат СССР афганец Павел Шетько резко и бескомпромиссно говорил членам Верховного Совета — всем нам! — о социальной, душевной неустроенности вчерашних воинов.

Чем общество поможет им? Как оно защитит своих защитников от косяго взгляда чиновника, от бытовых передраг и лжи?

Только правдой! Трезвым, здра-

Они отслужили срочную. Они прошли ее в песках и снегах; мерили землю Отечества, Афганистана траками БТР и солдатскими салогамми. Они падали из поднебесья, прикрытые крылом парашюта и грудью товарища...

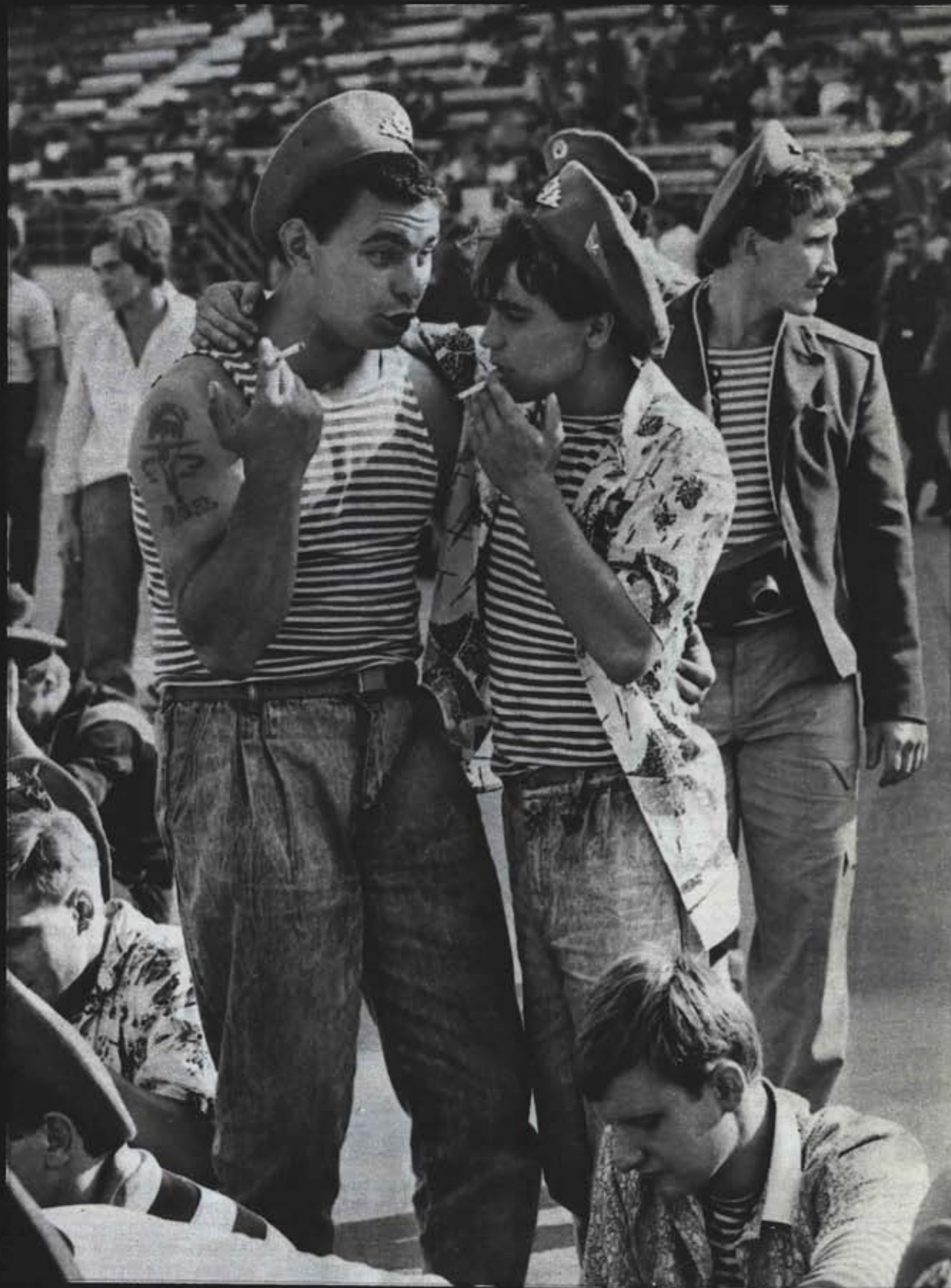
Они вернулись домой!
...Школой жизни считаем армейскую службу. «Десантный класс» — самый трудный и почетный. Выпускники его — в нашем сознании — верная опора и защита; голубые полосы тельника — знак доброй силы и надежности.

Таковыми мы хотим вас видеть!
Но и вы, сильные, тренированные, нуждаетесь сегодня в нашем сердеч-

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

вым пониманием того, что мы едины.

Матери и дети, ветеран Великой Отечественной и юный патзушник тянутся к вам, мужественным и справедливым, знающим цену чести и долга. Знающим, но всегда ли, везде ли помнящим и о долге, и о чести?

В узел затянуты жгучие вопросы. Не ногти — души обдираем, пытаемся развязать его. И я, четверть века назад сменивший армейскую гимнастерку на гражданский пиджак, мучительно пытаюсь понять: что же происходит? Уверен в одном: зло порождает зло...

А теперь давайте вместе взглянем в эти фотографии, будто в зеркало — дня, души, совести.

Чья вина, чья беда — не будем делить. Боль, горечь — наши, общие. Помолчим, подумаем...

и со страниц газет, журналов, до сих пор многие архивы наглухо закрыты. Удивительнее всего, непонятней всего то, что по-прежнему не сняты грифы секретности с реабилитационных дел, то есть с оправдательных документов. Два с половиной миллиона дел Особого архива Верховного суда и Военной коллегии, как и прежде, за семью печатями.

Люди хотят знать правду. Не закамуфлированную под выдуманные диагнозы убиенных, под отписки военных трибуналов и судов. Люди хотят и должны иметь право взять в руки «дело» своего отца, мужа, брата. Им — родным — важны подробности их гибели. Для них не все равно, в чем обвинялись родственники, как они держались на допросах, как удалось их сломить, кто написал донос, в каких лагерях они сидели, как, наконец, закончили свой путь на брэнной земле...

Мы до сих пор не знаем мест погребения Николая Вавилова, Осипа Мандельштама. А сколько «простых» Ивановых, Петровых, Сидоровых... Но, слава богу, есть люди, для которых память о корнях и истоках — не только своих! — свята. Слава богу, не у всех из нас «вместо сердца — пламенный мотор», как того хотелось Сталину и его приспешникам.

Недавно мне исполнилось двадцать пять... Были поздравления, пожелания на будущее. Потом все разошлись, и я остался один. Задумался, как прожил эти годы, что успел сделать. Средняя школа, служба в армии, два исключения из Историко-архивного института, смена — не по своей воле — девяти мест работы. И еще — 150 000 карточек на репрессированных в годы культа личности Сталина. Пока все...

P. S. А работа с картотекой продолжается. И продолжают все те же чиновники запретительные уловки — ведь, по сути, архивы, как и прежде, не доступны. А если и дают заглянуть хотя бы «одним глазком», то лишь после долгих мытарств по инстанциям. То, что известно сегодня всему зарубежью (размах и патологическая жестокость репрессий), упорно прячется от нашего народа. Но вспомним солженицынское: «Слово правды мир перетянет...»

Предлагаю: те из читателей «Смены», кто хочет помочь, пусть заполнят небольшую анкету о судьбе репрессированных родных, близких, знакомых. Для чего это нужно? Во-первых, я готовлю для издательства «Юридическая литература» книгу; основа ее — картотека скорби. Необходимо всем нам как можно больше знать о безвинно осужденных и погибших. Во-вторых, вполне вероятно, что какие-либо данные об интересующем вас человеке есть у меня...

- Итак, анкета.
1. Фамилия
  2. Имя
  3. Отчество
  4. Год рождения
  5. Год смерти
  6. Национальность
  7. Партийность
  8. Социальное происхождение
  9. Образование
  10. Последнее место работы и занимаемая должность до ареста
  11. Факты ареста, репрессии
  12. Факты реабилитации

Если есть возможность подтвердить ваши сведения копиями каких-либо документов, присылайте их вместе с заполненной анкетой по адресу: 117313, Москва, Ленинский проспект, дом 90, кв. 95. Юрасову Дмитрию Геннадьевичу.

Записал Сергей РОМЕЙКОВ.

Красимира СТОЯНОВА

Стою перед огромным океаном. Его необъятные волны, самых разных оттенков, плещутся мне в ноги. Все вокруг меня необозримо, необъяснимо и величественно. Я могла бы стоять так, созерцая и стараясь проникнуть в тайны природы, без конца. Но я всего лишь пылинка в песке. И задача моя — описать феномен Ванги, подобный по необъятности и загадочности своей волнам океана, мне не по силам. Я немелый пловец. Но должна нырнуть в глубину вод и вынести оттуда просто невероятные «чудеса», очистить их от налета мистики и суеверия. Описать для других людей... Справлюсь ли? Не знаю. Сама Ванга ничуть не укрепляет моей решимости в этом начинании:

«Такая книга пока не может быть написана. Как ты опишешь невидимое, как охватишь всемирное, как объяснишь нелогичное, поверишь в нематериальное?» — сказала она мне еще в 1979 году.

Я этого действительно не знаю. Однако попытаюсь осуществить свою мечту. Меня толкают к труднодостижимой цели любовь и восхищение, которые вызывают у меня человек и феномен Ванга, ее отношение к людям, стремление раздать всем покой и веру, вдохнуть смелость и надежду. Да нужно ли мне взваливать на себя столь тяжкое бремя? Нужно. Ясновидцы, пророки и прорицатели имелись во все лета человеческой истории, но они оставили след лишь в мифах и легендах. А Ванга — наш современник. И творит «чудеса» на наших глазах. Она проникает с ошеломляющей точностью в прошлое — далекое и близкое, в настоящее и будущее, затрагивает самые потаенные уголки наших душ, врачует наши душевные и телесные боли, достигает неизведанных миров и дает нам оттуда информацию о самых невероятных вещах, делает предсказания отдельным людям, целым городам, народам, государствам, всей планете, общается со всей природой. Для нее не существует определения «неживая природа» — все, что окружает нас, представляет

Публикуем фрагменты документальной повести «Ванга», посвященной жизни известной болгарской прорицательницы.

Автор — племянница Ванги Красимира Стоянова, филолог по образованию, имела возможность много лет наблюдать вблизи, в чем состоят способности Ванги к ясновидению, ее дар заглянуть в прошлое и будущее человека, повлиять советом на течение его жизни, поставить моментальный диагноз болезни, дать эффективные рекомендации для излечения.

У нее на сеансах побывали десятки людей с мировыми именами, в том числе и наши соотечественники. И все, как свидетельствует Красимира Стоянова, уходило от старой, незрячей женщины потрясенными...

Полностью повесть будет опубликована советско-болгарским журналом «Дружба» в 1990 году.

для нее единое целое, живущее и развивающееся пока еще по непонятным нам законам, и правилам.

Простят ли нам когда-нибудь потомки, если мы обойдем молчанием факт, что в конце XX века среди нас жил человек, который в продолжении многих лет доказывал нам свои феноменальные способности, а мы снова завещаем им одни мифы и легенды об этом необыкновенном явлении, лишь потому, что сейчас не понимаем его и не можем дать ему объяснения?

С разными трудностями я столкнулась при написании этой книги. Это

прежде всего слова. У Ванги есть столько страшных и невероятных предсказаний или состояний, что их невозможно передать словами, которыми мы располагаем. Нужны были бы другие термины и другие наименования. Поэтому я оставила в Вангиных объяснениях ее понятия, чтобы они звучали так, как она их произнесла.

На втором месте — сами случаи. Некоторые из них выглядят столь фантастическими, до такой степени не уместными в рамках здравого смысла, что я не осмелилась вставить их сюда. Предоставляю разгадывать их ученым и специалистам.

Третье — память. Это не делает нам чести, но мы сравнительно поздно стали вести записи о феноменальных способностях Ванги, и сейчас, когда решили собрать все виденное и слышанное нами, ее родственниками, оказалось, что мы не запомнили всего, сказанного ею, или можем припомнить только части ее предсказаний и слов, из-за чего текст лишается ряда интересных случаев, а они, наверное, помогли бы сделать образ Ванги яснее и полнокровнее.

Еще 20 лет назад доктор Георги Лозанов, тогдашний директор Института суггестологии, авторитет в области парапсихологии, понял необходимость описания необыкновенной деятельности Ванги и поэтому «открыл» и показал ее миру, поставил исследования о ней на научную основу. Вместе с группой научных работников, которые исследовали «ясновидицу», он провел анкетирование тысяч посетителей, тщательно описал 7 тысяч случаев, записал сотни Вангиных сеансов на магнитофон, сделал даже научный фильм. Он тогда заявил иностранным журналистам, что «узнавания» выходят у Ванги за границы случайных совпадений и с определенным допуском «узнаваемость» составляет 80%, что очень много.

Мне было 16 лет, когда однажды, у нас дома в Петриче, Ванга заговорила со мной. Только это был не ее голос, не была даже и она сама, а какой-то «другой» человек говорил ее устами. Слова, которые я услышала, не имели ничего общего с разговором, который мы вели перед этим, все равно, как если бы в него вмешалось какое-то другое лицо. Я услышала: «Вот, мы тебя видим...» После чего мне было в подробностях перечислено все, чем я занималась в этот день с утра. Я окаменела от страха. Мы были дома одни. Спустя немного Ванга вздохнула и сказала: «Ох, оставили меня силы» — и вернулась к прежней теме. Я спросила ее, почему это ни с того ни с сего она описывает мне, что я делала до обеда, а она сказала, что ничего не описывала. Я рассказала ей то, что слышала, и она сказала: «О, это «силы», маленькие «силы», которые всегда находятся около меня. Но есть и большие, их начальники. Когда они решают заговорить моими губами, мне становится плохо и я потом как прибитая весь день. Впрочем, можешь их увидеть сама, они хотят тебе показаться».

Я была так потрясена, что буквально закричала, что не хочу. Потом успокоилась немного, да и любопытство меня охватило, и спросила, что я увижу. «Увидишь светящиеся точки в воздухе, точь-в-точь такие, как светлячки».

Было около 12 часов дня. Все эти годы я пыталась дать собственное объяснение феномену. В разные периоды, выбирая время, когда Ванга была в хорошем расположении духа, я задавала ей вопросы, на которые она в большинстве случаев отвечала. К счастью, я сохранила свои записи. Собранные вместе, они составили своеобразную анкету, дающую наиболее общее представление о Вангиных способностях.

На мой вопрос, видит ли она конкретные лица — образ, внешний вид, картину, обстановку, — она ответила: да.

— В какой период времени: в прошлом, в настоящем, в будущем? — Она ответила обо всех трех периодах — да, мне все равно.

— Имеет ли человек собственный «код», по которому может быть узнана ниточка его жизни? — Она не ответила.

— Как возникает будущее данного человека на ее сеансах: обозначаются только важные события или его жизнь проходит перед ней, как на киноленте? — Видит его жизнь, как на киноленте.

— Читает ли она мысли? — Да.
— На каком расстоянии? — Мне все равно.

— Читает ли мысли иностранцев, и в каком виде предстает информация? — Да. Обычно слышит голос, и языкового барьера нет.

— Может ли информация, которую она слышит по радио, вызвать у нее зрительный образ? — Нет. Я редко слушаю радио.

— Зависит ли сила ее ясновидения от серьезности поставленной проблемы или от силы личности, с которой она говорит? — Да.

— Зависит ли от состояния здоровья или психического настроя личности в данный момент? — Нет.

— Как она определяет основную, жизненную проблему посетителя? — Появляется «образ», и слышит «голос».

— Есть ли у нее чувство, что ее дар ясновидения запрограммирован высшими силами? — Да.

— Какими? — Не ответила.
— В каком виде она воспринимает их? — Чаще всего как «голос».

— Видела ли их? — Да. Прозрачные фигуры, каким человек видит свой образ в воде.

— Светящиеся точки в воздухе — это их проявление? — Да.

— Они могут материализоваться? — Нет.

— По чьему желанию — их или Ванги — может она войти в контакт с ними? — Обычно по их, хотя и сама может вызвать «силы».

— Можно ли уточнить разные неясности о них через ее вопросы? — Нет. Это трудно. Они отвечают очень туманно.

— Связь односторонняя, то есть по их желанию? — Чаще всего да.

— Состоит ли человек из нескольких взаимосвязанных в симбиозе тел, в смысле эфирного, физического, умственного? — Да.

— Как она видит умершего человека? В виде образа, понятия или чего-то другого? — Видит «образ» и слышит «голос».

— При контакте с умершим человеком сам он проявляет интерес или только отвечает на вопросы? — И отвечает, и сам задает вопросы.

— Сохраняется ли личность после смерти? — Да.

— Как человек воспринимает смерть? — Только как физический конец.

— Что сильнее — родственная или духовная связь? — Духовная связь сильнее.

— Существуют ли объединения с более высоким уровнем разума? — Да.

— Если принимать людей как сообщество, находящуюся на определенной эволюционной ступени развития разума, существует ли параллельно иной, высший разум? — Да.

— Откуда он происходит — из Космоса, древних цивилизаций Земли или из ее будущего? — Из Космоса.

— Существовали ли на Земле большие цивилизации до нашей? — Да.

— Сколь? — Не ответила.

— Можно ли считать человеческую цивилизацию детским возрастом разума? — Да.

— Есть ли во Вселенной разум, нахо-

дящийся на той же ступени, что и наша цивилизация? — Не ответила.

— Состоится ли встреча с представителями другой цивилизации? — Да.

— Есть ли в земной атмосфере «летающие тарелки»? — Да.

— Откуда они? — С планеты, третьей от Земли, которая на их языке называется Вамфим, или так она слышалась. — Никаких других объяснений не дала.

— Осуществлен ли двусторонний (телепатический или какой-нибудь другой) контакт с ними? — Нет. Они сами осуществляют контакты.

— Не берусь делать какого-либо комментария.

Ванга — религиозный человек, верит, что есть бог. На вопрос журналиста К. К. (я сохранила магнитофонную запись разговора) в 1983 году, видела ли она Христа, она ответила так: «Да, но он не имеет фигуры. Это огромный огненный шар, на который не можешь смотреть из-за свечения. Только свет, ничего другого не видно. Если кто-нибудь тебе скажет, что видел бога, знай, что это неверно».

Самое удивительное качество Вангиного дара — легкость, с которой она перемещает свой взгляд во времени и пространстве — из далекого прошлого в далекое будущее.

Около села Препечене, что между городками Сандански и Петрич, находится местность Рупите, известная горячими минеральными источниками. Местность отгорожена небольшой горой Кожух, в подножии которой лежит пересохшее песчаное русло реки Струма. Там у Ванги есть домик, где она отдыхает в тиши на природе, там она принимает и посетителей.

Каждый год 15 октября, когда по церковному календарю наступает Петков день, она собирает сотни гостей и представляет угощение. Повод для такого праздника, по ее словам, следующий (высказывание я записала в 1985 году): «В этот день, 15 октября, тысячу лет назад произошло извержение вулкана. Огненная лава накрыла большой город и тысячи невинных людей. Они были высокие, крепкие, одевались в тонкие и блестящие, как фольга, одежды. Это были очень просвещенные люди. Через город текла золотоносная река, и каждого новорожденного окунали в ее воды. Городские ворота украшали большие позолоченные крылатые животные. Здесь, на этом месте, стояло три больших храма — «Святая Петка», «Святая Богородица» и «Святая Пантелеймон». Горящая бездна, поглотившая поселение, теперь посылает нам пары, чтобы мы лечились. Это вздох невинно погибших людей. Моя просьба ко всем вам и в будущем соблюдать этот день, чтить всех погибших во все времена».

О местности Рупите сестра Ванги Любка говорит:

— Рупите, которые она не покидает уже много лет, очень ее привлекают, хотя я не могу понять, чем. Но она-то знает! Лично на меня это место действует гнетуще и удручающе, действует так и на многих других людей. Но Ванга говорит, что там слышит «голоса», которые ей много всего рассказывают. А ее домик, как она считает, расположен точно в центре, связывающем святилища, которые находятся вокруг самой древности.

Но есть и еще одно поверье, связанное с этой местностью, которое приводит на меня весьма большое впечатление и заставляет строить самые разные догадки: старики рассказывают, будто в этих местах закопана золотая статуя всадника в естественный рост. Считалось, что это статуя святого Константина, которая была спрятана тут, когда на эту землю пришли турки. Но я думаю, что это могла быть и статуя фракийского бога Героса, потому что именно здесь найдены и мраморные

плиты с изображением этого бога. Так ли это, скажут наши специалисты-археологи, а я пытаюсь объяснить себе кое-что другое, касающееся моей тети, — самые первые ее видения связаны со всадником, с которым она разговаривала у колодца, потом опять появляется всадник, сообщивший ей, что началась война и что она станет «ясновидицей», будет предсказывать о «живых и мертвых», а вот уже 30 лет, как она обосновалась в местности, о которой ходит легенда, рассказывающая опять-таки о всаднике, спрятанном где-то в земле от поругания завоевателей.

Лично я считаю, что моя тетя не случайно выбрала это место для того, чтобы там отдыхать и проводить сеансы. Рядом есть и другие безлюдные места, даже более красивые и уютные, где она могла бы восстанавливать силы и принимать посетителей. Но она избрала именно его и говорит, что здесь черпает энергию и силы для своих предсказаний. И что горный хребет, который выстает над пересохшим руслом реки Струмы, «кроет большую тайну». Там, по ее мнению, содержится ключ к разгадке нашего древнего прошлого. Что за энергия и сила привлекали сюда людей в древние времена и сейчас питают пророческий дар Ванги, я не знаю. Но если ученые и археологи обратят свои исследования к этому региону, то, может быть, выявятся вещи, которые выйдут за рамки археологии.

Мы спросили Вангу: «Что тебя привязывает к этому месту?» А она отвечает: «Есть определенный срок, сколько мне жить тут. Место это очень особенное. Служит мне как аккумулятор, я черпаю от него энергию и силу. Когда-то тут горел страшный огонь, а горный хребет скрывает от нас большую тайну. Через это место проходит и «птичья трасса». Сюда слетаются огромные стаи птиц, когда они улетают или возвращаются с юга. А почему они собираются на этом месте, не знаю» (1988 г.).

«Я поставлена здесь! Те, кто идет ко мне, очень сильно расстроены, и мне надо напугать их — одни потом находят верное направление, другие вообще никогда не приблизятся к нему. Я — представитель! — подаю руку заблудшим и отчаявшимся и показываю, куда им идти!» (1988 г.)

Ее сестра Любка говорит:

— Вот уж сколько лет мы вместе, по существу, с рождения до сегодняшнего дня, но и по сей день поражаюсь и удивляюсь ее способностям и не могу дать им объяснения. Как только люди не называют Вангу — ясновидица, гадалка, ворожея, оракул и т. д. Для меня она прорицательница, потому что не только видит прошлое и будущее, но и все, что скажет и предскажет, исполняется с абсолютной точностью.

Ванга встречается с многими учеными людьми. И встречи всегда кончаются тем, что они покидают ее дом в недоумении или бесконечно удивленные сказанным и услышанным. «Как понимать это чудо? — спрашивал после встречи крупный советский ученый В. — Как Ванга связалась с моей матерью, умершей более десяти лет назад? Возможно ли, чтобы мертвый мозг давал информацию?»

З. М., женщине-врачу из СССР, которая пожелала встретиться с моей сестрой, Ванга, создав «связь», рассказала о целителях древнейших времен и методах их лечения. Уходя, женщина в полном изумлении спросила меня: «Но как же возможно такое? Откуда она знает имена этих столь давно умерших лекарей?»

Известному болгарскому историку Н. Г. она говорила о жизни на наших землях в XII веке с такими подробностями, как будто читала по книге. Ученый потом поделился, что она рассказывала о вещах, которые не были ему известны, хотя он считается одним из лучших знатоков той эпохи.

Ванга говорит, что над нами есть огромный глаз, который наблюдает за всеми нашими деяниями. «Никто ничего не может скрыть! — говорит она. — Не думайте, что вы свободны делать то, что вам придет в голову, это невозможно, никто не свободен».

Она получает различные подарки, но они не производят на нее особенного впечатления, ничто земное не интересно ей. Своими закрытыми глазами она наблюдает что-то неизвестное нам.

...Вспоминаю такой случай. Однажды к Ванге пришли молодая женщина в сопровождении матери и молодого монаха Ванга сразу обратилась к монаху: «Ты зачем пришел сюда?». «Моя мать больна», — ответил монах. «Но ведь ты монах», — продолжала Ванга, — твой дом — монастырь, а церковь, которой ты себя посвятил, — твоя мать. Я знаю, что монахи должны жить только для бога, потому что вместе со своей клятвой они умерли для мира». Монах смутился, а немного погодя сказал: «Я привел родственницу, которая тоже хочет уйти в монастырь и стать монахиней».

«Как так», — сказала Ванга, — ведь она не девушка, ведь она семейная?». «Да», — подтвердил молодой человек, — у нее двое детей, но с супругом не ладят и она считает свою жизнь бессмысленной». «И что же», — продолжила Ванга, — ты, одетый в рясу, взялся помогать ей? Нет! Она не имеет права ни оставить детей, ни коснуться церковных врат. От кого она собирается спрятаться? Бросит дом, но детские слезы сожгут ее живо. Уходи!.. И ты, парень, тоже туда не годишься!»

Когда в 1979 году к ней пришли актер Вячеслав Тихонов и писатель Юлиан Семенов, Ванга сказала своей сестре: «Пусть подождут немного во дворе, я должна получить сигнал, когда их принять». Тихонов только ступил на порог, как она сразу крикнула ему: «Ты почему не исполнил желание своего лучшего друга? Это Юрий Гагарин. Когда он собирался в свой последний испытательный полет, пришел к вам попрощаться и сказал: «У меня нет времени, поэтому очень прошу тебя купить часы-будильник, как будто их купил тебе я, и держать на письменном столе. Будет тебе память обо мне». Актер был так изумлен, что ему стало плохо. Он сказал, что все было именно так, но что в сумятице из-за смерти Гагарина он забыл и не купил часы. Ванга: «Но вы должны знать все: Юрий Гагарин не умер. Он был взят!» Кем, почему, куда, не говорит.

Сопровождавшему актера писателю Юлиану Семенову: «Тебе надо писать и продолжить серию фильма (речь шла о нашумевшем сериале «Семнадцать мгновений весны»). Только пока «ты еще бос» по теме. Тебе следует поехать в Испанию и разыскать там какого-то Владимира. Он многое тебе расскажет и ориентирует тебя на интересные для описания моменты».

Одному писателю, только начавшему писать книгу, она сказала: «Твой замысел со смертью женщины в конце книги неправдоподобен. Так не бывает в жизни. Оставь героиню жить, чтобы книга вышла настоящей».

Ванга заявляет: «Я присутствую в самых горячих точках планеты и вижу и кровопролития, и природные катаклизмы, и бедствия. Вечером вы спите, а я перелистываю страницы человеческого бытия, переживаю трагедии всех людей».

Любка:
— Много лет назад с группой женщин, в которой была моя свекровь, Ванга ездила в Рильский монастырь. Очень хорошо помню, что это было 1 сентября 1950 года. Когда церковная служба кончилась, а был праздник святого Ивана, Ванга забеспокоилась и стала звать женщин и богомольцев, которые были рядом, немедленно уехать отсюда, потому что немного погодя произой-

дет что-то страшное. Женщины ее не поняли. Они подумали, что будет страшно, когда пойдут из церкви, поскольку было много народа, и уговаривали Вангу остаться на немного, так как в 17 часов в Сандански отправлялся автобус. До этого времени можно было еще побыть здесь и посмотреть. Ванга продолжала настаивать, но женщины ее не послушали, и она уехала со знакомыми на машине. Совершенно неожиданно к 14 часам появилась огромная туча и начал лить такой страшный дождь, что через короткое время Рильская река поднялась и залила все дороги. Никто не мог выйти со двора монастыря. Ближайшее село затопило, были снесены дома. Багаж посетителей тоже был унесен мощными потоками воды. Моя свекровь с группой женщин еле успели перейти на какието бревна, принесенные пожарными, чтобы переместить людей, которых угрожало снести. Свекровь вернулась домой в одном платье, промокшая до костей, очень сильно перепуганная, и заболела.

Дочь Любки Анна, врач:

— Как врач, я должна бы быть настроена скептически к этому явлению, но пока в отношении установления диагноза или лечения данного заболевания Ванга, как говорится, ставит меня «на колени». Зная, что она не разбирается в медицине, я не понимаю, как она достигает этого.

Любка собрала целую коллекцию случаев, когда Ванга вылечила какое-нибудь заболевание, а также ее советы. Вот несколько из них:

— Ходите летом босиком, советует Ванга. Не обрывайте связи с землей. Выпускайте детей гулять голыми и босыми летом, пусть пачкаются, играют везде, чтобы потом, зимой, могли защититься от всех болезней. Пища их должна быть по большей части жидкой. Не наказывайте детей сухомыткой.

— Помимо купания, каждый вечер обязательно нужно мыть ноги.

— Часто Ванга устраивала мне «уроки» ботаники. Я веду ее по полянам и слушаю. А она, как терпеливый учитель, мне объясняет. Не знаю, как и что она может «видеть», но даже пальцем указывает, куда мне посмотреть: «Вот эту травку, что перед тобой, знаешь?» «Знаю», — говорю. «Семена травы — отличная добавка в еду для анемичных детей, а вот это большое растение с тремя листьями нельзя держать в доме — будут сниться кошмары, особенно, когда оно цветет. Этот цветок с колокольчиками занесен сюда из страны, где много смуты. Теперь чувствую запах сельдерея. И он лечит от ревматизма. Салату из него место на столе в каждом доме. А мята помогает от расстройства желудка. Трава, которая растет вдоль канала, — чудесное лекарство для детей, которые мочатся в постель. А та, на которую мы сейчас ступили, — средство против трудно зарастающих ран... Растения говорят мне о себе, но их много, и я успеваю запомнить лишь кое-что...»

— Вылечила от упорной сыпи молодого врача, сказав ему, чтобы двадцать дней пил отвар семян вики.

— Для больного ребенка с воспаленными миндалинами и увеличенными аденоидами посоветовала раскатать тонким слоем тесто, посыпав его сильно измельченными сухими стеблями чемерицы. Сделать из теста компресс на шею и горло, как воротник. Класть тесто самое большее один-два раза по полчаса. Воспаление прошло полностью.

Ванга: «От желтухи есть очень простое лекарство, которое вылечивает за три дня полностью. Как только заметите болезнь, в течение трех дней пейте каждое утро сок одного лимона, в котором разведена ложечка чайной соды. Пить натощак».

Женщина с отеком ног предложила такое лечение: в ведре холодной воды растворить пакет каменной соли. Взять небольшое полотенце, смачивать в этой воде и прикладывать к пояснице. Когда полотенце нагревается, смачивать снова. После такого компресса женщина

потеряла много воды и больше не получила отеков.

Любка. Маленькими мы болели малярией. Ванга лечила нас следующим способом: ставила на солнце в эмалированной посуде 200 граммов чистого винного уксуса и опускала туда свежее куриное яйцо. К утру следующего дня яичная скорлупа растворялась. Тогда она хорошенько взбивала смесь и давала пить натощак.

Тому, кто отравится рыбой, Ванга советует сразу принять столовую ложку мастики¹, разведенную в чашке воды. Раз я сама так отравилась, ела фаршированного карпа и почувствовала себя плохо. Всю ночь меня рвало, а на следующее утро я упала в обморок. Ванга раскричалась, чтобы я тотчас выпила мастики, иначе умру. Через пять минут мне стало легче, и постепенно я стала приходить в себя.

Давайте вместе узнаем у Ванги, как человеку сохранить этот бесценный дар — здоровье?

«Как сохранить», — отвечает она нам, — это очень просто. У меня нет никаких специальных рекомендаций, каждый из вас сам знает, чего он не должен делать. Прежде всего нельзя передавать, наши продукты испорчены большим количеством удобрений, кроме того, лишняя пища обременяет все органы человеческого организма. Ведь если бы мы были должны есть так много, природа дала бы нам два желудка, а не один!.. Часто говорю хозяйственным руководителям: «Сейте больше ржи, чтобы выжить и сохранить здоровье, люди должны есть ржаной хлеб. На сегодняшний день рожь имеет большое значение».

Ешьте больше молочного. Чаше пейте лесной чай. Сокращайте количество жиров в пище. Здоровые люди могут постепенно уменьшить потребление мяса, а затем и вовсе отказаться от него. Хотя бы раз в неделю ешьте вареную пшеницу и пейте воду, чтобы были силы. Не курите.

Можете употреблять перед едой по 20—30 граммов ракии² для дезинфекции. Больше двигайтесь и работайте. Ложитесь рано — в 22 часа и просыпайтесь рано — в 5—6 часов. Это самое лучшее время, чтобы отдохнуть и не быть нервными, не испытывать напряжения.

Превратите чистоту в культ. Не купайтесь в очень горячей воде, используйте домашнее мыло.

Не увлекайтесь удобрениями и химикатами — природа уже задыхается. Наступит день, и с лица земли исчезнут многие растения и животные — сначала лук, чеснок и перец; потом пчелы, станут вредным молоком».

Ванга полагает, что прежде всего нужно сохранить наше духовное здоровье. Вот что она говорит по этому поводу: «Каждое живое существо, вся Земля и сама Вселенная подчиняются строго определенному космическому ритму, порядку. Даже самое незначительное нарушение этого порядка приводит к фатальным ошибкам, за которые мы все впоследствии тяжело расплачиваемся».

— Хорошо, а как же следовать этому порядку?

— Не надо нарушать гармонию!

— А как жить созвучно гармонии?

— Стремясь быть лучше!.. Взять, к примеру, дерево. Приходит весна, и оно покрывается цветами, но лишь немногие из них дают завязи плодов, остальные были пустоцветами. Хороший хозяин не берет это дерево в расчет, говорит: «Это дерево дикое и ненужное, оно не приносит пользы, его надо срубить!»

А мы, люди, не имеем права быть ненужными, не приносим пользы, потому что каждый человек, кем бы он ни был, пришел на землю с определенной миссией: сохранять жизнь во всех ее проявлениях, чтобы она могла развиваться во имя высших целей.»

Перевела с болгарского
Нинель Вредова.

¹ Анисовая водка.

² Плодовая водка.

ЖИЗНЬ ПО ТАЛОНАМ

Окончание. Начало на 2-й стр.

— Кто-то из экономистов назвал наш рубль лотерейным билетом, — сказал мне Вячеслав Константинович Нефедов, заведующий отделом ВНИИКСа. — Мало его заработать — надо, чтобы повезло купить товар. А теперь рубль — дважды лотерейный билет. Нужно вдобавок работать на предприятии, которое торговля любит.

— Когда распродажа — считай, три дня из жизни выпали, — сетовала председатель профкома ткацкой фабрики. — Все замыкается на меня: дележка талонов, машины, грузчики... А уж в день распродажи никто и не работает...

Кое-где в профкомах говорят: «Давайте поощрять талонами лучших». Очень умно. «Хорошо поработал сталевар Петров, вот тебе женские сапоги 35-го размера». Слава богу, люди вносят поправки в эти рекомендации. Где жребий тянут, а чаще... Спрашивал у своих тридцатилетних друзей, кому в их учреждениях достается дефицит.

— Нашей конторе одну открытку на «видик» дали. Вручили ее даме, которая дольше всех, 35 лет, у нас работает...

— А мне вот «видик» достался. Как? Э-э парень, я член парткома...

— У нас на отдел детский мебельный гарнитур выделили. Отдали начальнику, ему — 55, а тот своему сыну — для внука — продал...

Да, молодым выиграть в эту лотерею тяжело... Пока много сил, нужно трудиться за троих, зарабатывать деньги... Но зачем? Все равно ничего не купишь... Семьи, начинающие свою жизнь в униженной зависимости от родителей: не только в денежной, но и талонной. Стыдно просить: «Папа, купи мне гарнитуры...»

И почему профкомы должны заниматься распродажами? Председатель ВЦСПС Степан Алексеевич Шалаев считает, что это одна из тех несвойственных функций, которые в разные годы во множестве «наवेशивались» на профсоюз. «...В этом, кстати, один из корней формализма, за который нас справедливо упрекают. Если уж требуется какое-то распределение, пусть коллектив изберет специальную комиссию из доверенных лиц. Профком же должен заниматься своим делом, а никак не раздачей талонов». Значит, теперь будут создаваться специальные комиссии? «Дефкомы» — так их, видимо, назовут: комиссии по дефициту...

Как относятся к распродажам в высших торговых и профсоюзных инстанциях?

— Выездная торговля — что она, от хорошей жизни? — сказала мне Вера Васильевна Смирнова, заместитель начальника управления Минторга СССР. — Торговля торговать должна, а не распределять. Но что делать, если нет товаров? Вы посмотрите сводку: первое полугодие нынешнего года по сравнению с первым полугодием 1988-го — выпустили меньше автомобилей, батареек, чулочно-носочных изделий, мотоциклов, велосипедов... Нет товаров — вот корень! Вот о чем вам надо писать, а не о способах дележки!

А Николай Гаврилович Докучаев, заведующий сектором организации общественного питания и торгового обслуживания ВЦСПС, считает:

— Много у распродаж недостатков. Но они все-таки защищают интересы трудящихся — как иначе разделить крохи?..

Несколько народных депутатов СССР обратились к министру торговли СССР Кондрату Зигмундовичу Тереху

с запросами по поводу распродаж. Он ответил: «... Выездная торговля имеет и отрицательные моменты. Она деформирует покупательский спрос, вынуждает население покупать вещи впрок. Она сопряжена с риском в сохранности товарно-материальных ценностей и денежных средств, нерациональными транспортными расходами. Кроме того, при выездной торговле нарушается производственная деятельность предприятий и организаций». О том же, вы заметили, говорят в очередях, только другими словами... Но в конце министр пишет: «По мнению министерства, выездная торговля является временной вынужденной мерой, направленной на соблюдение принципа социальной справедливости в условиях дефицита товаров...»

Какое-то у нас переключенное понимание социальной справедливости... Если живешь в крупном городе, работаешь на крупном предприятии, имеешь большой стаж — будет тебе социальная справедливость. А коли ты всего год трудишься в сберкассе в маленьком городке? Извини-подвинься...

Непонятно и другое. Много раз говорили видные экономисты, что поднять наше народное хозяйство можно, лишь установив рыночные отношения между предприятиями. От распределения станков и сырья мы постепенно переходим к торговле ими. А там, где всю жизнь был рынок, появились талоны... Скоро зарплату будем получать сахаром и бутинками?

Решено, что каждый работающий москвич может купить ежегодно дефицита на 250 рублей, а студент и пенсионер — на 100. Хорошо. Вот моя семья: четверо работающих, сестра-студентка и бабушка-пенсионерка. Значит, нам должно достаться в этом году дефицита на 1200 рублей. А какого именно? Один видеомаягнитофон? Или 120 флаконов дезодоранта? Или десять пар сапог?.. Как повезет? А если не повезет? Жалобы принимаются?

Пока успехи семьи: два дезодоранта (про запас), пудра и тушь. До 1200 рублей явно не дотягиваем. А если нам дали меньше, кто-то, стало быть, получил больше. Не против, коли рабочий АЗЛК или ЗИЛА (хотя все равно обидно). А если спекулянт?

Немного не по теме.

В дни, когда я работал над этой статьей, мне попало письмо, датированное 1936 годом. Моей бабушке пишет ее брат: «У тебя неприятности? Постарайся посмотреть на них так, будто прошло 20 лет, и они представляются тебе такими мелкими...» Может, действительно сегодняшние проблемы — те же распродажи — покажутся лет через двадцать мелочью? Министр торговли СССР в интервью ведомственной газете обнадёживает нас, что уже будущий год станет переломным в снабжении промышленными товарами... Возможно, в 2009 году слово «распродажа», равно как и «дефицит», «талон», «очередь», войдет в словарь русского языка с пометкой «устаревшее»...

...Только вот в 1938 году автора того письма не стало...

P. S. Недавно в редакции «Смены» тоже была распродажа. Купил обувь себе, жене — всего на 125 рэ. Ведь я не работник исполкома, Госпланадзора, универмага... Там отоваривались на тысячу с лишком... Каждый... Но подумалось: а был бы я, к примеру, с «Трехгорки» — пару сандалет отхватил бы, и все. Так что, знаете, обрадовался — что ни говори, повезло! Что же, выходит, осуждаю жизнь по талонам, негодную и... радуюсь? А куда денешься...

НОЧНОЙ

ПАВЪЯНО

за нею луг, вдали вертолет. Девочка с матерью. Средний план. Они же в другой позе — мать присела на корточки, дочь прижалась к ней, обняла за шею, за ними вертолет, какие-то люди. Снято уже крупным планом, телеобъективом, широкоугольником. А вот с той же точки крупно снят сам Зданевич. Лежит на животе, подняв голову, уставился в объектив, а девочка уселась ему на спину и смеется. На втором плане вертолет...

Все кадры дублировались по два-три раза. Щерба

Григорий ГЛАЗОВ

Обыск в квартире Зданевича не дал ничего. Щерба изъясил знакомый уже футлярчик от кассеты, часть пленки и еще кучу фотокассет с проявленной фотопленкой, хранившихся в чуланчике, переоборудованном в маленькую фотолабораторию.

Когда уходили, жена Зданевича, худенькая молодая женщина, молча плакала и все укоризненно поглядывала на мужа, а Зданевич отрешенно сидел на диване, не обращая внимания на смущенных понятых.

— Это все неправда, товарищ следователь, — повторила она. — Олег был у нас в Кременце с пятницы на воскресенье. Не мог он... Никак...

— А что вы там делали? — спросил Щерба, укладывая в картонную коробку фотокассеты и пересчитывая их.

— Я была в профилактории. С дочерью. Мне дали путевку туда на три дня. Я донор...

Вошел Зданевич и молча стоял в дверном проеме.

— Он даже фотографировал нас! — с надеждой вспомнила жена. — Возле леса, там луг есть!.. Вот смотрите! — Она лихорадочно принялась перебирать фотокассеты.

— Перестань, Катя! — сказал Зданевич. — Фотографировать вас я мог и три недели, и три месяца назад. Там даты нет! Перестань! Это не доказательство. Ты им ничего не докажешь. Они не хотят. Пусть сами и ищут.

Она обреченно опустила руки... С этим Щерба и отбыл...

33

В субботу, в час дня, как и было оговорено, Сергей Ильич отправился с визитом к Григорию Мироновичу Ковалю, бывшему порученцем у Тимофея Кухаря во время войны.

— Тут все мои Ковали: я с женой, дочка с мужем и сын с невесткой, ну и внуки, понятно... Может, в садике расположимся?

— Как вам удобней, — согласился Сергей Ильич. Сад был ухоженный, аккуратные, уже опустевшие

ягодки, на яблонях еще висели осенние сорта яблок, к могучей старой орешине была приставлена стремянка и прислонена длинная палка с хитро закрученным провололочным крючком.

— Вот здесь хорошо будет, — сказал Коваль, усаживаясь на деревянную скамью, вкопанную в землю.

— Может, вы знали или слышали о судьбе Александра Бучинского? — спросил Сергей Ильич.

— Знать не знал. Таких людей по нашим правилам не очень показывали. А слышать слышал, от командира. И не раз. Ходил Бучинский в Уделичи, там был наш «маячок», вроде как передаточный почтовый ящик. Двое их там жило: Остап Ляховецкий и Вася Кунчич. Однажды не явился к ним Бучинский. А ждали. Знали, что должен в такой-то день прийти. Не пришел. Уж потом, через сколько там месяцев, узнал командир, что на засаду полицейес он напоролся. То ли убили они его, то ли увели. Так и сгинул... А этот, ваш, который в Америке помер, и в самом деле брат ему родной?

— Родной.

— И много денег оставил?

— Прилично... Григорий Миронович, а люди эти, Ляховецкий и Кунчич, так и живут в Уделичах? Может, от них я хоть что-то узнаю? Как найти их?

— Не найдете, — нахмурился старик. — Расстрелял их один гад осенью сорок первого. Самосуд сотворил... Вот так оно, ваше дело, поворачивается...

Потом они пили душистый травяной чай с вишневым вареньем. В общем, все было вкусно — еда, пахучий чай, варенье. Но уходил Сергей Ильич с ощущением кусуса во рту — опять тупик...

34

Уже второй час Щерба вытаскивал из картонной коробки кассеты с фотопленкой, изъятые при обыске у Зданевича, и просматривал каждый кадр.

Наконец попалась кассета, очевидно, та, которую, роясь в коробке, искала жена Зданевича, когда говорила: «Он даже фотографировал нас... Возле леса, там луг есть...» Опушка леса. Жена Зданевича с дочкой. Сидят под кустом. Вот они же стоят рядышком. Потом поляна, женщина и девочка собирают то ли ягоды, то ли грибы. Другой участок леса, тоже опушка,

хотел протянуть пленку дальше, но что-то вдруг задержало его. Он прикрыл глаза. Какая-то мысль, внезапно родившись, тут же четко оформилась. Держа двумя пальцами кассету со свернувшейся в рулончик пленкой, Щерба вышел и направился по пустынному коридору в кабинет криминалистики. Там была открыта только дверь в фотолабораторию. Техник-криминалист Гена копался в вытасченном из оконной рамы кондиционере.

— Здравствуй, Гена.

— Здравствуйте, Михаил Михайлович.

— Где твоё начальство?

— Шеф в УВД уехал, а...

— Ладно, они мне не нужны... Гена, с меня вобла и три бутылки чешского пива.

— Где вы возьмете воблу?

— Спроси, где у чешского пива достану... Выручи, заложив в увеличитель эту пленочку. — Щерба положил на стол кассету. — Тут есть кадры с вертолетом. «Вытяни» их так, чтоб можно было прочитать бортовой номер. И спечатай мне три-четыре снимка, чтоб контрастно, в фокусе.

— Если удастся... — Гена включил в розетку шнур увеличителя, заложил пленку и стал протягивать, регулируя размер изображения и фокусируя его. — Получится, Михаил Михайлович.

— Когда зайти?

— Через час-полтора, пока просохнут.

Через полтора часа на столе Щербы лежали большие фотографии: жена Зданевича, дочь их, сам Зданевич, луг, а за ними кусок вертолетного борта с надписью: «СССР 34211».

Щерба порылся в длинном истрепанном блокноте, где алфавитные буквы были замусолены, почти стерлись, но он уже привык к этому блокноту и сразу же нашел нужный номер.

— Приемная командира отряда, — ответил женский голос.

— Беспокоит Щерба, из прокуратуры области. Здравствуйте. Это Мария Николаевна?.. Здравствуйте еще раз. Командир у себя?.. Пожалуйста, соедините... Алло! Евгений Васильевич?.. Привет! Есть просьба... Щерба придвинул к себе загодя составленный вопросник. — Нужна справка... Хорошо... Можно диктовать?.. Пишите: кто арендует у вас вертолет для полетов в район Кременца, с какого времени, каково расписание его полетов, время вылета и время прилета, дни и часы прилета туда борта номер 34211... Пока все... Добро, жду звонка...

Ждал он минут сорок, разглядывая фотографии. Наконец зазвонил телефон.

— Слушаю! Да, я! — громко сказал Щерба.

— По пунктам, Михаил Михайлович, — начал командир авиаотряда. — Арендует «Укрзападгеология». С первого августа. Борт номер 34211. Летал туда первый раз 15 августа. По данным службы движения и магнитофонным записям, вылет в 19 часов 15 минут,

— посадка в 20 часов. Обратный вылет в 5 часов 45 минут утра следующего дня, посадка на базе в 6 часов 30 минут... Этих данных достаточно?

— Да, вполне! Но мне их нужно иметь на официальной бумаге с вашей подписью.

— Сейчас распорядюсь, чтоб перепечатали, и после перерыва пришло со своим шофером.

— Спасибо, Евгений Васильевич.— Щерба опустил трубку, опять разложил фотографии. И только теперь по мелким деталям — закатный свет солнца, длинные (с запада на восток) тени от двух деревьев, темные кусты в левом углу снимка — уловил, что был уже вечер, снимать Зданевичу пришлось, наверное, на какую-нибудь высококачественную пленку. Но самым важным было то, что в роковую субботу, 15 августа, Олег Зданевич находился на лугу за Кременцом, почти за двести километров от Подгорска. Вот он, сфотографированный женой на фоне вертолета с бортовым номером 34211, прилетевшим на этот луг в восемь часов вечера!..

Еще одно алиби в еще одном из сотен дел, прошедших через его руки... И алиби это, словно ветерок, раздувало подспудно тлевшее под фактами сомнение: человек, столько лет пытавшийся восстановить доброе имя покойного отца, пробует достичь цели страшным средством — убийством ни в чем не повинного старика?..

— Подписку о невыезде придется аннулировать.— подумал Щерба.— И извиниться при этом.

Он снял трубку, позвонил в облархив, попросил Зданевича.

— Олег Иванович? Это Щерба... Да-да, из прокуратуры... Я хотел бы, чтоб вы зашли... Не валяйте дурака, никакую повестку я вам посылать не буду!.. Сейчас и приходите... По дороге повидайте жену, скажите, что все в порядке... Поторопитесь, я покажу вам лучшую вашу фотографию... Обыкновенную, которую сделала ваша жена...

Щерба ушел с работы после шести.

Дома он позвонил Теодозии Петровне и торопливо сказал:

— Теодозия Петровна? Здравствуйте, это Щерба из прокуратуры. Я завтра утром прошу вас никуда не уходить...

Комната Богдана Григорьевича все еще стояла опечатанной.

— За это время какая-нибудь почта приходила на имя Богдана Григорьевича? Может быть, письма?

— Никто ему не писал, вот только.— Теодозия Петровна вынесла из кухни огромную пачку газет и протянула копию извещения на оплату междугородных телефонных переговоров.— Человека уже нет, а деньги с него берут. Я оплатила...

Посмотрев на счет, Щерба сунул извещение в карман.

— Я вам возвращаю... Газеты мне не нужны... Спасибо. До свидания...

Счет был на пять рублей пятнадцать копеек. В нем расшифровывалось: «4 августа, Киев — 1 рубль 25 копеек; 7 августа, Черновцы — 1 рубль 40 копеек; 8 августа, Тернополь — 1 рубль; прочие переговоры — 1 рубль 50...»

Глядя на извещение, Щерба задумался. Он знал, что будет делать дальше, просто соображал, как побыстрее получить результат. Взяв лист бумаги, написал запрос: «Начальнику ГТС. Прошу срочно установить номера телефонов, с которыми разговаривал абонент Шиманович Б. Г. с квартирного телефона 42-28-71 в следующие дни: Киев, 4 августа; Черновцы, 7 августа; Тернополь, 8 августа. Необходимо также расшифровать «прочие разговоры», указав, с какими городами они велись, по каким номерам и даты этих разговоров...»

Выпросив на десять минут спецфургончик, Щерба вручил шоферу конверт с письмом и напутствовал:

— В Красноармейскую: Следователю Скорому в руки. Туда и обратно бегом. Иначе твой шеф не тебя, а меня... Понял?..

К удивлению Щербы, Скорик управился довольно быстро. Он выложил на стол бумажку с номерами телефонов в Киеве, Черновцах и в Тернополе, с абонентами которых разговаривал Шиманович. Кроме того, имелась расшифровка «и прочие». Это оказались две телеграммы, отправленные Шимановичем по телефону, и один телефонный разговор с Ужвой.

— Будем устанавливать, кто есть кто? — спросил Скорик.

— Да, кто есть кто.— повторил Щерба и перечитал принесенные Скориком данные.— В Киев и Тернополь я сам позвоню, а вы возьмите на себя Черновцы, телеграммы и Ужву...

В полдень явился Скорик. Он был свеж, как младенец после купания, тщательно выбрит и, как всегда, наглажен.

— Садитесь. Ну что? — Щерба вскинул глаза.

— Я все сделал, Михаил Михайлович. Сперва Черновцы. Шиманович звонил своему однокашнику по гим-

назии. Теперь телеграммы. Обе отправлены по подгорским адресам. Одна — поздравительная — знакомому нам директору букинистического магазина Зубареву. Вторая — тоже известному нам человеку, директору облархива Ковач Надежде Францевне, и тоже поздравительная... А мы даже не знали, что они знакомы...

— Вам надо будет встретиться с нею. Поговорить.

— Хорошо... Наконец, Ужва. Шиманович разговаривал десятого августа. Телефон принадлежит некоей Бабич Ульяне Васильевне. Пенсионерка. Связаться с нею не удалось. Я звонил несколько раз, никто не снимал трубку. Может, позвоним в Ужвинскую прокуратуру, пусть они встретятся с нею?

— Я, наверное, сам съезжу туда. Так проще... Немного мы добыли из нашей затеи, а Виктор Борисович? — Быстрым движением пальцев Щерба поскреб пухлую щеку.

— Так я пойду в облархив?

— Сходите,— как-то равнодушно ответил Щерба.

В Ужву Щерба решил ехать к концу дня, полагая, что так большая вероятность застать кого-нибудь дома. Он толком не знал, кто конкретно ему нужен. Единственное, что он знал точно,— это кому принадлежал телефон 3-15-21: Бабич Ульяне Васильевне, проживавшей по улице Черешневая, 5. Номер квартиры не указывался, вероятно, дом частный.

Дом номер пять оказался строением из белого силикатного кирпича. Стоял он сразу за штакетником, за высокими кустами сирени, остатки ее несрезанных, уже усохших цветов пробивались сквозь зеленые ржавыми гроздьями. Недокрашенные сосновые брусья и вагонка еще светились свежестью снятой стружки. Калитка оказалась запертой. Щерба топтался, заглядывая в окна.

— Вам кого, товарищ?

Щерба повернулся на голос. За невысоким заборчиком, разделявшим участок дома номер пять от соседнего, стоял очень худой старый мужчина в белой, с короткими рукавами майке, поверх нее были натянуты узенькие подтяжки, поддерживавшие как бы пустые брюки, за пояс которых, казалось, можно втиснуть еще такого же человека. В руках он держал тяжелые садовые ножницы.

— Я к Ульяне Васильевне Бабич.

— А ее нет,— сказал мужчина, подойдя к самому заборчику.— В больнице она.

— Что с ней?

— Этот самый... инсульт. А вы откуда будете?

— Из прокуратуры,— ответил Щерба.— Давно она в больнице?

— Давненько. Я сам «Скорую» вызывал... Телефонов у нас два на всю улицу. У Ульяны Васильевны и у ветерана. А мне надо было в гарантийку звонить, телевизор увезли и с концнами. Гарантийка называется!.. Вхожу к ней, зову. Молчит. Иду дальше. И вижу — лежит у кровати. Спрашиваю, что да как. Мне ведь одному ее не поднять, весу в ней под девяносто. А она в ответ только мычит.

Он был разговорчивый. Но это сейчас не мешало Щербе, не раздражало, наоборот, он вслушивался в пустые, казалось бы, подробности.

— К ней один юрист уже приезжал.

— Вот как? — удивился Щерба.— Давно?

— Недели две назад.

— Откуда вы знаете, что он юрист?

— Назвался... Он из этой... как ее... коллегии, что наследников ищет.

— Инюрколлегия?

— Да-да!.. Сергеем Ильичом зовут.

— Хорошая у вас память! — весело похвалил Щерба.— А родственники у Бабич есть?

— Какие родственники! По всем статьям одинокая... Есть, правда, племянник. Так он в области живет. Раздвигай в месяц приедет навестить.

— Как зовут его?

— Для меня Славка, я его еще пацаном знал.

— Учится, работает?

— Бумажками заведует,— засмеялся сосед.— В архиве каком-то.

— Значит, Станислав или Вячеслав... А по отчеству как?

— Что мне его отчество! Ну, а вам уж если нужно, то Ярослав Федорович.

— Бабич?

— Нет, он Романец.

— Когда он был здесь?

— Пятнадцатого, в субботу.

— Хорошая у вас память! — опять похвалил Щерба, но уже не без расчета.

— А что тут запоминать?! Слива у меня в этом году уродилась богато. Наметил я в воскресенье свезти несколько ведер на рынок в область. Вот накануне, в субботу, и снимал ее, красавицу. А суббота была пятнадцатым числом. Копочился я в саду, слышу, калитка хлопнула, глянул — Славка приехал. Поздоровались, поговорили.

— Простите, я даже не спросил, как вас величать? — располагающе улыбнулся Щерба.

— Зовут меня Марьян Зенонович Верещак.— Он выжидательно посмотрел в глаза Щербе, надеясь расказать что-то еще.

Щерба знал такую категорию людей. Он не осуждал их за разговорчивость, это была не праздная болтливость, а простая тяга к незнакомому человеку, желанию как-то самовыразиться, что-то доказать, отсутствие других, внимательных собеседников, в какой-то мере психология провинциала, уловившего, что человек, прибывший «из области», заинтересован в нем.

Щерба услышал какое-то звяканье, оглянулся. На соседнем подворье, примыкавшем слева к участку Бабич, у штакетника стоял невысокий мужичок в соломенной шляпе на крупной голове, в темно-синих старых галифе, босой и голый по пояс. Полукруглым обломком точильного бруска он правил косу-горбушу с искривленным косяком. Таких кос Щерба никогда не видел, явно нездешняя, привозная, тут больше обычные, литовки. Временами мужичок зыркал на них, явно прислушиваясь к разговору.

— Недруг Ульяны,— шепотом произнес Верещак, кивнув на человека с косой.— Судились они. Даже адвоката из области нанимала...

— Давно это было?

— Давно, годов шесть-семь назад.

— Не запомнили его?

— Личность уже позабыл. Помню, что сухонький, маленький.

— А возраст?

— Немолодой, совсем даже немолодой. И пиво любил. Ульяна меня все за пивом для него посылала.

— А между десятым и пятнадцатым августа этого года он не звонил Ульяне Васильевне? Может быть, приезжал?

— Не знаю, может, и звонил... А приезжать вроде и некому. Гостей у нее не бывает, хворая, не до гостей... Правда, в ту субботу, пятнадцатого, кто-то заявился. Как Славка приехал, я в центр подался, мне рулон рубероида нужен был. Когда вернулся, слышу голоса, окна-то Ульяниной комнаты на веранду выходят, а веранда-то — вот, почти в моем саду.

— Что же это за голоса?

— Ульянин и Славкин я сразу узнал. А еще какой-то мужской незнакомый. Я даже удивился: кто бы это?

— Вы не видели, когда этот гость ушел?

— Нет. После обеда я спал, а потом опять подался в центр, к сестре надо было и в телеателье, гарантийщики с ремонтом янут.

— А вы не спросили у Ульяны Васильевны, что за гость был?

— Не мое это право — выпрашивать. Захотела бы — сама сказала. Однако не сказала. Думал я у Славки спросить, да уже не застал его. Когда вышел из телеателье, смотрю — Славка проскочил на машине.

— Он один сидел?

— Нет, кто-то еще рядом, а кто — не разглядел я.

— В котором часу это было?

— Около семи. Телеателье в семь закрывают.

— Какая машина у Романца?

— «Жигуль», красный. Только в этот раз он был на белом. Когда приехал в тот день, я еще спросил: «Новой машиной обзавелся?» Он посмеялся и говорит: «А что, плохая?»

«Хорошо бы с самой Бабич побеседовать.— подумал Щерба, благодарно глядя на Верещака.— Шиманович звонил сюда скорее всего ей. С Романцом он мог созвониться в городе, встретиться там... То, что Шиманович звонил сюда,— это документально доказано. А вот был ли он тем субботним гостем — это еще большущий вопрос... Я просто натягиваю чужой костюм на свой манекен... Пойду в больницу... Вдвуг...» — решил Щерба.

Больница находилась почти в центре городка. Красивое старое здание из темно-серого с едва заметной глазурью кирпича, две готические башенки по углам придавали ему вид крепости. Когда-то это был госпиталь кармелиток.

Главврач — немолодая кургузенькая женщина в туфлях на низком каблучке, стоя на цыпочках, пыталась втиснуть в ряд папок на верхней полке шкафа еще одну.

Объяснив, кто он, Щерба спросил:

— Не мог бы я повидать Бабич Ульяну Васильевну? Она поступила к вам с инсультом... Мне нужно с нею поговорить... буквально пять — десять минут.

— Я сейчас узнаю.— Женщина сняла трубку с аппарата без диска и попросила: — Марийка, дай-ка мне неврологию... Александра Иосифовна, больная Бабич у вас?.. Как она?.. Так... Да... Понятно, понятно.— И, положив трубку, обратилась к Щербе: — Даже если бы мы вам разрешили... она неконтактна. Вторые сутки в коматозном состоянии.

Щерба поднялся.

— Печально,— сказал он, и не понять было, кого жалел: старуху Бабич или себя...

Перед уходом на работу Щерба позвонил Голенку:

— Ты еще дома?

— Как видишь.

— Можешь зайти ко мне по дороге в свою контору?
— Что за срочность?
— Есть разговор.
— Хорошо...

— Что случилось? — с порога спросил Сергей Ильич. — Опять Юрка Кухарь?
— Да пошел он! — отмахнулся Щерба. — Ты ездил в Ужву недели три назад?
— Да. — удивился Сергей Ильич. — А в чем дело?
— Сейчас поймешь... К Ульяне Бабич?
— Да.
— В связи с чем?
— По одному наследственному делу... Ты-то откуда знаешь?
— Я тоже навещал те края. После тебя. Мне ее сосед, Верещак, сказал, что ты беседовал с ним. Она унаследовала что-нибудь?
— Выяснилось, что к наследодателю она не имеет отношения.
— А ее племянник — Романец Ярослав Федорович? Не попался тебе?
— Когда я понял, что она не тот человек, которого я ищу, я больше не интересовался никем в их родословной... Ты можешь сказать мне, в чем дело? Это что, имеет отношение к смерти Богдана Григорьевича?
— Кто знает? — развел руками Щерба. — Работаем.
— Учти, они были знакомы — Бабич и Богдан Григорьевич.
— Я знаю.
— Не исключено, что Шиманович посетил ее: он обещал мне помочь в составлении родословной Бабич. Но не успел. Я даже не знаю, что он успел.
— Романец мог знать, что тетка — вероятная наследница?
— Вполне. Я отправил ей два письма-запроса. Правда, ответов не получил. Почему бы племяннику не знать об этих письмах?
— А имела ли у Романаца возможность потом убедиться, что он к наследованию не имеет никакого отношения?
— Нет. О том, что Бабич не является наследницей, знал только я. Да и то уже после смерти Богдана Григорьевича.
— Есть ли вероятность, что Романец завязал знакомство с Шимановичем, желая заполучить какие-нибудь свидетельства в свою пользу как возможного наследника?
— Только вероятность.
— Там большая сумма?
— Триста тысяч долларов.
— Ого-го!
— Думаешь, здесь может что-нибудь получиться?
— Где-то когда-нибудь должно получиться. — пожал плечами Щерба.
Когда Голенок ушел, Щерба позвонил Скорика.
— Виктор Борисович! Добрый день... Прошу вас сделать следующее. Запишите: Романец Ярослав Федорович. Первое — через ГАИ установить модель, цвет, номер его машины. Второе: под благовидным предлогом, скажем, кто-то сбил и водитель скрылся с места происшествия, снять отпечатки резины на машине Романаца. Третье: оперативным путем выявить самый узкий круг его друзей, у которых тоже есть машины... Записали?... Действуйте!

На первый допрос, своего рода знакомство, Щерба вызвал Ярослава Романаца повесткой, хотя мог и телефонным звонком в облархив. Располагая немногим, Щерба решил начать пожестче, поэтому и отправил повестку. Он уже знал от майора Соколянского и адрес Романаца, и то, что Романец живет один, но из тактических соображений повестку послал в облархив, намеренно создавая Романацу некоторое неудобство. Продумывая очередность вопросов, которые он собирался задать Романацу, Щерба опять же учитывал свой небогатый фактами багаж, потому важно было во время допроса ограничить простор возможных воображений Романаца...

Они сидели друг против друга. Разглядывать Романаца Щерба не стал, но вдруг вспомнил, что на этом же стуле сидел Олег Зданевич, тоже сотрудник облархива, и что кончилось это ничем. «Как бы и здесь не повторилось то же самое, — суеверно подумал Щерба. — Не заколдован ли для меня этот облархив?»

Пояснив Романацу его ответственность за дачу ложных показаний, Щерба приступил к допросу:
— В субботу, 15 августа, вы были в Ужве?
Романец задумался, словно вспоминая.
— Был. У тетки.
— У вас есть машина?
— Да.
— Какая? Подробней, пожалуйста.
— «Жигули» 2101, номер ПГА 17-24.
— А какая на ней резина?
— Обыкновенная, «ноль-первая», диагональная, 6.15 на 13. Уже лысая, менять пора... Простите, а что произошло, если не секрет?
— Автонаезд. Погиб человек. Водитель скрылся... В котором часу вы приехали в Ужву?

— Кажется, около двенадцати дня.
— А уехали?
— Приблизительно в семь.
— С кем?
— Один.
— Но у вас в машине видели человека.
— За городом подобрал. Голосовал.
— Старый, молодой?
— Молодой.
— Уточните, пожалуйста, где он подсел к вам?
— Сразу за Ужвой на шоссе. Там есть магазин «Хозтовары».
— Это была первая ложь. Щерба помнил слова соседа Ульяны Бабич, Верещака: «...когда вышел из телеателье, смотрю — Славка проскочил на машине... кто-то еще рядом, а кто — не разглядел...» Но ложь ли? Может, кто-то из них просто ошибается. Щербе, как ни странно, хотелось, чтоб это была ложь. Пусть ее будет как можно больше, тогда легче добывать правду.
— Где вы высадили пассажира?
— У въезда в Подгорск, возле автобусной станции. Щерба вытряхнул из пачки сигарету, закурил, предложил Романацу. Тот отказался.
— Я некурящий...
— И правильно! — одобрительно произнес Щерба. — А я вот все не могу бросить... Ярослав Федорович, кто еще находился в доме вашей тетки, когда вы там были?
— Никого.
— Вы хорошо это помните?
— Да.
— А вот Верещак говорит, что слышал голоса.
— Возможно, до моего приезда кто-то заходил.
— Верещак говорит, что слышал два мужских голоса: ваш и еще чей-то.
— Не знаю, это какое-то недоразумение.
Щерба посмотрел на часы:
— Ярослав Федорович, я вынужден прервать допрос, через десять минут у нас совещание... Придется нам еще раз встретиться... Впрочем, может, обойдемся и без вас.
— Буду очень признателен, — торопливо заверил Романаца. — Времени у меня нет, много работы. Готовлюсь к поездке в Мюнхен на симпозиум.
— Завидую, — улыбнулся Щерба.

35

К предстоящей встрече со Щербой Скорик кое-что успел. Через ГАИ он уже знал модель, цвет и номер машины Романаца. Все совпадало с тем, что Романец показал на допросе у Щербы. Сравнив отпечатки протекторов с машины Романаца с теми, что были сняты со следов на трамвайной остановке у дома Шимановича, Скорик расстроился: те скаты были радиальные, «ладовские», 6.45-13, а на машине Романаца диагональные, 6.15-13. Помнились, правда, слова Верещака, что Романец приезжал в Ужву не на красном своем «жигуленке», а на другой машине — на белой «Ладе». Розыскники майора Соколянского определили круг близких друзей Романаца. Как ни странно, их оказалось совсем немного. И один из них — скульптор Окпыш — имел белую «Ладу».

Скорик вызвал Окпыша на допрос в качестве свидетеля.

Скульптор явился точно в назначенное время. Это был коренастый широкоплечий человек, на вид лет сорока, с обильной седою бородой. Он сел, заложил ногу за ногу, опустил на нее большие сильные руки мастерового с навсегда въевшимися темными ободками под коротко остриженными ногтями.

Скорик начал без протокола, готовясь извиниться и отправить скульптора:

— Отвлек вас от работы, Виталий Арсеньевич? Что поделаете. Вы траваем?

— Передвигаюсь на машине, иначе ничего не успею.

— У меня впечатление, что пешком быстрее. Город так забит транспортом.

И тут в дверь постучали. Вошел старшина милиции.

— Виктор Борисович, вам. — Старшина подал Скорика большой конверт. — Разрешите идти?

Скорик кивнул, распечатал конверт, вытащил содержимое — это были снимки следов протекторов с машины скульптора и заключение эксперта. И гласило оно, что следы протекторов машины, принадлежавшей человеку, сидевшему сейчас перед Скориком, идентичны тем, что были обнаружены на конечной трамвайной остановке у дома Шимановича. Сдерживая свою радость, Скорик отложил снимки и как можно спокойней обратился к Окпышу:

— Что ж, приступим, Виталий Арсеньевич.

— Я готов, — повел тот головой.

— Какая у вас машина? Модель, номер, цвет, резина?

— Белая «Лада», ПГА 02-20, резина радиальная, 6.45 на 13.

— Пятнадцатого августа, в субботу, куда вы ездил? Вспомните?

— Никуда. Я уже вспоминал, мне гаишники сказали,

что кто-то был сбита пятнадцатого, надо было поневоле вспоминать, где был, что делал.

— Может быть, вы кому-нибудь давали свою машину?

Окпыш нахмурился. Наступила пауза.

— Давал машину приятелю, — наконец сказал он.

— Кто такой?

— Романец, Ярослав. Ему надо было к тетке в Ужву лекарство отвезти. Его машина забарахлила... Он, что ли, сбил кого?

— Когда Романец сказал, что машина забарахлила?

— Накануне вечером. Он был у меня в мастерской. Тут все без трепы, я смотрел, подшипник трамблера полетел.

— Когда он возвратил вам машину?

— В тот же день, ночью, около двенадцати. Я еще ругал его, где-то в битум влетел правыми колесами. А я не люблю, налипают, потом колесо бить начинает...

— Виталий Арсеньевич, мы хотели бы опечатать ваш гараж с машиной. Буквально на два-три дня. С вашего согласия, конечно.

— Ну, если нужно...

— С вами пока все, Виталий Арсеньевич... Прочтите, пожалуйста, подпишите тут и тут...

— Ну что, Виктор Борисович, ваши впечатления? — спросил Щерба, доводя борца.

— Машину Романец брал у скульптора по вполне объяснимой причине. И поездка в Ужву естественна — к больной тетке. Кое-что в показаниях Романаца не совпадает с тем, что говорил вам сосед Ульяны Бабич — Верещак. Но нет у нас никаких доказательств, что Шиманович был в тот день в Ужве.

— Я хочу, чтоб вы поехали сегодня в Ужву. Необходимо по всей форме допросить Верещака.

В субботу вечером перед ужином Щерба собрался было в подвал, чтоб взять банку огурцов. Он рылся на кухне в ящике буфета, ища ключи, когда раздался телефонный звонок.

— Михаил Михайлович! Добрый вечер! Это Виктор! Надо встретиться! — узнал Щерба Скорика. Голос того был нетерпелив, возбужден, напорист. Необычным казалось и то, что Скорик назвал себя просто «Виктор», чего прежде не бывало; обычно, звоня, он говорил: «Это Скорик».

— Что за срочность? Вы откуда? — спросил Щерба.

— Из дому... Есть что рассказать!

— Как съездили в Ужву?

— Лучше не бывает! — торжествовал голос Скорика. — Так где и когда, Михаил Михайлович? — настаивал Скорик.

— Можем у меня. — Щербе никуда не хотелось выходить из дому. — Поужинаем. Годится?

— Давайте!

В непосредственности этого жадного согласия Щерба уловил не бесцеремонность, а безразличие к самому ужину, желание как можно быстрее встретиться.

— Приходите к восьми. Адрес знаете? Улица Гонты, восемь, квартира четыре, — назвал Щерба.

Скорик пришел к восьми. В руках его был портфель. «Что он, бутылку принес?» — удивился Щерба.

Но Скорик аккуратно поставил портфель в прихожей и вслед за Щербой прошел в комнату. Лицо его было возбужденным, он чему-то улыбался.

— Давайте прямо к столу, — сказал Щерба. — Есть хочется. Разносолов не обещаю, но картошка у нас вкусная, селедочка неплохая, атлантическая баночная.

Скорик вышел в прихожую, вернулся с целлофановой папкой и подал ее Щербе:

— Допрос Верещака.

Щерба читал, отмечая точность вопросов и конкретность ответов Верещака. Здесь было все, что тот рассказывал Щербе, никаких противоречий или изменений в указании места, времени.

Скорик, отложив вилку, встал.

— А теперь сюрприз, Михаил Михайлович. У вас ненужной газеты не найдется?

Щерба, недоумевая, протянул газету Скорика. Тот расстелил ее на полу, как фокусник, глядя на Щербу, запустил руку в кулек и извлек оттуда пару сравнительно новых туфель.

— Где вы их нашли? — оторопел Щерба. — Это они?

— Это мои. Я ездил в них в Ужву. — Скорик повернул туфли к глазам Щербы подметками.

Обе подметки и каблук были густо измазаны оранжевой краской.

Скорик опустил обувь на газету.

Они стояли, глядя друг на друга: Щерба, прищурясь и что-то соображая, Скорик — ожидающе.

— Садитесь, картошка стынет, — сказал наконец Щерба, возвращаясь к столу. — Ну? Рассказывайте.

— Калитка во двор Бабич была открыта, — начал Скорик. — Я поднялся по крыльцу на веранду. Сразу почувствовал запах свежей краски. Подергал дверь — заперта. И тут меня окликнул Верещак: «Эй, товарищ, куда?! Там покрашено! Заперто тут, вход у них со двора через кухню. А вы к кому?» Я двинулся назад, но нагадить успел прилично: на полу хорошие следы

моих ног... Объяснил ему, кто я и зачем приехал. Он повел меня к себе. Допрашиваю его, а сам на туфли поглядываю: жалко, ацетоном мыть придется. Поймал он мой взгляд и говорит: «И вам не повезло, и мне. Первый раз покрасил, а на следующий день был у них какой-то гость, видно, чужой, не знал, что с веранды хода нет, ну и полез, как вы. Второй раз сегодня пришлось покрывать». Закончил я допрос, мысленно перебираю, не упустил ли что-нибудь, и тут меня кольнуло: а когда он первый раз красил? «Ульяна давно просила меня обновить. Все подходящей краски не было. А тут выбросили. Купил, значит. Во вторую пятницу месяца было, ко мне как раз из телеателье приезжали гарантийщики, забирали в ремонт». Угадываете, Михаил Михайлович, о чем я подумал?

— Угадываю, угадываю,— буркнул Щерба.
— Вторая пятница — это четырнадцатое. И человек, наследивший в субботу, был чужой, не знал, что вход со двора, полез на веранду... Ну, закончил я допрос, попросил у Верещака какую-нибудь старую обувь. Дал он мне разбитые кеды, на два номера больше. Я переобулся, свои туфли в газету завернул... Вот и все... Да, я еще взял у Верещака этой краски в баночку из-под майонеза.
— Вот это вы правильно сделали.
— Как считаете, зацепились мы?
— Во всяком случае, есть чем заняться,— неопределенно ответил Щерба.

Прошло не две недели, как рассчитывал Щерба, а три. Откуда-то натянуло набрякшие сизые тучи, медленно, низко ползли они над городом, то в одном его районе, то в другом вдруг срывался дождь. Похолодало. Даже днем было хмуро, серо.

Позавчера получили заключение экспертизы: краска на ворсе коврика из «Лады» Окпыша, из баночки, привезенной Скориком, и на его туфлях имеет общую групповую принадлежность. Щерба понимал, что подобное заключение могло играть роль лишь косвенную, в совокупности с другими доказательствами.

Сценарий допроса Романца Щерба и Скорик проговорили накануне. Сейчас, ожидая Романца, Щерба думал, что за время, истекшее с момента первого допроса, Романец, если версия их чего-то стоит, получил возможность успокоиться и как-то подготовить себя к следующей встрече в этом кабинете. Думал Щерба и о том, что обыск в его квартире спустя столько времени уже ничего не даст. По сообщению оперативников, ничего необычного в его поведении не было...

Романец опоздал минут на пятнадцать, извинился, сославшись на какую-то срочную работу. Внешне он никак не изменился, был спокоен, не сетовал, не возмущался, будто давал понять: «Я понимаю, это неизбежная формальность, рад помочь, чем смогу, надеюсь, что пробуду тут недолго».

Он ждал, что следователь придвинет к себе бланк протокола допроса, возьмет ручку и приступит. Но тот сидел, откинувшись в кресле, потом вдруг спросил:
— Как самочувствие Ульяны Васильевны?

Такое начало было несколько неожиданным, Романец шевельнулся в кресле, посмотрел на Щербу, ответил:

— Плохо. Безнадежно. Это уже второй инсульт.
— Сочувствую,— пожимал Щерба.— Она знает, что с предполагаемым наследством произошла ошибка?
— Какая ошибка? — Романец бросил руки на колени, словно хотел привстать.

— Разве вы не в курсе дела?
— Нет... Что за наследство? — спросил Романец, вытирая лоб платком.— Душно у вас.

— Ну, раз вы не знаете, оставим это... Я открою форточку.— Щерба подошел к окну и потянул рычаг фрамуги, затем вернулся к столу, сел, придвинул к себе бланк протокола допроса, взял ручку.— Начнем, Ярослав Федорович, не будем терять времени.— Про себя Щерба отметил: «Он сразу спросил, «какая ошибка». Если он не в курсе дела, естественной был бы вопрос, о каком наследстве идет речь, а потом уже об ошибке с ним».— И так, в котором часу вы прибыли пятнадцатого августа в Ужву?

— Я уже говорил — около двенадцати.
— В своей машине?
— Нет. Моя была не в порядке.
— А что случилось?
— Полетел подшипник трамблера.
— На чьей же вы приехали?
— Я попросил у приятеля... Назвать фамилию?
— Да. И модель машины.
— Окпыш. Скульптор. У него «Лада».
— За то время, что вы находились в доме Ульяны Васильевны, кто-нибудь заходил?
— Нет... Я уже говорил вам.

— А вот Верещака в своих показаниях утверждает, что слышал разговор между Ульяной Васильевной, вами и еще каким-то мужчиной.— Щерба умышленно сказал «слышал разговор», а не «слышал голоса».

— Тут он что-то напутал... О чем же мы говорили, если так?
— Вот я и хотел у вас уточнить.

— Напутал он,— дернул головой Романец.

— В котором часу вы уехали из Ужвы?

— Около семи.

— Один?

— Прошлый раз вы записали с моих слов, что уехал я один,— раздраженно сказал Романец,— и что на выезде из Ужвы, возле магазина хозтоваров, подобрал голосовавшего человека. Повторяю это и сейчас.

— Тут неувязочка, Ярослав Федорович. Верещака, будучи в центре Ужвы возле телеателье, видел, как вы проехали, и рядом с вами сидел еще один человек. Что ж, и здесь Верещака напутал? Странная путаница. Не так ли?.. На меня он произвел впечатление человека памятьливого.— Щерба в упор посмотрел на Романца.

— Просто не знаю...— Романец развел руками.

— Вы постарайтесь вспомнить это обстоятельство, а пока пойдем дальше... Где вы высадили вашего пассажира?

— У въезда в Ужву, возле автостанции.

— И куда дальше поехали?

— Ставить машину к Окпышу в гараж.

— Каким маршрутом?

— Через въездной путепровод, потом по Шевченко, повернул на Техническую. У него мастерская и гараж там.

— Значит, вы ехали самым коротким путем? Как я понимаю, езды было минут на пятнадцать, верно? По южной окраине города?

— Да.

— По дороге куда не сворачивали?

— Нет.

— Хорошо помните? Подумайте.

— Нет, никуда. С путепровода прямо к Окпышу.

— В котором часу это было?

— В начале десятого.

— А вот Окпыш говорит, что было это около двенадцати ночи. Как тут быть?

— Не знаю...

— От Окпыша куда вы направились?

— Домой.

— Выходили куда-нибудь еще?

— Нет. Выпил чаю, почитал и лег спать.

— Значит, в центр и на восточную окраину города не заезжали?

— Конечно, нет. Это не по дороге. Да и бензин кончался, лампочка мигала.

— Хорошо помните?

— Да.

— Тогда объясните, Ярослав Федорович, каким образом в ту же ночь «Лада» Окпыша могла оказаться в другом конце города, на улице Садовой, возле конечной трамвайной остановки? Вот снимки ее протекторов. Оба правых колеса.— Щерба достал из конверта фотографии и положил перед Романцом.— Хочу сразу заметить: после того как вы поставили машину, Окпыш ее той ночью не брал. У него в мастерской были гости. До утра. Они опрошены нами. Алиби. В Ужву вы уехали в начале одиннадцатого утра. Так? Вы пришли к Окпышу утром, он вывел машину из гаража, и вы отправились в Ужву. Правильно?

— Да.

— За день до этого там, где мы обнаружили следы, машина не могла бы припарковаться: на том месте шли ремонтные работы, укладывали новые бордюры, каток закатывал свежий асфальт. Как вы объясните, откуда это? — указал Щерба на снимки. Он видел, что Романец устал, виски запали, посерели, набрякли, дергалась голубенькая жилочка.

— Не знаю.— Прикрыв глаза, Романец облизнул губы.

— Но должно же быть объяснение этому, Ярослав Федорович? — Щерба уже чувствовал, что первоначальная мелкая ложь, извлеченная из Романца, которая могла сперва показаться и не ложью, теперь вставала за спиной допрашиваемого стеною, не пускаящей уже Романца назад, на тот простор, где можно импровизировать.— Не станете же вы мне говорить, что почти с пустым баком отвозили на Садовую, в другой конец города, некую женщину, имя которой назвать не можете,— вам дорога ее честь.

— Я не знаю, что вам сказать,— вяло развел руками Романец.

— Мне нужно немного, Ярослав Федорович: правда. Тогда и вам станет легче... Тут ведь вот какой сюжет сложился, смотрите: кто-то, не зная, что дверь, ведущая в дом Ульяны Васильевны с веранды, постоянно заперта, все-таки пошел на веранду и, разумеется, хорошо набрал краски на подошвы своей обуви. На коврике в «Ладе» Окпыша, где сидел человек, которого вы везли и которого видел Верещака, красивший накануне пол на веранде, нами обнаружены свежие следы этой же краски. Такого заключение экспертизы. Откуда она на ворсе коврика, Ярослав Федорович? Как объяснить это совпадение?

— Романец молчал. Щерба закурил, потом позвонил в соседний кабинет, где ждал Скорик.

— Виктор Борисович, минут через пять,— сказал Щерба и положил трубку.— Вопросы, Ярослав Федорович,— повернулся он к притихшему Романцу,— я став-

лю перед вами простые. А они кажутся вам почему-то сложными, и вы мучаетесь в поисках ответов. С чего бы?.. Ну, хорошо. Еще один простой вопрос. Вы знаете человека по фамилии Шиманович? Богдан Григорьевич. В прошлом адвокат. Когда Ульяна Васильевна судилась с другим соседом, Шиманович помог ей выиграть дело.

— Не встречал такого.

— Он старый, за семьдесят, худощавый, невысокого роста.

— Нет, не помню.

Щерба чувствовал, что устал от какой-то бесплодности: он видел, что Романец увяз, понимал, что каждый вопрос попадает в цель, а в протоколе вместе с тем зияют пустоты: «Не помню», «Не знаю», и тому подобные неопределенности... «Он как в ступоре», — подумал Щерба.

В дверь постучали, и вошел Скорик, держа в руке матовый целлофановый кулек.

— Я не помешаю? — спросил Скорик.— Не ожидая ответа, расстелил на широком подоконнике газету, извлек из кулика туфли и положил их так, чтобы обе подошвы, испачканные краской, оказались перед глазами Романца.

Щерба увидел, как судорожно дернулся кадык на шее Романца, как взгляд его словно приклеился к липкой оранжевой краске.

— Они разве?..— вырвалось у Романца, он что-то хотел спросить, но тут же, словно опомнившись, умолк.

— Что они? — спросил Щерба.

Романец утер ладонью пересохшие губы. Щерба что-то сказал ему, затем молодой парень, принесший туфли, произнес какие-то слова: «...жалко... попробую ацетоном», — которые непонятно к кому были обращены, Романец уже ничего не воспринимал, он словно оглох, в ушах стоял звенящий гул, в них била толчками кровь, страшно разболелась голова, ее словно жгло изнутри. «Скорей... Скорей бы...— путались слова.— Надо коротко, чтоб закончилось это мучение...»

Его везли в закрытом «уазике». Он не раз видел такие: в них милиционеры заталкивали хулиганов, втискивали подобранных у пивнушек алкашек. Теперь вот везут его. В машине пахло какой-то мерзостью — потом, блевотиной, скисшим табачным дымом.

«Куда же меня везут? — думал Романец, вспоминая все, что происходило в кабинете следователя.— Ага, он сказал «...следственный изолятор»... Они прервали допрос... Я попросил... Ах, это проклятое первое письмо. Оно лежало у тети Ули под подушкой... Из Инюрколлегии. Я увидел его, когда перестилал ей постель... Когда-то давно тетя Уля рассказывала, что есть какой-то родственник в Америке... Иногда получала письма... Меня это не интересовало... Я давно забыл... никогда не думал и не вспоминал, что исчезло для меня... А увидев письмо, вспомнил... Удивился, что тетя Уля умолчала о нем... Спрашивая не стал... Потом появилось объявление Инюрколлегии в «Подгорской правде» и пришло второе письмо. Нашел его в почтовом ящике, когда брал газеты... Целый вопросник... И я подумал: это мой шанс... Тетя Уля не жилиц: один инсульт был... тяжелый диабет, семьдесят восьмой год... Письмо я от нее утаил. Чтоб потянуть, потом будут иметь дело уже со мной... Пришел запрос и в архив... Надежда Францевна велела порыться и ответить Инюрколлегии... Я не спешил, волокитил; сколько мог... Но тут в Ужву приехал этот старик... Черт его понес на веранду... Зеленая папочка, полная бумаг... А на ней надпись: «У. В. Бабич». Он все выспрашивал тетю Улю... Она лежала, а он сидел рядом, записывал... Я сказал: «Хватит, она устала, дайте ей передохнуть...» Окна были раскрыты, я боялся, что кто-нибудь нас услышит... Дал тете Уле таблетку трентала и димедрол... Она уснула... Я увел старика на кухню... Он сказал: «Мне нужно еще кое-что уточнить». «Может, я смогу помочь?» — предложил я. «Речь идет о деталях родословной тех лет, когда вас и на свете еще не было», — возразил он. «Там что, такая сумма, что вы, старый человек, не поленились тащить в автобусе по жаре?» — спросил я. «Сумма впечатляющая...» Мы долго сидели на кухне и беседовали. Я узнал, кто он и что. Потом он захотел еще раз поговорить с тетей Улей. Но я уже не церемонился: «Она спит. Не надо ее беспокоить. Ее нельзя переутомлять. Вам придется приехать еще раз. Но предварительно позвоните». Мною уже владела одна мысль: не дать ему так быстро закончить, нельзя, чтоб его бумаги ушли в Инюрколлегия, пока тетя Уля жива... Около шести она проснулась, я напоил ее чаем. Предложил старику довести до города. Мне важно было увести его из Ужвы... Я довел его до дома на Садовой, хотя мне это было не по дороге... И бензин кончался... Припарковался у трамвайной остановки... Было около девяти. Мне хотелось войти в дом к старику. Сказал, что хочу пить. Он пригласил. Поразило убожество... Полки, стеллажи, папки, справочники, картотечные ящички... Как у нас в архиве... Зеленую папочку старик заложил между другими... Боже, как мне хотелось знать, что в ней! Она меня гипнотизировала... Какая

сумма? Обнаружил ли он еще что-нибудь в родословной? Или я один остаюсь после смерти тети Ули? Я осторожно задавал ему эти вопросы. Но он хитро уклонялся, хотя я уверял, что, кроме меня, у тети Ули никого нет. Я понимал, работал он долго. Собранное в папке досталось нелегко. Исчезни она, восстановить будет непросто, потребуется много времени... И полуслушливо сказал, что в случае получения наследства я гарантирую ему надбавку к пенсии. «На каких условиях?» — засмеялся он. И тут я сказал: «Не спешите выяснять и передавать бумаги в Инюрколлегия». Он долго смотрел на меня, словно выуживал мои мысли. Потом произнес: «Молодой человек, а вы негодяй... Сейчас я выставлю вас отсюда. Но сперва что-то покажу», — он направился к полкам. Я видел его заросший затылок, сутулую спину. Я обвел взглядом его мерзкое жилище. И тут на глаза мне попалось пресс-папье... Когда я уходил, заметил в коридоре его туфли. Обе подметки в оранжевой краске!.. Я подумал: будут искать место, где он вляпался... Туфли я зашвырнул в багажник и по дороге выбросил за ограду кладбища. Сперва один, а потом, проехав, другой... И все... Конеч... То, что было в той папке, ничего мне не объяснило... Старик не успел... Объяснилось в кабинете следователя: тетя Уля не являлась наследницей!.. И эти двое в кабинете, как собаки у норы... Ждали, чтоб я выполз из нее... И я выполз... Как трудно было рассказывать им!.. Они требовали подробностей! И еще будут выдирать их из меня... А это пытка!.. Они сломают мне душу, но выдерут все... Надо сразу... Завтра надо сразу... Иначе я сойду с ума...»

Машина остановилась, хлопнула дверца, приблизились шаги, задняя дверь открылась, и милиционер сказал:

— Выходите!..

36

По пути на работу они встретились на трамвайной остановке. Октябрьское утро было серое, ветреное, к мокрому асфальту прилипли желтые листья платанов. В воздухе висела морось. Народу на остановке собралось много, и Щерба предложил Сергею Ильичу пройти пешком.

— Собираешь чемоданы? — спросил Щерба.

— В каком смысле? — не понял Сергей Ильич.

— Слышал, в ФРГ едешь, все по тому же делу?

— Кто тебе сказал?

— Жены наши вроде знакомы.

— Это уж точно...

— Так куда? В Мюнхен? В Бонн?

— В Эрланген... Но все это по воле вилами писано.

Позвонили: «Готовьтесь». Таких звонков за мою жизнь, знаешь, сколько было? В последний момент посылают клерка из своих. Он привезет начальнику «Шарп», а жене начальника здоровенную коробку красок и помад для макияжа... А я в итоге поеду в какую-нибудь Ужву... Что у тебя? Все-таки Романец? Дает показания?

— Работаем...

Они дошли до прокуратуры.

— Ну, будь здоров.— Щерба отворил тяжелую дверь.

- Где истоки лицемерия?
- «Боюсь выпустить сына на улицу...»
- Почему не в радость уроки труда?

✉

Дорогая «Смена», голубушка!
Пишу я вам из Казани. У меня есть сын, которому 14 лет. Учится он в 8-м классе. Боюсь за него очень. Еще когда он учился в 4-м, в школе на общем собрании выступила инспектор по делам несовершеннолетних. Очень понятно она нам объяснила, что дети, живущие в нашем городе, в конце концов попадут или в тюрьму, или в больницу, или в морг... И вот уже Тимур учится в 8-м, а группировки с каждым днем растут, как на дрожжах. Я не могу спокойно работать, спать, есть, не пускаю сына никуда, да он и сам все время дома, дома, дома... Страх сковал. Все ссылаются на школу, на родителей. Но в чем, скажите, я виновата — в том, что мой сын, как и другие подростки, хочет гулять на улице? Недавно он попросил: «Отпусти меня, мама. Не могу больше сидеть дома». Что я могла ответить, ведь у него уже лицо пожелтело от того, что целыми днями сидит дома без свежего воздуха и дышит газом (батареи у нас холодные, вот газом и обогреваемся).

Я учила и учу его только добро. И вина моя, наверное, в том, что не научила сына сопротивляться злу, насилию. Так что теперь — уезжать из родного города? А если с сыном что-то случится — и мне не жить...

Как бы вы поступили на моем месте? Подскажите мне, как дальше-то жить? Я очень устала... Есть родители, которые каждый месяц платят дань «лидеру» — по 10 рублей, — чтоб их сына не трогали. У меня пока не просят...

...Вчера вечером на улице снова изуродовали мальчика. На «скорой» в больницу отправили, три часа над ним врачи колдовали, но спасти не смогли... Почему наши дети погибают на улице? Кто в ответе, кто виноват? Люди добрые, скажите!

САВИНА Людмила Александровна,
ветеран труда, Казань

✉

Мы живем в маленьком городке Ангарске, где много молодежи. В последнее время у нас участились массовые драки с колами, цепями, кистенями. Сколько молодых парней калечат друг друга, сколько ужасов на улице в вечернее время! Страшно становится! Только и слышишь «избили, убили, изнасиловали». Хочется знать, где наша доблестная милиция? Занимается самогончиками да устраивает «засады» в ресторанах? Мы не знаем, что надо делать, но хочется по вечерам гулять в парках, ходить в кино, не прячась от каких-то одичалых толп, которые ищут в темноте свои жертвы и при этом в большинстве случаев оказываются безнаказанными. Может, наши законы слишком гуманны и надо принять самые крутые меры к распоясавшимся бандитам? Создает впечатление, что и работники милиции боятся их. Когда же в городе будет порядок?

Настя В. и Игорь В.,
Ангарск Иркутской области

✉

Я живу как бы в двух действительностях — школьной и бытовой. В школе у меня одна маска, дома, с друзьями — другая. Школьная роль мне уже надоела: костюм жмет — стал мал, а другого нет. Каждый играет, не показывая своего истинного лица. Причем все мы знаем, кто из себя что представляет. Но не всегда же мы были такими! Был же 1-й класс, когда мы были хорошими, добрыми, не держащими камня за пазухой и не раздающими фальшивых улыбок. Почему же сейчас главное во взаимоотношениях — лицемерие и желание увидеть слабость и унижение «товарища по учебе»?

Несколько лет назад в нашем классе учился внук министра (ныне ушедшего на пенсию). Денис был милым мальчиком, и никто о его «высоком» происхождении не знал, кроме нашей учительницы. Мы очень дружили, и ничего плохого о нем я сказать не могу. Но вот как-то раз нас заставили по-настоящему задуматься о том, кто учится рядом с нами. Наша компания, Денис в том числе, стояла у стола, на котором лежала банановая шкурка. Мимо проходила учительница параллельного класса и, заметив шкурку, попросила Дениса ее выбросить. Он уже собрался выполнить просьбу, как тут появилась наша учительница, выхватила из рук Дениса кожуру и объяснила своей коллеге громким шепотом: «Это же внук министра!..» Не могу сказать, что к Денису стали относиться хуже, но стало понятно, почему он пользуется особым расположением учителя. Замечая все эти мелочи, я задавала себе вопрос: «За что?» и сама же отвечала: «За дедушку!» И на душе становилось как-то неприятно.

Такое же чувство я испытываю и сейчас, в десятом классе, когда слушаю «ударника» комсомольской работы, вещающего с трибуны о нужности правого дела и борьбе с существующими недостатками. И при этом знаю его как свои пять пальцев, в частности, его фразу: «Ничего, лапшу на уши им навешают, зато характеристика у меня будет — хоть в газете печатал!»

Слышала сама, как один парень после выступления такого вот активиста сказал: «А я бы хотел в 17-й год. Пусть нищета, зато люди во что-то верили!» Тихо так сказал, но я его поняла.

Итак, аксиома школы: «не высываться — да не побит будешь». А потом взрослые удивляются, откуда такой высокий процент так называемого «серого» человека, которого не видно и который всем доволен. Отсюда! Из школы выходят эти люди, привыкшие либо молчать, либо получать оплеухи за свои слова.

Возможно, кто-то упрекнет меня: «Ах, ты все понимаешь — так чего же сама бездействуешь? Берись за дело — и вперед!» Все правильно, но мы еще не созрели, мне кажется, чтобы так вот сразу взять лопату в руки и перерыть все это болото, осушить его. Вокруг так много корявых пней, которые цепляют за ноги.

А двигаться все равно надо...

А. ПОКРОВСКАЯ, Москва

✉

Пьянство неразрывно связано с нашей экономикой. Думаю, решить эту проблему можно лишь немедленным переходом на настоящий хозрасчет, а не на модельки на уровне моделиста-конструктора. Надо широко и смело внедрять во все сферы жизни арендные и кооперативные начала. Настоящий хозрасчет автоматически дает людям реальные стимулы работать, и работать качественно (то есть трезво). Бюрократия же сознательно пичкает народ модельками светлого будущего, предпочитая для себя светлое настоящее. Ей выгодно иметь вместо трезвого народа полупьяную толпу. Ею легче управлять. Достаточно забраться на бочку и, размахивая красным флагом в одной руке, бутылкой — в другой, кинуть клич, и толпа пойдет хоть в Афганистан, хоть на БАМ, хоть реки поворачивать. Ей все равно, была бы выгода. У трезвого же народа обязательно появляются всякие вопросы, на которые надо обстоятельно отвечать...

О. НЕФЕДОВ, Челябинск

✉

Мы рискуем оказаться среди тех, кто «вызвал бурю в стакане воды». Но не откликнуться на публикацию «Вечера сторожа Суклетина» («Смена № 12 за этот год) невозможно: нельзя читать ее без дрожи, возмущения и омерзения. Не согласны, что только колонии и длительные сроки составляют таких негодней, вырождков. А как же Шакирова и Никитин?! Нам кажется, что и наше общество в значительной мере виновато в этом. Мы со страхом говорим о драках, убийствах, издевательствах, о воровстве, рэжете, наркомании, достигших невероятных размеров в среде молодежи. Но как-то все остается без изменений. И это, на наш взгляд, одна из причин появления моральных уродов в обществе. Каждый должен знать, что за правонарушение, а тем более за убийство неотвратимо следует наказание. Мы устали бояться за своих детей и близких. Хотя, конечно, кража подростка и преступление взрослого человека должны оцениваться по-разному.

Непонятно, как можно оставлять в живых людей, которые сознательно и хладнокровно шли на убийства, а глумление над живыми и мертвыми?

Сотрудники Объединения МЭЛЗ,
Москва

✉

В газетах, журналах и по телевидению часто рассказывается о загрязненной атмосфере, о зараженных продуктах, но ни слова не встречала я в прессе о том, как живет нам в Караганде. А между тем все допустимые нормы отравляющих веществ как в воздухе, так и в продуктах намного превышены. Очень часто в Семипалатинске (а это совсем рядом) производят взрывы в каких-то нужных целях. И мы, жители Караганды, чувствуем это на себе: через минуту после взрыва дома раскачиваются, на следующий день боимся выйти на улицу, а каждый второй лежит пластом и жалуется то на давление, то на головную боль.

Скажите, разве это гуманно, когда человек подвергается облучению и каждый божий день дышит воздухом, отяжелевшим от свинца, толуола, фенола, мышьяка и других вредных примесей, когда овощи и фрукты гниют на глазах от напичканных в них удобрений? А потом все разводят в недоумении руками: почему у «здоровых» матерей рождаются дети-инвалиды? Знаете, у жителя Караганды лейкоцитов в крови значительно больше, чем у жителя Москвы или Ленинграда. Нашу Караганду между собой уже не называют

«любимый город», а называют «крематорий». Страшно подумать, как будут жить наши дети и внуки, мой двухлетний сын.

Н. МЕДВЕДЕВА, Караганда

✉

Не убей, не укради, не соври, не прелюбодействуй, не сотвори себе кумира, почитай отца и мать, отдыхай в воскресенье. Это же очень легко для нас. Я не боюсь написать, что верю в бога. Мне еще 18 лет, но я думаю, что уже поняла, в чем счастье людей. Сколько много молодежи в церквях! Даже дети ходят и ставят свечи. Разве смогла бы поступить какая-нибудь миллионерша так, как поступила блаженная Ксения Петербургская? Разве отдала бы она все свое золото, деньги, богатство, квартиры, дачи людям, домам-интернатам, детдомам? Я думаю, что нет. Но, может быть, и есть такие, которые смогут так поступить. А разве есть у нас сегодня такие женщины, которые поехали бы за своими мужьями в Сибирь, бросив все свое богатство? Может, и есть, но опять же их немного.

Я всегда желала людям здоровья! Ибо нет ничего лучше и прекраснее. Я, конечно, не говорю, что мать, дом, Родина, любовь, жизнь, дети, ум — это менее важно. Но когда у человека нет здоровья, то ему ни до чего. Милые «афганцы»! Не отчаивайтесь, не падайте духом! Я верю, что вам обязательно будет счастье. Только верьте и никогда не гневите бога! Если вы женаты, то у вас будет замечательный сын, который будет для вас счастьем и отрадой. Если вы не женаты, то обязательно встретите такую девушку, которая не посмотрит на то, что вы инвалид. Ведь главное, что вы честный, умный человек! Я верю, что у вас будет счастье!

С уважением Екатерина БАРЫШЕВА,
18 лет, студентка, Ленинград

✉

Помню, как в прошлом году, в мае, перед самым окончанием восьмого класса нас повели на экскурсию на комбинат, где предстояло обучаться. Даже учителя отзывались об УПК неважно: далеко не всем пригодится будущая специальность, да и целый день в неделю будем заниматься, поэтому нагрузка в остальные дни увеличится. Я еще подумал тогда: ничего, другим не нравится, а мне, может, по душе придется.

Встретили нас радушно. Долго водили по кабинетам, все показывали, рассказывали о профессиях, которым обучат. Предложили заранее выбрать подходящую.

Я выбрал специальность телеграфиста.

Но вот заканчивается уже девятый класс, а я учусь на... слесаря. Все очень просто. Кончились каникулы, и нет обещанного выбора. Кому-то повезло больше — учатся на операторов ЭВМ (многим желающим не хватило мест). Но успехи у них не особенно-то велики: за один день в неделю не больно много знаний получишь, да и аппаратура не самая лучшая.

А может, лучше вводить УПК не в 9—10-х классах, а в 7—8-х — вместо уроков труда? Тем, кто пойдет в ПТУ, польза будет. А так получается — труд не в радость. Говорим: воспитать любовь к труду. Но разве таким способом воспитаешь?

Или сделать посещение УПК обязательным для всех? А только по желанию. Варианты могут быть разные. Главное, не надо стараться побольше загрузить учеников любыми способами.

Алексей ЖУРАВЛЕВ, Москва

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ГРОССМЕЙСТЕРА
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

ИТОГИ НОВОГОДНЕГО КОНКУРСА

Участникам конкурса дано было задание составить задачу-миниатюру, расположение фигур которой читалось бы как цифра «9». На конкурс поступило 513 композиций от 127 авторов. Лучшими признаны следующие задачи:

С. Глушков (Уссурийск) и В. Сучков (Чебоксары)

Мат в 2 хода. 1. a7

С. Глушков (Уссурийск) и Г. Хуцишвили (Кировская обл.)

Мат в 2 хода. 1. Фh8

Задачи составлены авторами независимо друг от друга. Подобные совпадения довольно часты в тематических конкурсах, особенно миниатюр. В этом случае признается коллективное авторство. В обеих задачах, кроме четкого рисунка, содержательная трехвариантная игра.

Поощрительная премия — задаче трех «независимых» соавторов: В. Блохин (Вязьма), Л. Бородулин (Запорожье) и Р. Гафуров (г. Сибай, БАССР)

Мат в 2 хода. 1. Ла7

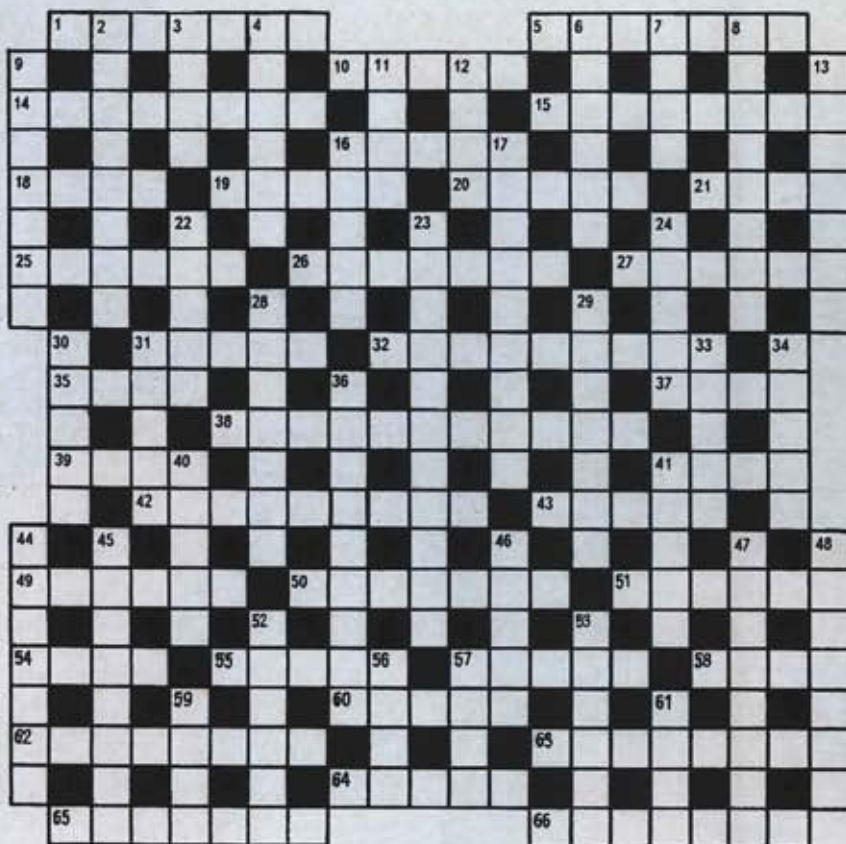
Пешка d4 фактически лишняя: на ее месте может стоять белый король. Правда, для скахографической задачи этот грех простительный.

Интересные задачи прислали также Л. АФАНАСЬЕВ (Тульская обл.), В. ГРЕБЕШКОВ (Псковская обл.), А. ДАШКОВСКИЙ (Черкассы), Ю. ДЕРБЕНЕВ (Горьковская обл.), Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ (Новосибирск), А. КИРИЧЕНКО (Краснодарский кр.), Л. КРАВЦОВ (Николаев), Г. КУЛИКОВ (Саратов), В. ЛЕОНОВ (Херсон), В. МОИСЕЕВ (Калинин), Н. ПАРШЕНЦЕВ (Краснодарский кр.), С. ПЕТРОВ (Иваново), В. СМЕРНОВ (Ленинград), С. СУДАКОВ (Рязань), С. ТАТАРИНОВ (Якутск), М. ХАРЦЕВИЧ (Минская обл.) и другие читатели.

Победители награждаются книгами по шахматной композиции.

КРОССВОРД

Составил А. Блинов, Верхнедвинск Витебской области

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Место для слуги на старинном экипаже. 5. Советская певица, певшая в стиле бельканто. 10. Фигура высшего пилотажа. Ее мастерски выполняет ворон, уходя от сапсана. 14. Устройство на проходной, сыгравшее роковую роль в судьбе М. Берлиоза (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). 15. Советская актриса, первая народная артистка республики. 16. И семь, и миллион. 18. Стоянка у монгольских и тюркских кочевников в древности. 19. Один из символов в скульптуре В. Мухомой «Рабочий и колхозница». 20. Газ, с которого началось производство химического оружия. 21. Русская мера веса. 25. Иркутск как первоначальное поселение. 26. Растение, о котором старинное алтайское поверье гласит: «Тот, кто отыщет золотой корень, будет до конца дней своих удачлив и здоров, проживет два века». 27. Популярный у русских крестьян корнеплод. 31. Эпизинод Алломбов для Машеньки в водевиле А. Чехова «Свадьба». 32. Отец известного поэта, князь, в усадьбе которого его зять Н. Карамзин писал «Историю государства Российского». 35.

Персонаж греческих мифов, герой скульптуры О. Родена. 37. Новгородское собрание, где решающее слово было за теми, кто громче кричал. 38. Способ фотографии, где светочувствительное вещество — иодид серебра. 39. Жестокий, злой человек. 41. Время пранных трав. 42. Дворянский титул Женни Маркс. 43. Металл, использованный при сооружении памятника Ю. Гагарину на Ленинском проспекте в Москве. 49. Поэма Т. Шевченко о Яне Гусе. 50. Тембр голоса Н. Кондратьюка. 51. Место, где старец поведал пушкинскому Руслану тайну похищенной Людмилы. 54. Гора близ мыса Керец севернее Архангельска. 55. Казачья лава как вид боевых действий. 57. Жилое помещение на корабле. 58. Кооперативное пугало. 60. Деталь часов. 62. Французский писатель, прекрасный очерк о котором написал С. Цвейг. 63. Доска, таблица с культовым текстом. 64. Русалка в Древней Греции. 65. Характеристика Обломова по его малоподвижности. 66. Горячий напиток, который сейчас в столовых не встретишь.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Богиня, чье воодушевляющее, вечно юное начало описано в поэме Лукреция «О природе вещей». 3. «Черный...» — работающая система, хотя ее устройство неизвестно. 4. Первый инертный газ, принужденный наукой вступить в химическую реакцию. 6. Столица третьего и десятого Всемирных фестивалей молодежи и студентов. 7. Компонент нержавеющей стали. 8. Африканская птица. У самца столь длинные рулевые перья, что против ветра он лететь не может. 9. Австралийское «животное-амфибия из рода кротов» (из первого письменного упоминания о нем). 11. Благородный серпентин. 12. Грузчик, чернорабочий в странах Юго-Восточной Азии. 13. «...на траве» — картина Э. Мане, объявленная двором Наполеона III оскорбляющей нравственность. 16. Якутский сосуд для кумыса. 17. Русское войско, ядром которого была княжеская дружина. 22. «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи: старца великого тень чую смущенной душой» (старец в стихотворении А. Пушкина). 23. Писатель, с которого И. Репин написал одного из запорожцев, а скульптор Н. Андреев лепил с него Т. Бульбу для барельефа на памятнике Н. Гоголю. 24. Место для старых, но не лишних бумаг. 28. Участник боя быков. 29. Правосудие. 30. Римский историк, автор выражения: «Лучше поздно, чем никогда». 31. Семья французских мастеров художественной мебели. 33. Арабское государство, которому принадлежит остров Сокотра. 34. Греческий философ, которого Аристотель считал создателем диалектики. 36. Северная однорядная гармонь. 40. Европейское государство, глава которого — королева. 41. Национальность космонавта Мусы Манарова. 44. Игра на доске в 64 клетки. На втором месте в США после шахмат, в Японии — после го, 45. Английская актриса. Ее называют «неистойвой Ванессой». 46. Насекомое, поставщик мотыля. 47. Испанская «подбалконная» музыка. 48. Мошеник, плут. 52. Пример для подражания. 53. Материал, которым в средние века прославилась Венеция. 56. Имя французского писателя Ренье, которого любил М. Волошин. 57. Приятный отдых. 59. Судьба. 61. Менять ... на мыло (поговорка).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

1. Часы. 5. ...змир. 9. Лосенко. 13. Топливо. 14. Тоунгуа. 16. Хабаровск. 17. Какапо. 20. Иордан. 21. «Нана». 23. Джунта. 24. Школьница. 26. Нетто. 29. Рыжик. 30. Закаменный. 31. Герб. 34. Кета. 36. Гандболист. 37. Барак. 38. ...овраг. 41. Жеманница. 44. Люстра. 46. «Таис». 47. Бовари. 49. Васьков. 51. Столетник. 53. Грасиня. 54. Лале-руз. 55. Альпака. 56. Трап. 57. Фтор.

По вертикали:

1. Чета. 2. Сопрано. 3. «Плохо». 4. Ботвинник. 6. Мигрант. 7. Риал. 8. Бизань. 10. Сабо. 11. Нарезный. 12. Мукран. 15. Осот. 18. Калькутта. 19. Панама. 22. Сцена. 25. Казак. 27. Евевичник. 28. Тибетец. 29. Рысак. 32. Адрес. 33. Соната. 35. Пансионат. 36. Габриель. 39. Реобазы. 40. Гласис. 42. Насыпь. 43. Исократ. 45. Юрта. 48. Янка. 49. Вклад. 50. Агат. 52. Взор.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1497) ОКТЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН (заместитель главного редактора)
- Борис ДАНОШЕВСКИЙ (заместитель главного редактора)
- Александр КУЛЕШОВ
- Андрей КУЧЕРОВ
- Альберт ЛИХАНОВ
- Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
- Сергей ПОПОВ (ответственный секретарь)
- Юрий РАГОЗИН
- Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
- Евгений РЯБЧИКОВ
- Вадим САЮШЕВ
- Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
- Владислав СЕРИКОВ
- Виталий ФЕДОРОВ (главный художник)

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 18.08.89.
Подписано к печати 31.08.89.
А 00353. Формат 70 × 108¹/₈.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 1124.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
212-21-38 — коммунистического воспитания.
212-23-79 — фотоочерка.
251-32-84 — военно-спортивный.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакция не рассматривает.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС

«РЕКЛАМА-90»

представляет лучшие
видеоспоты,
радиоролики
и рекламные плакаты,

«РЕКЛАМА-90»

дает уникальную
возможность
рекламировать
ваши перспективные
товары и услуги
на мировом
и советском рынках.

«РЕКЛАМА-90»

определит «Мисс Реклама-90»

СССР,
117586, Москва,
ул. Косыгина, д. 15.
телекс: 411049
телефакс: 9382095
телефон: 939-88-96

